Трава на бетоне

Евгения Вадимовна Белякова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мир, в котором каждый человек носит на груди датчик, отсчитывающий часы его жизни. Время смерти каждого человека определено с точностью до секунды. Обреченность толкает людей на безумные извращения, поглощает все разумное и живое. Подросток, не помнящий родителей и проживший половину жизни домашним питомцем, вырывается на свободу и начинает искать собственный смысл своей короткой жизни. Предупреждения: слэш, педофилия, жестокие сцены, элементы зоофилии, изнасилование.

- Евгения Вадимовна Белякова
  -
  - Часть 1
  - Часть 2
  - Часть 3
  - Часть 4
  - Часть 5
  - Часть 6
  - Часть 7
  - Часть 8
  - Часть 9
  - Часть 10
  - Часть 11
  - Часть 12
  - Часть 13
  - Часть 14
  - Часть 15
  - Часть 16
  - Часть 17
  - Часть 18
  - Часть 19
  - Часть 20

Евгения Вадимовна Белякова

Трава на бетоне

Повесть: Киберпанк

Часть 1

Разбудил Арина утренний холод, забравшийся под кожаный плащ и заледенивший затянутое в черную синтетику водолазки тело. Он открыл глаза, потянулся, тут же грохнувшись головой о ржавую крышу покосившегося остова автомобиля, в котором ночевал последнее время, взвыл, прижав ладонь к затылку, другой рукой привычно нащупывая висящий на шее небольшой датчик.

Теплый зеленый свет рассеял дымный полумрак, замелькали перед глазами быстро сменяющиеся цифры, отсчитывающие терции, переломилась квадратная восьмерка, превратившись в семерку.

Твою мать, — пробормотал Арин, убирая датчик под одежду, — какой идиот это придумал?..

Он вылез из остатков машины, поежившись от порыва ледяного ветра, прикрыл рукой трепетный огонек зажигалки, прикурил, жадно вдохнув дым, поднял воротник плаща и побрел между рваными кусками железа, пиная попадавшиеся на пути ржавые банки.

Город встретил его обычной, сосредоточенной тишиной: узкие, бледные лица, озабоченные взгляды, предельно экономные движения.

Все, как и прежде, — все по накатанным рельсам. То там, то тут вспыхивают зеленые огоньки датчиков — взглянув на них, люди становятся еще серьезней, сжимают губы, ускоряют шаги.

Арин остановился возле глухого бетонного забора, протиснулся в щель между плитой и стеной, зацепившись за осколки кирпичей многочисленными стальными цепочками, пристегнутыми к бедру, выругался и вывалился в маленький, захламленный дворик, по сути — колодец между домами, закрытый наглухо со всех сторон.

Но в этом уголке находят приют те, кому больше некуда идти. Здесь, под крышей маленького, наполненного дымом и болезненными огнями игровых автоматов бара, встречаются те, кто не бежит по своим делам, подгоняемый безжалостным светом датчика. Те, которые смотрят на него лишь по привычке и негласно объявлены вне закона.

В баре его встретили дружескими возгласами и смехом:

Привет, малыш! Плохо, небось, после вчерашнего?

Заткнись, — огрызнулся Арин, сминая пустую пачку из-под сигарет и откидывая ее в угол.

Ладно тебе, — ответил кто-то с другого угла. — Иди сюда —

вылечим твою голову.

Вновь грянул общий хохот:

Зря вы так, — задыхаясь от смеха, проговорил бармен, утирая рукой выступившие слезы, — не напоминайте ему… про больные головы…

Ты до сих пор ходишь к своему психу? — пропела официантка, толкая горячим бедром Арина, тесня его с прохода.

Арин с разворота наградил ее пинком, сплюнул:

Вот на хрена я вам рассказал…

Пить надо меньше, — прошипел одноглазый старик, дергающий ручку покосившегося игрового автомата. — Что у трезвого в голове, то у пьяного на языке. Вот и растрепал.

Черт с вами, — решительно ответил Арин, — кто там предлагал меня подлечить?

Иди сюда, — поднял руку незнакомый ему парень в синей вычищенной куртке, из кармана которой виднелся кожаный шнурок, вероятно, от датчика. — Расскажи мне про психа.

Я тебе не шут, — отрезал подросток, — кому попало ничего не рассказываю. Тем более, про него.

Под одобрительный смех он прошел между рядами игровых автоматов, перевернул ближайший стул, сел на него, опираясь локтями на спинку, хмуро оглядел сидящих за столом: рыжего, с иссеченным густой сеткой шрамов лицом, угловатого, с покатыми рабочими плечами, человека неопределенных лет и с веселым любопытством смотрящую на него девушку, зеленоволосую, прикусывающую то и дело толстое витое колечко, продетое через губу.

Рыжего Арин знал — это был знаменитый в Тупиках фармацевт, давно уже переквалифицировавшийся в наркодилера, а в прошлом — довольно успешный аптекарь, продающий разную чепуху, вроде обезболивающего, но попавшийся на подделке кеторазамина. Неизвестно, как ему удалось выжить после разоблачения, но с тех времен его превратившееся в сплошное месиво глубоких, вялых рубцов лицо больше не походило на человеческое, напоминая, скорее, жеваную кукурузу, в месиве которой по странной прихоти природы плавали вытаращенные, водянистые глаза. В Тупиках его называли Меченым.

А вот девушку Арин видел впервые и поэтому присмотрелся внимательней, сжав виски руками в обрезанных перчатках. Девушка смахивает на обычную шлюху, которых здесь полно: плоскогрудая, выцветшая, блеклое лицо под зеленью волос, а вот глаза живые, смешливые, и нашитые оранжевые оборки на облепленном черным латексом тощем торсе тоже наводят на мысль, что ей не чужд юмор и она не из крикливых, грубых,

жадных шалав. Придя к такому выводу, Арин улыбнулся, протянул руку к ее стаканчику, положил голову на стол, помедлил, глядя лукаво, искоса на ее залитую сиреневыми блестками обнаженную шею, поднялся взглядом выше, встретил ее смеющийся взгляд. Девушка подтолкнула ему стаканчик и подняла худую кисть, махнув официантке:

Давай еще!

Спасибо, — поблагодарил Арин, глотнув обжигающую, пахнущую синтетическим яблоком жидкость, — неплохо ты с датчиком…

Девушка улыбнулась, качнула плечом, показывая вплавленный в оловянный резной широкий браслет, светящийся зелеными огоньками приборчик:

Тебе нравится? Я тоже думаю, что красиво получилось.

Арин посмотрел на свой датчик, болтающийся на тяжелой цепочке:

Зажигалка, — задумчиво сказал он, придвигая к себе второй стакан, — я бы из него сделал зажигалку.

Девушка рассмеялась:

Шейла, — представилась она, — Шейла. До смерти ровно пять лет, тринадцать дней и…

Семнадцать часов, — закончил за нее Арин, взглянув на ее датчик.

Меченый зашевелился:

Если ты такой глазастый, — прохрипел он, — то лучше бы обратил внимание на того парня, что таращится сюда уже полчаса.

Очередной педофил, — скривился Арин, — нашел, о чем предупреждать.

Шейла с любопытством заглянула за его плечо:

Он старше тебя от силы на три года. При чем здесь педофилия?

Не знаю, — утомленно ответил подросток, чувствуя, как поплыло по телу привычное тепло алкогольного опьянения, — за мной обычно гоняются одни педофилы.

Исключения редки.

И как? — пригнувшись к столу, звенящим шепотом спросила Шейла, обдав его запахом сладких малиновых духов, — успешно?

Арин поднял голову, посмотрел в ее дымчатые, густо накрашенные глаза:

Что за мания у пьяных баб спрашивать всякий бред? Я же не спрашиваю у тебя, что ты делаешь с Меченым. Все знают, что после махинаций с кеторазамином ему отшибли все, что можно, и он теперь безнадежный импотент, маньяк с сумасшедшими

фантазиями, а платит за их воплощение только дешевой наркотой. А давай спрошу?

Что скажешь?

Меченый довольно закудахтал, разевая рванину кожи над провалом беззубого рта:

Неплохо, малыш!

Девушка тоже рассмеялась:

А я еще не спрашивала тебя, почему ты закрываешь шею, а, хорошенький мой?

Забудь о моей шее и закрой рот, — посоветовал Арин, дотронувшись рукой до плотной ткани водолазки, плотно прилегающей к коже, стянутой тонкими кожаными ремнями. — И вообще… — он поднялся, залпом выпил последний стакан, поморщился, оттолкнул ногой стул, дернул вверх молнию плаща, — спасибо, конечно, но хреновое вы на меня впечатление производите, ребята. Пока.

Он развернулся, столкнувшись в проходе с крутобедрой официанткой, отпихнул ее обеими руками и, закуривая на ходу, вышел из бара.

Странный какой-то, — пожала плечами Шейла, — мог бы просто отшутиться.

Ты просто, сама не зная, попала в точку, — проворчал Меченый, сгребая веснушчатой лапой ее тонкое тело, — Арин — недешевая игрушка, но не любит об этом распространяться.

Недешевая игрушка, говоришь, — раздался рядом незнакомый голос, и из желтых отсветов вынырнула стройная фигура молодого парня — высокого, с коротким стальным ежиком волос и серыми, непроницаемыми, спокойными глазами.

А вот и педофил, — хихикнула Шейла. — Привет, педофил.

Она залилась смехом, но внезапно умолкла, увидев, как выложил он на стол небольшой прозрачный пакетик с россыпью разноцветных таблеток, вытянулась вся, поджав задрожавшие губы:

Ты только посмотри… — задохнувшись, прошептала она, — нет, ты только посмотри на это…

Бесплатно, — сказал парень, садясь на свободный стул. — Продадите втридорога или жрите сами — это не мое дело.

Руки девушки, усыпанные крупными блестками, сами потянулись к пакетику, но Меченый отвел ее ладони:

Тебе что нужно? — сонно спросил он, зашторивая выпуклые глаза мокро-красными, вывернутыми веками.

Вместо ответа парень вслед за таблетками выложил на стол свой датчик:

Глянь на это. Когда видишь такие цифры — понимаешь, что

пришла пора воплотить в жизнь кое-какие фантазии, как ты думаешь?

В Тупиках полно смазливых малолеток, которые за такой пакетик будут валяться перед тобой с раздвинутыми ногами круглые сутки, пока ты не сдохнешь, — ответил Меченый.

Ты видишь разницу между "смазливым малолеткой" и "недешевой игрушкой"? — спросил парень. — Я — вижу. Но, если тебе есть, что о нем рассказать такого, что могло бы меня переубедить, я выслушаю. И, может, добавлю еще немного. С чего это он так высоко себя ценит?

Кеторазамин, — после недолгого раздумья, ответил Меченый, — у Арина очень активен процесс самоликвидации. Для детей с такими же показателями и сроками жизни создана специальная государственная программа: ускоренное обучение в училище и неплохая работа, плюс три положенных дозы кеторазамина за счет бюджета. Его два раза отправляли в училище, но он сбегал и возвращался назад.

Если его поймают еще раз, ему светит колония для бездействующих. Там кеторазамин не положен. Не знаю, почему он не хочет пойти простым путем, но знаю, что ценит он себя дорого не просто так. Черт знает, откуда он вообще взялся и где жил раньше, но характер у него еще тот — он разборчив и, можно сказать, выбирает сам… Получает деньги, конечно. Судя по тому, что он вечно на мели, ему просто хочется жить, и деньги он скидывает на счета очередников на инъекцию. Ему делали одну — это мне известно. И явно не за государственный счет, уж не знаю, кто и за что его так оценил.

Я знаю! — вдруг сказала Шейла, — я знаю, почему он может брать большие суммы. У него шея закрыта. Знаешь, что это значит?

Заткнись, — оборвал ее Меченый, — я все уже рассказал.

Да ну? — проговорил парень, — все ли? Я, например, не пойму, почему его нельзя просто прижать к стенке и трахнуть без всяких денег.

Попробуй, — качнул головой Меченый, взвешивая на ладони пакетик с таблетками, — не ты один такой умный. Говорю же, парнишка с характером.

А что там было про психа сказано?

Про психа… Было пару раз — рассказывал он байки о каком-то сумасшедшем.

Перепивал. Не может быть, чтобы кто-то из людей сдвинулся: слишком уж хорошо нас обрабатывают, когда выдают датчики. А это тебе зачем?

Удивительно просто.

Да, удивительно… Такого не бывает. Все? Больше нет вопросов?

Есть, — сказал парень, задумчиво водя кончиками пальцев по вытатуированному на виске скорпиону, — где его искать?

Везде, — помолчав ответил Меченый, — но, вероятней всего, он в аэропорте. В ангарах. Хозяин ангаров, хоть и сутенер еще тот, но с Арином в дружеских отношениях, и никогда не пытался наложить на него лапу. Не знаю, почему.

Ага, — парень поднялся, кивнул коротко стриженой головой, кинул на стол еще один пакетик и остановился, услышав сказанные ему вслед слова:

Если бы не кеторазамин и не его датчик, я бы тебе хрен что рассказал, несмотря на эту наркоту. Но пацану нужны деньги. Ему осталось совсем мало.

* * *

Макс, он не будет летать, — пиная шнурованным ботинком мятый стальной бок самолета, сказал Арин. — Ты его даже на шасси поставить не можешь.

Будет, — ответил Макс, — отойди от него, придурок.

Действительно, — согласился Арин, отходя, — а то еще развалится.

Заткнись.

Макс, невысокий, неприметный из-за расписанной татуировками под камуфляж кожи, широкоплечий, напоминал бравых солдат с довоенных агитационных плакатов — тех солдат, из которых домой не вернулся ни один, но зато благодаря которым, в сексбизнесе небывало возрос спрос на этот типаж.

Арин присел на корточки, достал из кармана плаща смятую пачку сигарет, щелкнул зажигалкой.

Ты в своем уме? — зашипел Макс, — тут везде керосин.

Я курить хочу, — ответил Арин. — Два раза все равно не сдохнешь.

Не хочу я так дохнуть.

А я ждать не хочу.

Макс внимательно посмотрел в безразличные карие глаза, отложил в сторону ключ, вытер руки куском старой тряпки:

Пошли лучше на улицу.

Пошли.

Они вышли из ангара наружу: под серое, расколотое пополам лопнувшим куполом, бумажное небо, на раскрошившийся бетон, залитый густыми, полустертыми пятнами битума.

Арин присел на корточки, отвел рукой качнувшийся датчик, поднес сигарету к губам, глядя на бескрайние ровные полотнища взлетно-посадочных полос бывшего аэродрома:

Ты все деньги на это тратишь?

С деньгами у меня проблем нет, — откликнулся Макс, — ты же знаешь, насколько это прибыльно. Бывают, конечно, неприятности. У меня недавно парнишка сдох — так я так и не понял, то ли его убили, то ли ему датчик последнее отщелкал.

Ты что, не знаешь, у кого сколько времени осталось? — спросил Арин, туша окурок о металлическую вставку на ботинке. — Дурак совсем? Если так дело дальше пойдет, если кто узнает, что ты за этим не следишь, твоих пацанов целенаправленно будут убивать, а ты размышлять: сам он помер или ему помогли? Да и вообще… Я бы на твоем месте брал бы им кеторазамин. Жалко же.

Слушай, — рассердился Макс, — ты когда последний раз видел стоимость инъекции? Я похож на благотворительное общество? Да и никто из них никогда это не окупит.

Да уж, — сказал Арин, — окупить это сложно.

Извини, — помолчав произнес Макс.

Мудак ты, — ответил Арин. — Ладно… Я пошел.

Слушай, какого черта ты спишь непонятно где? Ладно, я понимаю, почему ты не идешь ко мне, но оставаться в ангаре ты же можешь.

Под крышей — ни за что, — не оборачиваясь, отозвался подросток и пошел сквозь мутный сырой туман в сторону города, горящего вдали мутными, больными желтыми огнями.

Макс пожал плечами и прислонился к рифленому железу стены, глядя на удаляющуюся фигуру друга — одинокую фигуру под лопнувшим куполом, размазанную по серой рамке узкого мира грязным туманом.

Часть 2

Арин не сразу пошел в город, свернул к запасным впп и побрел по растрескавшемуся бетону, слушая эхо своих шагов — приглушенный, одинокий, тревожный звук. Он остановился, когда сквозь рванину купола пробился сырой, промозглый серый ветер, взметнув пылевые вихри, остановился и вскинул голову, закрыв глаза.

Ветер ударил в лицо, лишил дыхания, откинул с глаз пряди густо-сиреневой, обрезанной наискосок челки, заледенил приоткрытые губы. Арин улыбнулся чему-то, раскинул руки, потянулся, повернулся к ветру спиной, спрятал в ладонях трепещущий огонек зажигалки, закурил, прислушался, поднял голову.

Скай нашел его почти сразу — помог профессиональный нюх, безошибочно выводящий на нужных людей. Без этого интуитивного нюха он не смог бы быть тем, кем был: лучшим поисковиком, бравшимся за так называемые "сторонние" дела. Дела, относящиеся к другой, скрытой стороне жизни людей — той, о которой обычно не говорят, но которая приносит в год многомиллионные прибыли, перекрывающие иногда даже доходы от продажи кеторазамина. Заказ на поиск этого парнишки был получен им недавно, и теперь оставалось лишь проверить, убедиться, что это действительно тот, кого он искал. Ошибка свела бы на нет идеальную репутацию поисковика, поэтому он не спешил сообщать о находке. Тем более, что разница между предоставленным фото и стоящим сейчас перед ним подростком была огромной.

Мальчик на фото — мягкая улыбка, очаровательные, доброжелательные глаза, пушистые прядки осветленных волос, а этот — смотрит вызывающе, прищурившись, дерзко, зашторив глаза растрепавшейся сиреневой челкой, прикусив зубами фильтр сигареты. Похож, но… Но не вяжется как-то его образ с тем льнувшим к хозяину ребенком-котенком, каким он, по идее, был раньше. Сейчас это уличный бродяга, затянутый в черную кожу, расчерченную бесчисленным количеством тяжелых цепей, на штанах, на бедре — широкая стальная вставка из спаянных между собой пластин.

Такие же вставки на высоких шнурованных ботинках. Блестящие латексные ремни охватывают открытый под расстегнутым плащом торс, ремни поуже плотно прижимают высокий ворот водолазки к шее, такие же ремни — и на обрезанных перчатках, и весь он — сплав металла и черной

синтетики, весь, кроме ярких, небрежно подрезанных лохматых прядей сиреневых волос и выделяющейся на белой коже, такого же сиреневого цвета татуировки: хитросплетения угловатых узоров, пересекающих скулу.

А лицо красивое, даже слишком — открытое, с привлекающей внимание чуть заметной ассиметрией, необычное, слишком запоминающееся. Похож… Определить, он ли это, можно только одним способом.

Скай шагнул вперед, наклонил голову:

Привет, малыш.

Какая сука меня сдала? — задумчиво произнес Арин, выкидывая окурок, засовывая руки в карманы, — Ладно, к черту это. Чего тебе надо?

Скай подумал немного, сформулировал кратко:

Поиграть.

Не знаю, о чем ты, — качнул головой Арин и развернулся, — пока.

Слушай, не прикидывайся идиотом, — резко сказал Скай, — если тебе, как и всякой шлюхе, для того, чтобы заработали мозги, нужно показать деньги, то они у меня есть. Больше, чем ты себе представляешь.

Арин остановился, глянул через плечо на плотно уложенные в стопку пластиковые карты свободной передачи, улыбнулся:

Пришло время попрощаться с накоплениями?

Я не шучу, и мне некогда с тобой это обсуждать, — нетерпеливо ответил Скай. — Здесь более, чем достаточно, притом в картах — так ты сможешь сразу перевести их на счет очередников. Дошло?

Нет, я тупой, — отозвался Арин, — Притом настолько, что до сих пор не понимаю, о чем ты. Пошел на хер со своим бредом!

Да что с ним такое? Уходит спокойно, по-прежнему держа руки в карманах, уходит — и вместе с ним уходит надежда сегодня же закрыть это дело и передать его хозяину, получив свои деньги. А за сегодняшний день затраты на поиски превысили допустимый уровень — так просто это оставлять нельзя, а этот пацан, вместо того, чтобы согласиться, как сделал бы любой на его месте, уходит без тени сомнения.

Что ж, придется пойти другим путем.

Скай привычным движением вытащил из скрытой под курткой кобуры пистолет, окликнул:

Сюда иди, иначе буду стрелять: мне таких, как ты, не жалко.

Арин остановился, повернул голову, поймал взглядом черный зрачок дула, помедлил, но все же пошел назад, кусая губы, пряча под ресницами засверкавшие тщательно скрываемым бешенством

карие глаза.

Скай обхватил его свободной рукой, развернул спиной, вжал ствол оружия в исчерченный татуировкой висок.

Скользнул ладонью по плотно обтянутой синтетикой груди, остановившись пальцами на соске, прислонился губами к уху подростка:

Сам виноват. Решено?

Арин откинул назад голову, положив ее на плечо Ская, улыбнулся, зажав зубами кончик языка, прикрыл глаза:

Было бы идиотизмом ответить "нет". Хрен с тобой, пошли. Куда?

Так-то лучше, — кивнул Скай, отводя пистолет от его головы, расслабив руку, — куда скажу, туда и пойдешь. И нечего было…

Он не смог закончить фразу, оглушенный неожиданной болью, вспыхнувшей в колене, успел увидеть, как разрывая джинсы, выскальзывает из разорванной выше сустава ноги, узкий стальной стилет, окрашенный в дымящийся ярко-алый цвет. Инстинкт заставил его отпустить Арина, согнуться, схватившись ладонями за пробитое почти насквозь колено, выронив пистолет.

Твою мать!

Да-да, — кивнул Арин, отбегая на безопасное расстояние, вкладывая складной клинок обратно в гнезда стальных пластин, нашитых на штаны, — в жизни бывают разочарования — неприятно, но все же. Пока!

Скай, сжав зубы, потянулся было к оружию, но острая боль согнула его пополам, а из-под пальцев поплыли густые подтеки, заливая одежду. Мелкая тварь! — успел не только ударить, вогнав стилет почти до упора, но еще и провернуть, разворотив мышцы.

Парнишка с характером? Да просто идиот! Отказался от денег, взялся отбиваться, стоя под дулом пистолета… Кретин просто, а не парнишка с характером… Сука, как же больно… И неожиданно: достал же. Вот уж никогда не думал, что упущу какую-то шлюху, да еще и вооруженный… Не может это быть он: не совпадает по характеристикам, но, если все же он, сдав его обратно, я получу не только свои деньги, но и личное удовлетворение. А еще лучше, перед тем, как сдать, трахнуть его, прибив к какой-нибудь стенке этим же стилетом…

Скай выпрямился, наконец, отряхнул залитые кровью руки. Ни хрена себе игрушка…

Что-то здесь все-таки не так… Ладно, на сегодня приключений хватит, нужно повнимательней прочитать досье, поискать слабые места, сравнить запомнившееся лицо с фото. Красивый… Когда положил мне на плечо голову, заулыбался, меня вообще всего свело от желания — такая смесь опытности и

детскости, с ума сойти можно… Ничем не напоминает легкодоступную малолетку, которых в Тупиках полно.

Но все же, видно, что опыта ему не занимать, притом опыта не примитивного, не уличного… А ведь на деньги все-таки внимание обратил…

* * *

Второй этап розыгрыша, компания "КетоМир" представляет вашему вниманию рекламную акцию. Стоимость лотерейного билета снижена вдвое! Выигрышных билетов стало больше!

Арин поднял голову, глядя на укрепленный на стене небоскреба огромный монитор, с которого улыбалась полногрудая девушка. Девушка наклонила голову, призывно облизнула губы, понизила голос:

Попробуй… Выиграй… Продли свою жизнь, и кто знает, может, ты встретишь меня…

Под рекламным экраном останавливались люди, прислушивались, и, взглянув на датчики, спешили дальше, но Арин точно знал, что, как минимум, половина из них сегодня купит лотерейный билет в надежде увидеть под лаковой пленкой волшебное слово "кеторазамин".

Ближе к торговому центру количество рекламы возрастало, шквал неоновых огней: синих, желтых, красных — пятнал болезненные, серьезные лица, покрывая их разноцветными лишаями. Отовсюду липли улыбки мониторов, блестки на полных губах, татуировки на обнаженных плечах и шепот динамиков, настойчивый, навязчивый:

Новая государственная программа: ускоренное обучение и трудоустройство…

Зная время, знаешь цель…

Мы зависим только от самих себя…

Страна поддержит…

Новая рекламная акция! Оплата инъекций вне очереди…

Время бесполезных людей прошло…

Выиграй!

И, может, ты встретишь меня…

Арин остановился возле небольшого магазина, вошел внутрь, оперся руками на прилавок, обвел взглядом ряд поблескивающих янтарными цветами высоких бутылок:

Давайте, как обычно, — сказал он продавцу, — или нет. Больше. У меня сегодня день не задался.

Меньше бегай, где ни попадя, — сурово отозвался грузный

мужчина, снимая с полки квадратную, тяжелую бутыль. — Дождешься… Сколько можно шататься? Знаешь же, сколько тебе осталось, распланировал бы все, как нормальные люди, отучился, отработал…

И подох, — закончил Арин, выкладывая на прилавок деньги, — нет, спасибо.

Премного благодарен.

Дурак ты, — сказал продавец, отсчитывая сдачу, — эту систему придумали люди поумней тебя. Теперь никто времени зря не теряет — живем, как должны! Трудимся, отдыхаем, сколько положено, а не жрем по подворотням. Жизнь, пацан, слишком ценная вещь, чтобы тратить ее на всякую ерунду.

Вот именно, — пробормотал Арин, пряча бутылку под плащ. — Счастливо.

Вали.

Арин вышел наружу, поднял глаза на рекламный монитор, с которого улыбалась очередная красотка, выставляя напоказ залитые желтым латексным кружевом груди, потом повернулся и увидел менее привлекательную картину. У обочины, рядом с покосившимся фонарем, держась за него обеими руками, согнув костлявые плечи, стояла Шейла, тяжело и прерывисто дыша. Короткая голубая юбчонка, обнажавшая бледные ноги, расписанные крупной сеткой салатовых чулков, была залита неизвестного происхождения красно-оранжевой жидкостью. Та же жидкость стекала с ее всклокоченных волос, в которых запутались осколки стекла.

Арин подошел поближе, наклонил голову, пытаясь заглянуть в склоненное, густо замазанное косметикой лицо.

Ты чего тут делаешь?

Шейла качнулась, хватаясь за его руку, рассмеялась весело, беззаботно:

Нет, ты представляешь… Вот урод. Как же можно даму… бутылкой по голове?

Арин не выдержал и тоже рассмеялся:

Дура, — сказал он, — чем это ты так довела?

Не знаю, — ответила Шейла, выпрямляясь, кусая колечко, продетое сквозь губу, улыбаясь, — как-то не так рассказала про свою жизнь.

Ты что, не знаешь, что надо рассказывать? — Арин согнул руку в кисти, отставил ногу, томными и печальными стали вдруг карие глаза, — я должна жить ради своего ребенка… У него процесс самоликвидации идет медленно, а я уже умираю… Я так хочу жить ради него… Поэтому я и стала проституткой… Вот так вот, твою мать.

Не мне тебя учить.

Шейла согнулась пополам от смеха:

Или вот — мой любимый умирает… Я должна его спасти!

С любимым херовей прокатывает. Слушай… У меня литр отличного пойла и уйма времени. Составишь компанию?

Пошли, — легко согласилась девушка, отряхивая волосы от стекла. — Посмотри сзади, у меня чулки не порваны?

Арин заглянул ей за спину, скользнул взглядом по высоко обнаженным худым ногам.

Нет.

Какое счастье, а. Все-таки, есть в жизни приятные моменты. Пойдем, хорошенький мой.

Арин привел ее на кладбище автомашин, помог перебраться через завалы ржавых остовов, распахнул покосившуюся дверцу более-менее сохранившегося пикапа:

Залазь, дама.

Шейла наклонилась, полезла внутрь, не заботясь о том, что задравшаяся юбчонка обнажила худые ягодицы с тонкой полоской латекса между ними, уселась на сиденье, протянула руку, забирая бутылку. Арин влез следом, сел, закинув ноги на разбитую приборную панель, откинулся на спинку сидения, заложил руки за голову:

Я здесь ночую в последнее время.

Уютное местечко, — кивнула Шейла, откручивая зубами пробку и делая большой глоток, — но без удобств.

Если ты имеешь ввиду душ, то к моим услугам лучшие бассейны и сауны одного заведения под громким названием "Блиндаж".

Это бордель возле аэродрома?

Он самый.

Ты там работаешь?

Я там не работаю, — сказал Арин, забирая у нее бутылку, — я там просто свой. Это самое нормальное место из всех такого типа.

Чего это вдруг? — спросила Шейла, мельком взглянув на свой датчик, — там так же убивают ради прихоти, насколько я знаю. И так же калечат.

Зато туда не берут детей-отбраковок. Знаешь, что это?

Девушка отрицательно качнула головой.

Арин устроился поудобней, вытащил из кармана пачку сигарет, закурил, прикрыв глаза:

Когда новорожденному устанавливают степень интенсивности процесса самоликвидации и выдают датчик, бывают такие случаи, что родители отказываются от них, если процесс слишком активен. Не хотят привязываться, понимаешь?

Вроде бы как в интернат. Но на государственное обеспечение их не берут: нет смысла и кеторазамин на них тоже бессмысленно тратить.

И что?

Ну, их или разбирают на части или продают в бордели. Правда, такие заведения, где детям три — четыре, максимум, пять лет, обычным людям неизвестны.

Ты-то откуда такое знаешь? — шепотом спросила Шейла, заломив нервно хрустнувшие тонкие пальцы.

Арин не ответил, прикуривая от окурка следующую сигарету, отставил бутылку, дернул пальцами ремни на груди, расслабляя тугие застежки.

Девушка печально посмотрела на него сквозь редкие, густо накрашенные ресницы, потянулась вперед, обхватила руками скрытые под прохладной кожей плаща плечи, увидела, как опустил он глаза, глядя непонимающе, опустилась ниже, прижалась на мгновение щекой к сильному плоскому животу, потянула зубами молнию штанов.

Что, блин, за манера, — проговорил Арин, приподнимая ее, застегивая ширинку обратно, — что за хрень? Во-первых, жалеть меня нечего, я к этому никакого отношения не имею, а во-вторых, так жалость не проявляют. Сиди и пей.

Шейла утерла рукой тонкие губы, улыбнулась растерянно:

Да ты не так понял… Это просто я много выпила.

Мало ты еще выпила, — отозвался Арин, выкидывая окурок. — Пей, Шейла… Пей.

Девушка глотнула обжигающую жидкость, закашлялась, постучала ладошкой по узкой груди, прикрытой оранжевыми оборками:

Значит, ты все-таки педик?

Нет, — помедлив, ответил Арин, — то, чем являюсь я, называется по-другому.

* * *

Скай внимательно смотрел на фото, сравнивая запомнившиеся черты с изображением.

Татуировки нет, а вот эта притягательная ассиметрия… Присутствует. Хотя, точно сказать нельзя: мальчик снят вполоборота. Держится руками за плечо хозяина, в темных глазах — немое обожание и щенячья преданность, хрупкое детское тело стянуто кольцами стальной колючей проволоки, исчерчено струйками свежей крови.

От такого неминуемо должны остаться шрамы. Раздеть бы этого пацана, посмотреть, что там у него. Далее идет досье, выученное наизусть, но все же…

Скай крутнул колесико мышки, проматывая текст:

"Кличка: Тейсо

Статус: Разумный питомец (обучен речи) Передан на дрессировку в "Меньше слов" в трехлетнем возрасте.

Активность процесса самоликвидации: 23677453,897564 % на 60 минут жизни.

Инъекции: кеторазамин (1).

Спонсоры: "Меньше слов", "КетоМир", личные вклады.

Выписан из питомника как предмет проведения акции "Подарок на день рождения".

Личные характеристики на момент передачи хозяину: ласковый, спокойный, обучаемый, привязчивый, послушный".

Скай откинулся на спинку кресла, потер рукой лоб. Вот тут-то и не сходится ни черта. Ни хрена себе "ласковый"! Он глянул на колено, затянутое уже успевшими намокнуть в крови бинтами. Если верить досье, питомец сбежал сам. Но, черт побери, как бы он выжил на улицах? Обучен речи. Этого мало, чтобы справиться с большим городом. Логичней предположить, что этот "подарок" подох где-нибудь на помойке давным-давно, а Арин просто похож внешне. Слишком он дерзок для бывшего питомца, слишком уверенно держится. Основная задача дрессировки — вбить ребенку в голову, что он любимый строгим хозяином зверек, поставить его в полную зависимость, убить все зарождающиеся зачатки личности. А тут, как ни крути, личность есть. Дурная, конечно, личность. Подростковый максимализм во всей красе, но все-таки, чтобы приобрести даже такую, нужно прожить жизнь вменяемым человеком, а не клянчить у хозяйского кресла кусочки пирожных и не визжать от радости, когда он приходит, чтобы натрахаться вдоволь.

И еще… история с этим психом. Что-то очень знакомое. Было у меня одно дело, за которое я так и не решился взяться, пораженный его абсурдностью — найти сумасшедшего паренька. Какие, к черту, сумасшедшие? Нам промывают мозги с самого начала, сойти с ума — нонсенс… Но, все-таки, архивы стоит поднять. Посмотреть, что там к чему. Может, если Арин и не питомец, то хоть даст зацепку на то, старое дело.

Ладно, за двумя зайцами гоняться не стоит. Вернемся к Арину. Его надо заставить лечь под меня, тогда уж доказательств будет выше крыши.

Скай щелкнул мышкой, потянулся за телефоном, набрал номер, в ответ на короткое "слушаю" сказал, не раздумывая:

Мне нужна сумма, равная стоимости кеторазамина. Притом, наличными… Слушайте, я все понимаю, но выбирайте сами: или ваша зверушка, или пошли вы на хер. Эти деньги вернутся. Мне лишь нужны доказательства. Я грязно не работаю. Моя репутация безупречна — я не вор, и никуда с ними не денусь. Впрочем, решайте сами.

Он сбросил звонок и потянулся, расправляя усталые плечи.

Ладно, посмотрим, откажешься ли ты на этот раз…

Часть 3

Скай проснулся от того, что дико болели плечи. Еще бы, снова заснул за компьютером, просматривая бесконечные ленты файлов. Все-таки не удержался и нашел старое дело, связанное с сумасшедшим пареньком. Потянулись связующие ниточки между делом Арина и этим психом. Оба они были подопечными питомника "Меньше слов". Но, в отличие от Арина, этому парню вкатили все три положенные инъекции кеторазамина, притом спонсором являлся тот же "КетоМир" — никаких личных вкладов. "КетоМир". Ведущая компания по изготовлению кеторазамина, монополист, сеть лабораторий и научно-исследовательских институтов по всему миру. Зачем ей нужно было вкладывать деньги в ребенка? С сбежавшим питомцем все понятно: он был подарен сыну одного из исполнительных директоров компании, поэтому и получил свою дозу, продлевающую жизнь ровно настолько, насколько позволит коэффициент его процесса самоликвидации. А зачем было поддерживать жизнь второго ребенка, неясно. И вообще, с ним многое неясно. Начиная с того, что дальнейшая судьба его после продажи из питомника неизвестна, и даже мне не пожелали предоставлять информацию, заканчивая тем, что охарактеризован он как "сумасшедший". В мире идеального контроля за разумом людей, в мире, где каждый, получая датчик, проходит курс гипноза и ряд тренингов, сумасшедших не бывает.

Скай качнул головой, щелчком выбил из пачки сигарету, закурил, взглянул на мятно-зеленые цифры датчика. Мда. "КетоМир" спонсирует жизни мелких шлюх, а остальные люди умирают пачками, всю жизнь тратя на однообразную, ненужную им работу на заводах и фабриках. Очень справедливо. Гребаный город…

Что за дерьмо… Ради удовольствия богатого педофила продлевают жизнь какому-нибудь смазливому пацану, который расплачивается за это максимум порванной жопой, а потом и вовсе сваливает и шляется по свалкам, пьет все, что горит и, когда кончаются деньги, ложится под каждого встречного.

А люди, которые заслуживали жизни, по-настоящему ее заслуживали, любили жизнь, улыбались ей спокойно, ласково… Они умирают, когда гаснет датчик. Умирают, как умерла моя сестра.

Скай потушил окурок в тяжелой металлической пепельнице, поднялся, расправил усталые плечи, потянулся всем сильным тренированным телом, поморщился, почувствовав боль в колене.

Но… Может, я и не совсем прав насчет Арина.

Все-таки на банального бродягу он не похож. За ту сумму, что я ему предлагал вчера, в "Блиндаже" можно было купить штук десять этих малолеток на месяц личного пользования. Притом деньги я предлагал в картах свободной передачи. Ему стоило лишь отсканировать эти карты своим датчиком, и их уже никто не смог бы у него отнять. Так почему он отказался?

Побоялся подделки? Так называемых "магниток" — кустарно сделанных карт, которые замыкают электросвязи датчика и выводят на мониторчик ложную информацию о перечислении на счет? Но "магнитки" штуки редкие… О них вообще не все знают.

Но, если он знал, значит это единственное объяснение его отказу. Что ж, чтобы не возиться, поставим его перед фактом. Точнее, перед наличкой. И кеторазамином.

Скай, ежась от холода серого пластикового пола, подошел к мигающему ласковым огоньком заряднику, выдернул из гнезда карту, провел ею по узкой щели приемника датчика и всмотрелся в монитор. Перечислили. Черт, какая ирония — почувствовать в своих руках тяжесть херовой кучи денег, предназначенной лишь для того, чтобы вернуть подыхающему хозяину любимую зверушку.

Радует лишь одно — перевод этих денег означает, что репутация моя безупречна, ведь мало кто удержится от того, чтобы не купить кеторазамин, даже зная, что остаток дней ему придется провести крысой, забившись в какую-нибудь нору, дрожа от страха перед колонией или — кто знает? — просто быстрой смертью от укола. Мне доверяют. Знают, что я не обману, хоть и получу за выполнение заказа куда меньше…

Ладно… Сначала в банк, потом в Тупики — искать Арина. Все-таки, интересный пацан. Интересно посмотреть на него в деле. Сдержаться он не сможет, он покажет себя питомцем. Если он, конечно, был им…

Скай натянул плотную синтетическую футболку, которая легла на сильные изгибы мышц, превратившись в матовую светящуюся вторую кожу, влез в рукава куртки, закуривая на ходу, щелкнул замком, вышел на лестницу, а потом вниз, на улицу — на сумрачную улицу, заполненную зелеными огоньками датчиков и месивом сосредоточенных бледных лиц.

У колючей громады улья-небоскреба, на крытой грязным пластиком стоянке, его ждал маленький скоростной автомобиль — недешевая игрушка для тех, кто знает в этом толк. Неприметный, пепельно-серый, низкий, узкий, напоминающий стальную стрелку на тугих широких шипованных шинах.

Жалко, что придется гонять его по Тупикам, но тут уж ничего

не поделаешь…

Через минуту автомобиль, стремительно набирая скорость, помчался на окраину — туда, где обрывался лес залитых рекламным светом небоскребов и начиналось зыбкое поле разбитых, раскрошившихся серых домов, туда, где за чертой города рыжей рванью простиралась свалка автомобилей и серой широкой рекой лежали взлетно-посадочные полосы бывшего аэродрома.

По дороге к Тупикам Скай заехал в банк, где без проблем снял со счета невероятную сумму, которую спокойный клерк отсчитал, лишь взглянув внимательно в серые холодные глаза посетителя; три тугих, плотно упакованных хрустких пачки, пронизанные насквозь ультрафиолетом — предосторожность, позволяющая светом датчика моментально проверить любую купюру на подлинность.

Скай запихнул бумажные брикеты в пристегнутую на поясе сумку, тщательно закрыл ее курткой и вернулся к машине.

А я все видела, — произнес позади него игривый женский голос, — надо же, никогда бы не подумала, что педофилы так богаты.

Скай развернулся, оценивающе окинул взглядом худую фигурку. Шейла повернулась, покружилась, качнув узкими твердыми бедрами.

Как тебе моя юбка?

Она потянула пальцами лакированную желтую кожу рассыпанных по ногам узких полос, под которыми виднелись тонкие паутинки фиолетового кружева трусиков.

Ты-то здесь что делаешь? — спросил Скай, открывая дверцу машины. Действительно, на ловца…

Шейла посерьезнела, поправила ремешок сумочки на костлявом плече:

Да так. Нужно было кое-куда деньги перевести. А это хороший банк.

Садись, — сказал Скай, закуривая сигарету, кладя руки на руль.

Девушка моментально обогнула машину, стуча прозрачными пластиковыми каблучками, с готовностью залезла в прохладный, пахнущий хвоей и озоном салон.

Мы куда-нибудь поедем или в машине? — спросила она, когда автомобиль вывернул с улицы и помчался дальше, на окраины.

Куда-нибудь поедем, — сказал Скай, кивнув ей на отодвижную панель внизу приборной доски.

Шейла тонкими пальцами отвела панель, застыла в

восхищении при виде аккуратно упакованных пакетиков с разноцветьем таблеток:

Можно?

Бери. Один и послабее.

Да я и не знаю таких комбинаций, — растерянно прошептала девушка, — я не знаю, что будет от вот этого набора… Семь "солнышек", одна "порше" и три "датчика".

Что от такого будет? Я после этого что-нибудь вообще смогу?

Не знаю, бери, — Скай повернул голову, наблюдая, как торопливо слизывает она с ладошки цветные таблетки, перевел взгляд на дорогу, внимательно рассматривая встречающихся прохожих, думая о том, что, если он встретил эту бабу, то, чем черт не шутит, может, удастся наткнуться и на Арина. Видимо, они безбоязненно выходят в деловые центры, несмотря на то, что негласно объявлены вне закона, как бесполезные и, попавшись, отправятся в колонию, откуда живым не выбирается никто.

Он отвлекся, ощутив прикосновение холодных пальцев к своему плечу, увидел расширившиеся, голубоватые зрачки, заострившиеся черты лица, жутковатую гримасу старательно сдерживаемого наслаждения на лице Шейлы, обрамленном жидкими зелеными прядями волос:

Мне уже все равно, останови машину, давай здесь.

Скай отвел ее руку, подал пачку сигарет:

Покури и успокойся. Давай поступим по-другому. Тебе понравилась комбинация?

Шейла, давясь дымом, судорожно приоткрывая густо накрашенные губы, кивнула.

Я дам тебе еще три таких пакета, а ты скажешь, что ты знаешь о тех, кто закрывает свою шею.

Девушка, глядя с любопытством за окно, явно видя там не только бетонные кладки домов-клеток, проговорила:

Я просто работала как-то в одном борделе… Ко мне приходил всегда один парнишка. У него тоже была закрыта шея — плотно, даже вроде бы ремешками воротник держался… И я…

Она замолкла, запрокинув голову назад, улыбаясь нежно, обреченно, глядя вверх обессмыслившимися внезапно глазами.

Скай протянул руку, крепко, до синяков, сжал острую коленку, прикрытую крупными красными розами кружева чулок.

Дальше.

Шейла тупо посмотрела на его руку:

Дальше… Знаешь, он очень жестокий был. Очень. И никогда не снимал одежду полностью. Мне всегда было очень больно и обидно, но больше всего я испугалась, когда однажды я…

* * *

Арин с трудом вырвался из тягучей, тревожной, наполненной обрывками кошмаров дремы, приоткрыл глаза и вздрогнул, увидев знакомое со вчерашнего дня, спокойное лицо.

Твою мать, — пробормотал он, потягиваясь, ища пальцами датчик под воротником плаща, — откуда ж ты взялся?

У тебя трепливые друзья, — ответил Скай, — что неудивительно, учитывая, что практически все они плотно сидят на наркоте.

Арин нахмурился, что-то припоминая, но потом махнул рукой, мельком взглянув за быстро бегущие цифры на экранчике счетчика.

Скай посмотрел туда же, присвистнул:

Да, малыш, я тебе не завидую. Жить тебе осталось…

Пошел к черту, — перебил его Арин, — я сам знаю, сколько мне осталось. И ты ненамного старше меня, так что оставь этих "малышей".

Скай пробрался внутрь разбитого пикапа, сел рядом с подростком, потянул пальцами тяжелую цепочку на его шее, посмотрел внимательней на нескончаемый бег мятно-зеленых цифр.

Давай по-хорошему, — сказал он.

Арин опустил ресницы, скользнул взглядом по вытатуированному на виске Ская скорпиону:

Кто бы говорил.

Я серьезно.

Скай расстегнул куртку, дернул замок сумки:

Глянь сюда.

Сколько там? — спросил Арин, отводя взгляд от плотных пачек.

Кеторазамин, — ответил Скай, — твой кеторазамин.

На секунду ему показалось, что парень просто выпал из этого мира: опустели, став просто темным стеклом, карие глаза, сжались губы — весь он подобрался, будто увидев бесконечное количество нулей на готовом погаснуть датчике.

Напряжение — хлесткое, упорное, тревожное. Он весь стал сплошным напряжением.

Красивым, невероятно красивым — без беспечной дерзости, без полудетской импульсивности, заледеневший, ставший самим собой — глухой стеной, скрывающей страстное желание жить. На побледневшей коже четко и изумительно расцвел глубокий сиреневый узор татуировки, под дрогнувшими ресницами полускрыт наливающийся осознанием печальный взгляд. Четкий

профиль, лоб, скрытый яркими растрепавшимися прядями волос, медленное движение руки, подносящей сигарету ко рту. Глядя на то, как обхватил он губами фильтр, крепко, придавив оранжевую тугую бумагу, Скай опять ощутил горячий прилив желания. Да черт бы его побрал, он еще думает…

Парень, — он подхватил легкий счетчик, висящий на груди Арина, и помахал им перед его лицом, — тебе не кажется, что тут не время тупить?

Арин непонимающе повернул голову, и вдруг бешеным весельем свернули карие глаза:

Сдаюсь. Куда?

Скай улыбнулся:

Я уж думал, ты вообще безмозглый. Пошли, выберемся с этой свалки, я припарковался недалеко отсюда.

Он шел между рваными остовами старых машин, иногда оборачиваясь. Куда? К сожалению, придется везти тебя к себе домой. Я хотя бы буду уверен, что оттуда ты никуда не денешься, а потом просто забуду об этом.

Не нравится мне твое лицо сейчас — бредешь еле-еле, словно и не осознав еще полностью, за что именно ты куплен, не задумываясь о том, что по идее мог бы сейчас получить жизнь. Ладно, это неважно. Если тебя так любит хозяин, что ему стоит впороть тебе еще одну инъекцию? Благо, из возможных трех ты получил пока только одну.

Так что, пацан, я тебе жизнь спасаю, что бы ты ни думал.

Арин безропотно влез в машину, улыбнулся понимающе, почувствовав запах знакомых сладких малиновых духов, закинул ногу за ногу, оперся локтем на окно, положил голову на согнутую кисть руки.

Скай посмотрел в его осунувшееся лицо, опустился взглядом ниже — к тонким складкам на ткани кожаных штанов, бегущим по внутренней стороне бедер, одернул себя, повернул ключ.

По дороге Арин заснул, откинувшись на спинку удобного сидения, заснул спокойно, уронив голову на плечо, мягким бархатом легли лиловые пушистые ресницы на тонкую, почти прозрачную кожу, разжал он сведенные в замок руки, обтянутые ремнями обрезанных перчаток.

Разгладилось его лицо и явственно проступили детские еще, плавные линии его черт и стала видна их хрупкость, скрываемая ранее дерзкими, жесткими словами и спрятанная вызывающим блеском карих глаз.

Скай отвел взгляд, когда неосознанно, поворачиваясь во сне, Арин коснулся рукой его плеча, расслабленно проведя пальцами по синей ткани куртки, словно ища что-то, но потом опустил

голову, пряча лицо под воротником плаща, вздохнул и утих.

Мимо пролетали извечные рекламные мониторы, с которых сверкали обнаженные, со вкусом сделанные силиконовые груди моделей, предлагающих лотереи, выигрыши и вечную жизнь. Мимо летели огни борделей и тусклые операционные фонари банков.

Мимо летели тусклые вывески кинотеатров, где с утра до ночи крутили порнографию.

Мимо спешили потоки освещенных зеленым светом датчика, тюленьих мертвых лиц.

А рядом спокойно спал, прижав руку к губам, истрепанный жизнью подросток, истрепанный, разодранный ей вдоль и поперек, но не сдавшийся — яркий сиреневый проблеск, не изуродованный цветными лишаями реклам и неона.

Скай заглушил двигатель, тронул Арина за плечо:

Пошли.

Арин сразу же открыл глаза, обвел глазами салон, остановился взглядом на скрытом в полумраке лице, хотел было что-то сказать, но передумал, молча потянув на себя ручку двери.

Выбрался из машины, поежился под вечерним холодом и масляными всплесками желтого света фонарей, поднял голову, всматриваясь в уходящую ввысь громаду небоскреба:

Какой этаж?

Семьдесят седьмой.

Ага, — непонятно ответил Арин, — красиво будет.

Скай не ответил, подталкивая его к подъезду.

* * *

Ничего себе квартира, — сказал Арин, надкусывая взятое со стола яблоко, обводя взглядом огромное металлопластиковое серо-стальное помещение. Ряды аккуратных полок, компьютер на укрытом в нише столе. Холодный свет небольших округлых лампочек, вмонтированных в стены, пол и потолок, в теряющихся в полумраке углах висят, раздвигая пространство, тусклые, словно ртутные, зеркала. Вся квартира — огромная, полуосвещенная зала, нацеленная на ощущение предельной сосредоточенности и покоя.

Идеально ровно заправленная кровать у открытого балкона, затянутая предохранительной пленкой, не меняет этого ощущения. Ощущения холодной, вдумчивой серьезности, не отвлекающейся ни на что.

Я ожидал пошлых картинок и голубых бантиков, —

продолжил Арин, кладя яблоко обратно, — если это действительно твой дом, то я не понимаю, зачем я тебе понадобился. Ладно, это неважно, — он развернулся, стянул с плеч тяжелую ткань плаща, насмешливо, с издевкой, посмотрел в серые глаза Ская. — Как желаете?

Раком? Боком?

Начнем сверху, — сказал Скай, шагнув к нему, сильными пальцами разводя железные застежки крепко стянувших его торс ремней.

Арин отстранился было, но потом, прикусив губу, расслабился, глядя вызывающе прямо в спокойные изучающие глаза:

Сверху так сверху. Дальше-то что?

Дальше… — проговорил Скай, разводя последний замок, расслабляя ремни, заставляя Арина поднять руки, стягивая с него плотную ткань синтетической водолазки, обнажая крепкую, узкую грудь и плоский подтянутый живот, — дальше посмотрим твою шею.

Твою мать, — взбесился Арин, пытаясь оторвать его ладони от своего тела, — это-то тебе кто мог рассказать?

Тихо, — предупредил Скай, глядя на открывшуюся взгляду широкую бело-серую полосу ожогового шрама на горле подростка, — тихо, я сказал. Повернись.

Арин дернулся, вырываясь, но Скай успел зажать его шею плотным кольцом снятого кожаного ремня, рванул на себя, сбивая с ног, успев заметить, как потянулась из-под металлической застежки, плотно прижатой к коже, тонкая струйка крови.

Арин потянулся было к душащей его петле, тщетно пытаясь вдохнуть, но, остановленный следующим рывком, опустился на колени, царапая пальцами тугую пластину ремня.

Долго тебя еще ломать? — спросил Скай, подтягивая его выше, заставляя приподняться, изогнувшись всем телом, — долго мне с тобой возиться?

Он наклонил голову, глядя в побелевшее, искаженное удушьем, облитое ненавистью лицо, на котором широко распахнулись дрожащие упрямством карие, немыслимой красоты, глаза. Скай, так же удерживая ремень, провел ладонью по его напряженной груди, остановившись пальцами на соске, прижав легонько.

Давай же, — нетерпеливо произнес он, — хуже будет.

Показалось или нет, что слабо дрогнули в улыбке посиневшие губы, для Ская сейчас было неважно. Намотав черную полосу кожи на локоть, он наклонился, поднял с пола следующий ремень и, прижав коленом обнаженную спину Арина, заставив его

наклониться, быстро замкнул петлей вывернутые назад руки.

Черт, неужели не он? Ни хрена непонятно… Он выглядит, как упрямая шалава, которая напрашивается на неприятности, но не как питомец, который, по идее, должен выть от радости, почувствовав на себе ошейник. Да и шрам его… Шрам этот мог появится только от спайки металлопластика на живом теле. Значит, ошейник он носил, да почему же тогда он не сдается? Что с ним нужно сделать, чтобы он проявил себя?

Скай наклонился, прижимая крепче путы, прижался губами к заледеневшим полуоткрытым губам и с удивлением понял, что Арин отзывается на поцелуй, обхватывая губами его язык, скользя по нему, придавливая ощутимо, а в глазах его разгорается, гася ненависть, торжествующая, полубезумная дымка.

Я на верном пути, — понял Скай, прикусывая влажную, горячую плоть, не обращая внимания на то, как вздрагивает напряженное тело подростка, не обращая внимания на то, что тонкой алой паутиной обволокли его грудь и живот теплые струйки крови, бегущие из-под металлической застежки, сковавшей горло.

Но то, что он отвечает на поцелуй, ровным счетом ничего не значит — мало ли, что он готов вытерпеть за кеторазамин. Кроме шрама, пока нет никаких доказательств.

А самое хреновое, что я никогда таким не занимался, и по непонятным мне причинам возбудился сразу же, как только снял с него водолазку, а сейчас, прижимая его к себе, кусая его губы, проводя ладонями по влажной от крови груди, цепляя пальцами затвердевшие соски, чувствую, что еще немного, и не выдержу, кончу только от того, что трусь каменно-твердым членом о его спину.

Вот тогда мне будет не до экспериментов.

Твою мать, да что с ним надо сделать, чтобы он вспомнил, что он питомец?

Игрушка? Что-нибудь надо сделать и побыстрей.

Скай ослабил ремни на руках Арина, дернул с бешенством его на себя, заставив лечь на спину:

Расстегивай сам.

Арин облизнул окровавленные губы, приподнял опухшие запястья, тронул сначала густое месиво иссеченной кожи под тугой петлей на шее.

Я сказал — расстегивай, — проговорил Скай и невольно коснулся рукой собственной ширинки, увидев, как неловко, онемевшими пальцами, коснулся он язычка застежки на своих штанах, проведя сначала по тугой выпуклости под плотной тканью, а потом все-таки справился с молнией, и, приподняв

бедра, потянул блестящую черную кожу вниз, обнажая крепкие бедра, пачкая их стекающей с кончиков пальцев кровью.

А потом он с трудом поднял голову, посмотрел насмешливо с немым торжеством в затуманенные досадой серые глаза Ская.

Этого Скай не выдержал, рывком поднял его, прикусил разодранное, опухшее запястье, ощутив соленый, металлический вкус крови и прохладный, неуловимо-мятный вкус кожи.

Значит, так тебя и трахнуть, — с расстановкой проговорил Скай, потеряв надежду на то, что этого пацана можно заставить смириться, — трахнуть и скинуть к черту с балкона. Потому что ты меня бесишь. Я потратил на тебя уйму денег и времени, но ты просто упрямая уличная шлюха. И никогда не был этим питомцем. Хрен бы тебя кто взял питомцем: от тебя никакого толку. Ты не понимаешь, что такое хозяин…

Он остановился, почувствовав, как дрогнули под его ладонями округлые плечи, помедлил, озаренный внезапно возникшей догадкой, наклонился к уху Арина:

Хозяин, мальчик. Кто твой хозяин?

Арин бессильно опустил голову, не заботясь о том, что его шею крепко удерживает широкий ремень, вывернулся неловко, стоя на коленях, обхватил руками ногу Ская, прижался губами к ткани его джинс.

Скай перевел дыхание. Вот оно как.

Что мы делаем для хозяина?

Сразу же, не медля, не остерегаясь более нажима петли на своей шее, Арин подтянулся выше, зубами аккуратно потянул молнию на штанах Ская, поднял голову, глядя вопросительно темными внимательными глазами.

Можно, — произнес Скай, пораженный увиденным, поняв смысл немого вопроса, — можно.

Осторожно стянув жесткую ткань с его бедер, Арин, закрыв глаза, коснулся еле ощутимо губами тугой влажной головки члена, помедлил, чуть наклонил голову, провел кончиком языка по чуткой впадинке под ней, еле дыша, тепло и нежно тронул тонкую уздечку. Потом, вздохнув, разомкнул губы и обхватил ими член, скользнув вниз, до самого основания, вызвав упоительное ощущение обволакивающей мучительно-сладкой влажности.

Скай вздрогнул, согнулся, перевел дыхание, оперся руками о спину Арина, чувствуя как прижимается головка его члена к небу подростка, как ласково посасывает он тугую кожу головки.

Черт, все, это предел. Предел. Твою мать… Что теперь делать-то?

Скай собрался с силами, оттолкнул Арина, успев заметить,

как блеснула на его губах узкая ниточка смазки:

Все с тобой ясно, парень. Хватит… Да что с тобой сделали-то…

Арин, словно не слыша его, кинулся обратно, прижался щекой к его обнаженному бедру, забормотал севшим голосом:

Не надо уходить. Не бросай меня. Я все сделаю. Все сделаю для хозяина. Я сделал плохо? Накажи меня, пожалуйста. Я люблю, когда ты меня наказываешь. Я все люблю, что хозяин делает.

Хватит! — повысил голос Скай, — Очнись, пацан! Слышишь меня? Очнись!

Можно попросить? Отдай меня кому-нибудь и посмотри, как меня накажут, я что-то сделал не так, мне больно, меня нужно наказать, — глядя умоляющими, полными слез глазами, повторял Арин.

Скай не выдержал, перешагнул через него, дотянулся до полки, вытащил полную бутылку виски, резким движением открутил пробку, вернулся, перевернул дрожащее, исчерченное кровавыми полосками тело, сжав зубы, дернул опять за ремень, заставив Арина, задохнувшись, приоткрыть рот, и перевернул бутылку, держа крепко его руки, приподняв рукой его голову, следя, чтобы он не захлебнулся.

Обжигающая жидкость полилась по побледневшему лицу, размыла свежую кровь, потекла из уголков его губ, залила растрепанные яркие пряди волос.

Он не сопротивлялся, с трудом сглатывая спиртное, давясь, дыша через раз, прерывисто, но, в конце концов, расслабился, прикрыл глаза.

Скай подождал еще несколько минут, осторожно расстегнул замок на ремне, освободил его шею, посмотрел на свою окровавленную ладонь, поднялся, осмотрелся, ища глазами какой-нибудь стакан, не нашел, и плюнув на формальности, не дыша, допил остатки виски из горлышка.

Подошел к столу, дрожащими руками вытащил из пачки сигарету, закурил, пытаясь успокоиться.

В квартире теперь было совершенно темно, мутные сумерки пролезли всюду и укрыли все кругом мерзким, мглистым покрывалом.

Скай долго стоял у стола, выкуривая сигарету одну за одной, потом обернулся, посмотрел на неподвижную, слабо белеющую во тьме, фигуру, лежащую на полу.

Подошел ближе, подвел руки под теплое окровавленное тело, приподнял, выругавшись про себя, когда прижалась к его плечу лохматая голова, развернулся и осторожно положил его на

кровать, а сам, прихватив еще бутылку виски и пачку сигарет, вышел на балкон и остался там, глядя на спящий город, плавающий в сине-зеленых мутных огнях реклам.

Часть 4

Ближе к утру, когда уже начал вновь расползаться удушливым дымным облаком рассеявшийся было ночью смог, скрывший грязным волокнистым брюхом гудящую пропасть под окнами небоскреба, Скай докурил последнюю сигарету.

За проведенные на балконе часы он замерз, заледенела и потеряла чувствительность гладкая кожа, но внутри успокаивающе млело тепло от выпитого виски. Голова отяжелела и, казалось, в венах сейчас плавал только никотин, крепко настоянный на спирту. Но Скаю было не впервой проводить так ночи — он и раньше часто отодвигал пластиковые прозрачные двери, оставляя их открытыми нараспашку, а сам подолгу стоял, пытаясь найти в жирном комковатом небе с червивыми трещинами купола звезду. Как-то, очень давно, наверное, в прошлой жизни — в той, где еще была жива Дея, он однажды увидел звезду: на мгновение разошлись тугие серые пластины смога, и прохладной искоркой, свежей, лимонно-спелой, показалась она ему, тогда еще ребенку.

Скай уже забыл, когда это было, и не помнил толком, как ему удалось ее рассмотреть, но теперь часто смотрел на небо — по привычке.

Или когда было не очень хорошее настроение. В эту ночь настроение было отвратительное. Все, все, начиная с того, что ерзали в голове навязчивые мысли о неудовлетворенном желании — тогда Скай оборачивался и смотрел через плечо на закрытое яркими сиреневыми прядями волос лицо спящего Арина, заканчивая тем, что ворочался в груди липкий ледяной ком злобы. Нельзя сказать, что я мало видел грязи в своей жизни. Слабые нервы и излишняя чувствительность губительны для моей профессии, я видел и пятилетних девочек, вагонами отправляемых в вечные конвейеры грязных борделей, где ни одна из них не имела шансов прожить больше года, я видел и так называемых "шлюх в коробке": людей с ампутированными под корень конечностями — человеческие обрубки, пакуемые в яркие праздничные обертки — любимые игрушки извращенцев. Я много чего видел, но, смотря на это, я всегда знал, что все они обречены собой же — своей покорностью, пораженные "стокгольмским синдромом", рассыпающиеся в словах благодарности перед теми, кто уродовал их тела. Я знал и подсознательно лишал их человеческой сути, что давало мне возможность оставаться спокойным.

А здесь что-то другое, непонятная для меня ситуация,

вызвавшая этот отвратительный резонанс в душе. Неизвестно, какой путь пришлось пройти этому парню для того, чтобы от полуразумной твари придти к тому, кем он является сейчас — дерзкому, запутавшемуся, но не сломленному бродяге. Как напоминание о его прошлом, он весь затянут ремнями, под которыми прячет звезды шрамов.

Звезды… Он привычен к боли, это видно. С чувственным наслаждением, осознанными плавными движениями тела встречал он мои прикосновения, не особо заботясь о том, что посинели от удушья губы и струятся по коже алые ручейки крови.

Если бы я не произнес это роковое для него слово "хозяин", вкупе с ощущением ошейника заставившее сработать годами вбиваемые в него рефлексы, я бы мог решить, что он никогда не был питомцем. И тогда бы я расстегнул этот чертов ремень, перестал бы думать только о том, как заставить его сломаться… И мог бы уже, плюнув на то, что это всего лишь ситуация, продиктованная обстоятельствами, стянуть с него кожаные штаны, лечь грудью на его спину, положить голову на его затылок, закрыть глаза и, отдавшись во власть желания, поставив свои руки поверх его плеч, протолкнуться внутрь него, стараясь не видеть, как вздрагивают от моих движений, разметавшись по шее, сиреневые, небрежно обрезанные пряди волос. И услышать его стон… Нет, ну с ума сойти.

Скай отбросил окурок, опустил глаза, посмотрел на приподнявшуюся ткань джинсов.

Как-то я раньше не задумывался о сексе с парнем. Не исключал таких вариантов, конечно, но не подходил к этому вопросу вплотную. В нашем сумасшедшем мире в плане секса пол давно не имеет особого значения, но мне всегда хватало женщин.

Хотя… Хотя, если задуматься, хватало ли мне их? Я помню только необходимые однообразные движения, тихий смех, звон разбитых бокалов, влажный латекс под пальцами и пустоту. Пустоту, приходящую потом, когда вновь, оставшись один, выходишь на балкон и куришь, глядя в небо, по привычке ища глазами теплый лимонный огонек звезды.

И ни одну из них я никогда не оставлял у себя дома. Просто потому, что не знал, о чем с ними можно разговаривать дальше и как это — проснуться с кем-то рядом.

Арина пришлось оставить, потому что завтра я позвоню его хозяевам и сдам его, получив свои деньги. Поставлю еще одну галочку в списке завершенных дел. И в моем рекомендательном листе появится запись о том, что мне можно доверять суммы, равные стоимости кеторазамина. Соответственно, возрастет и оплата за мои услуги.

Неизвестно, с чем придется столкнуться потом, но важно ли это?

Пока я думаю, ищу, пока голова моя забита обработкой информации, поиском выходов, поиском зацепок, мне некогда думать о другом.

О ненужном. Например, о том, что лишь за сводящий с ума изгиб плеч, за тревожащий, четкий рисунок губ, за возбужденную дрожь в карих сверкающих глазах, Арин получит свой кеторазамин. И о том, что погаснет в этих глазах дерзкий вызов, сменившись безотчетным нечеловеческим обожанием. Обожанием, которое он отдаст этому чертову педофилу, который получил его в подарок на день рождения…

Подарить двадцатилетнему парeньку пятилетнего ребенка — неплохая идея.

Двенадцать лет прошло с того дня. И восемь лет Арин жил, как животное, поглощенный одним лишь чувством — чувством любви к хозяину.

Восемь лет. И что же случилось, когда ему исполнилось тринадцать? Что заставило пробудиться его разум, что заставило его осознать, что спать на шелковых подушках у кровати хозяина и вымаливать себе наказание за малейшую провинность — не лучший вариант жизни?

Что заставило его сбежать, научиться носить одежду, научиться понимать эмоции людей, научиться правильно использовать речь, что помогло ему выжить?

Как он стал таким? Таким резким, бесстрашным, не побоявшимся оказать сопротивление, даже стоя под дулом пистолета?

Скай снова обернулся. Спит. Спит, зажав кисти рук между сведенных колен. Кровь на его теле подсохла, превратившись в причудливый узор, странное сплетение ярких разводов, стрельчатых, тонких.

Штаны по-прежнему расстегнуты, глянцевитая черная кожа лежит на середине обнаженного бедра. Мягкая линия, теплый изгиб, уходящий к паху, круглые очертания колен, розоватые, равнодушные сейчас соски, яркая россыпь сиреневых волос на изуродованной широким шрамом шее. Спокойное дыхание, чуть приоткрытые губы — губы, влажное прикосновение которых заставило меня вздрогнуть, поняв, что каждое их движение порождает в моем теле шумящую, удивительную волну удовольствия.

И дело тут даже не в опытности. Есть люди, в которых сексуальность вложена изначально — такую не сдержать: она сквозит в каждом движении, она таится в глубинах темных

зрачков, она обволакивает, она манит, от нее сложно оторваться.

И он такой — вызывающая, острая, невероятная сексуальность, прожигающая насквозь. Такой, пока он Арин.

Скай поежился. Сигареты кончились, и утро уже вползает в легкие грязным облаком, серым пеплом, мокрой рваниной. Засветились, став отчетливей, правильные углы зеркал, выровнялись, вырвавшись из тьмы, стены.

Он развернулся, качнувшись, отставил опустевшую бутылку, коснулся озабоченно пальцами виска. Да уж, головной боли не избежать.

Интересно, а как парнишка? Я в него вчера влил точно больше, чем пол-литра. Скай вышел с балкона, помедлил, раздумывая, закрывать ли двери, решил — не закрывать, первым делом присел перед одним из ящиков стола, несмотря на то, что во рту и так засела никотиновая горечь, вытащил еще одну пачку сигарет, потянул пальцами тонкий целлофан обертки.

Вставай, — не глядя на Арина, проговорил он, щелкая зажигалкой.

Вот уж что, а просыпаться по команде парень умел. Сразу же, словно этого и ждал, он открыл карие глаза, потянулся всем телом, выгнувшись, превратив торс в сильное, гибкое сплетение выступивших округлых мышц.

Привстал, согнув ногу в колене, опираясь локтями на упругую поверхность кровати, тряхнул лохматой головой, сгоняя утренний дурман.

Провел ладонью по штанам, проверяя молнию, поморщился, потянул вверх язычок застежки, приподняв бедра:

Не самая лучшая ночь в моей жизни. Почти ни хрена не помню.

Скай раздраженно прикусил зубами фильтр сигареты, но промолчал.

Арин скатился с кровати, кинул взгляд на плотно упакованные пачки денег, лежащие на дымчатом пластиковом столике:

Ладно. Думаю, мое мнение тут особой роли не играет. Деньги-то я заслужил?

Ага, — не удержался Скай, — Заслужил. Бери.

Черт с тобой, подержись за свои бумажки, шлюха чертова. Порадуйся.

Он повернул голову и встретил неожиданно насмешливый взгляд подростка. Черт, да у меня такое ощущение, будто он ощущает сейчас свое превосходство надо мной и еле сдерживается, чтобы не рассмеяться мне в лицо.

Одевайся, — сдержанно сказал Скай.

Арин шагнул вперед, наклонился, взял со стола пачку сигарет, коснулся пальцами плотного брикета банкнот:

Ты использовал все три инъекции? Или просто деньги некуда девать?

Использовал, — бездумно солгал Скай, наблюдая за тем, как медленно опускает он ресницы, глядя на вспыхнувший под пальцами огонек зажигалки.

Счастлив?

Глупый вопрос.

Да не скажи, — Арин кинул зажигалку обратно на толстый пластик стола, — тебе кеторазамин принес счастье? Три инъекции — три шанса изменить свою жизнь. Начать все заново. Ты изменил свою жизнь?

Я и не хотел ничего менять, — ответил Скай, — просто хотел жить. Что тут неясного? Ты же ни хрена свою жизнь не поменяешь, верно? Каким был, таким и останешься. Просто скинешь деньги кому-то на счет. Просто купишь кеторазамин.

Просто проживешь на несколько лет больше. Но проживешь так же. На помойке.

Если ты тоже так считаешь, то ты меня поймешь, — непонятно сказал Арин, влезая в рукава водолазки, скрывая под черной тканью подтянутый плоский живот.

Скаем внезапно овладело равнодушие, продиктованное усталостью и особым чувством опустошения, которое он испытывал каждый раз, когда закрывал очередное дело.

Пять минут отдыха, просто прикрыть глаза… Бессонная ночь дает о себе знать, и вовсе не хочется выслушивать осточертевшие разговоры о том, кто бы и что сделал, если бы…

Он присел на край кровати, опустил голову, сжав пальцами виски, закрыв глаза, погрузившись в зеленоватую утреннюю полутьму. К черту…

Скай услышал сначала металлические щелчки застегиваемых ремней, потом легкий стук — Арин потушил сигарету в пепельнице, затем — этот момент Скай позже вспоминал очень отчетливо, он тогда как раз подумал о том, что нужно добраться до телефона и набрать номер, пока парень не принялся выяснять, почему его удерживают в квартире, но его остановил, заставив приподняться, странный звук.

" — Семьдесят седьмой.

Красиво будет"

Твою мать… Это конец…

Арин стоял спиной, положив локти на перила балкона, ветер трепал яркие сиреневые пряди волос, бился о блестящую кожу плаща… И этот же ветер беспечно играл стального цвета

купюрами, раскидывая их клубами, будто мертвых голубей. Ветер растаскивал их, раздирая нещадно, ветер стирал их в пыль, подкидывал вверх, и воздух был наполнен трепетным бумажным шумом.

Ветер быстро справился с залепившей его денежной массой, раскрошил ее, растерял, разбил и вновь опустел, утихнув, лишь ласково теребя распушившиеся волосы Арина.

* * *

Ты пустил псу под хвост такую уйму денег? Ты скинул их с балкона у него на глазах? Да как ты живой остался!

Не знаю, потом расскажу. Макс, я жутко устал, у меня болит голова, я весь в крови. Сделай что-нибудь.

Макс развернулся, открыл тяжелые резные дверцы бара, задумчиво осмотрел ряд сияющих теплым заманчивым светом бутылок:

Покрепче?

Не надо, иначе я просто усну.

Ладно, тогда ликер… Ликер и горячая ванна?

И ты.

Куда уж без меня, — ухмыльнулся Макс, — тем более мне позарез интересно, какого хрена ты все это вытворил.

Арин поднялся с кресла, скинул на пол плащ, потянулся. Следом за плащом на пол опустилась тонкая синтетика водолазки, тяжелая кожа штанов, мерцающая тусклым светом стальных вставок, поверх одежды небрежно лег холодный зеленый огонек датчика.

Макс внимательно осмотрел его с ног до головы:

Если бы не шрамы, тебе бы цены не было.

Мне ее и нет, — улыбнулся Арин, — пошли, солдат.

Кстати, хорошая идея и для тебя. Под моим камуфляжем никаких шрамов не видно.

Забей все татуировками.

Какими? — спросил Арин, открывая тяжелую дверь, ведущую из кабинета в ванную залу, — мне ничего в голову не приходит.

Таким же кельтским орнаментом, как и на лице.

Не хочу. И притом, Макс, тебе не хочется иногда увидеть цвет своей кожи? Не все эти цвета хаки и пятна, а свою, настоящую кожу?

Мало ли, что мне хочется, — ответил Макс, стягивая через голову узкую металлопластиковую футболку с раскрашенных камуфляжем широких плеч, — но я уже привык. Первое время,

конечно, было хреново. Особенно, когда заживало.

Я помню… Это было после войны. Если бы не этот бум на игры в пытки и прочее, мы бы не познакомились. Я тебе тогда даже завидовал. Тоже хотел такую татуировку.

У тебя типаж другой, — сказал Макс, откручивая зубами пробку, наблюдая, как Арин перекидывает ногу через высокий борт густо-алой чаши ванны и садится в горячую воду, моментально растворившую бурые подтеки крови на гибком теле, — правда, тогда я вообще не сразу смог въехать, что с тобой сделали. Но понял, что мы с тобой полные противоположности. Папаша твоего… В общем, игры у них были разные. Папаша считал себя героем прошедшей войны и любил корчить из себя стойкого пленного. Эдакого героя. Вот для этого я и был нужен — "противник", твою мать…

А сынок любил животных, — закончил Арин, протягивая руку, снимая с прозрачного, затканного муаровым бордовым узором столика тяжелую бутылку.

Макс посмотрел, как приложился он губами к резному горлышку, как стер потом ладонью скользнувшую по коже густую, белую струйку сладкого сливочного ликера, помедлил, перебрался через бортик, сел позади Арина, обнял ладонями крепкую влажную грудь, склонил голову ему на плечо, вдыхая теплый запах мокрых волос.

Да… — произнес он, — Любил животных. Помнишь, с чего все началось?

Помню, — отозвался Арин, запрокидывая голову назад, повернувшись немного так, чтобы видеть внимательные глаза друга под опущенными ресницами. — Что-то я там такое натворил, и тебя заставляли меня трахнуть в лучших традициях игр в военнопленных. И ты отказался. Кстати, почему?

Макс улыбнулся, провел пальцами по его соску, стряхивая на нежную кожу теплые прозрачные капельки воды:

Бредовая затея. Как бы это называлось? Мы с Полканом на границе?

Арин задохнулся от смеха, отставил бутылку, замотал головой:

Придурок, я чуть не подавился…

Ладно, давай серьезно, — сказал Макс, опускаясь ниже в теплую, пахнущую мятой, воду, укладывая Арина себе на грудь, обхватив коленями его бедра, — зачем ты выкинул эти деньги?

Арин протянул мокрую руку к лежащей на столе пачке сигарет, прикурил от декоративной разогретой электрической зажигалки, сделанной в форме россыпи угольков на медном блюде.

Макс, ты возишься днями напролет со своим самолетом, верно? И, даже если он развалится у тебя на глазах, ты возьмешься собирать его заново… Черт, мне неудобно лежать… Я из-за твоего стояка тоже сосредоточиться не могу.

Да я слушаю.

Ладно. Так вот, ты одержим этим самолетом, ты вкладываешь в него пропасть денег и гробишь кучу времени. Для меня он никчемная железяка, а для тебя — смысл твоей жизни. И если бы тебе был позарез нужен кеторазамин, ты бы думал приблизительно так: "я получу еще время и заставлю эту штуку летать". А я, когда этот парень предложил мне эти деньги, в первую очередь подумал о том, что ни хрена этому не рад. Потому что у меня нет такой мысли. Мысли о том, что мне нужно. Я получу еще время и… И что? И получу возможность пить дальше?

Можешь не пить, — сказал Макс, перехватывая из его рук бутылку.

Подожди. Или получу возможность снова и снова просыпаться черт те где, и знать, что первым делом необходимо посмотреть на датчик? Получу возможность снова натыкаться на тех, кому позарез необходимо меня трахнуть? Что еще? Когда для военных разрабатывался этот механизм самоликвидации, установка была на то, что солдат должен был, выполнив свою миссию, погибнуть по невыясненным обстоятельствам. Чтобы его нельзя было взять в плен и выпытать из него нужные сведения и так далее. Но ключевая фраза здесь "выполнив миссию". Когда эта дрянь вышла из-под контроля и расползлась на остальных людей, нас стали учить жить по-другому. Предельно экономно, предельно собранно, поставив перед собой цель, добиться ее и умереть в срок. Даже если эта цель — стать помощником бармена в какой-нибудь забегаловке. Но у меня нет даже такой.

Макс наклонился, провел губами по влажным губам Арина, положил ладонь на его шею, стирая с кожи легкие прозрачные капельки воды.

Арин откликнулся на поцелуй, коснулся языком полоски зататуированной кожи, перевел дыхание, продолжил:

Сам понимаешь, я не был рассчитан на нормальную жизнь. И, несмотря на то, что я уже четыре года, как не питомец, понять, что такое жизнь и чем в ней надо заниматься, я так и не смог.

Сколько тебе?

Семнадцать. Вроде бы.

Я тоже не уверен…

Тогда вопрос — а стоит ли мне ее продолжать?

И это все?

Нет, — признался Арин, — Не все. Еще меня просто взбесил этот самоуверенный кретин. Уж не знаю, почему он привязался именно ко мне, но я так и не понял, почему он выложил такую сумму. Это парадоксально. Он ничего обо мне не знал…

Не должен был знать. А когда я вижу эти самодовольные морды, уверенные в том, что за их наличку ты обязан им отдать и тело, и душу, и сдохнуть по их приказу, а потом по их приказу же и ожить… Когда я вот это вижу, мне хочется эти их деньги им в задницу запихать.

То есть, ты еще с ним гуманно поступил.

Я говорил ему, что меня это предложение не интересует. Говорил и был достаточно убедителен. Так что, это его проблемы. Не надо было со мной связываться.

А почему ты отказывался?

Арин затушил окурок, провел мокрыми ладонями по лицу, отводя со лба растрепавшиеся волосы:

Во-первых, мне не нужны деньги. Если будет нужно, я найду. А на сигареты и еду мне всегда хватит. Во-вторых, этот парень не похож на педика. Он смахивает на военного, решившего под конец жизни попробовать все, до чего позволено дотянуться. Или на мента. Одно из двух. И те, и другие — наихреновейший вариант, сам знаешь. Опасно. Опасно и не стоит того… Поэтому я отказывался. И вообще, я не люблю к этому возвращаться. Все-таки, надеюсь, что когда-нибудь это все кончится. Меня пару раз ловили и отправляли в училище. Да ты знаешь.

Знаю.

Я там видел своих ровесников. Нормальных. Тех, кто пришел туда добровольно, с одной целью — отучиться, отработать, сдохнуть. И никто из них не видел того, что видел я. Вопрос, Макс, — а зачем я все это видел? Почему так произошло именно со мной? Ты мне можешь ответить?

Не паникуй, — задумчиво ответил Макс, проводя губами по напрягшимся мышцам его спины, — нас таких много. И я такой. Расслабься. Тебе крышу от спиртного рвет.

Он опустил руку ниже, под качнувшуюся теплую воду, провел пальцами по члену Арина, коснулся осторожно чувствительной кожи головки, придержал свободной рукой дрогнувшее влажное тело, наклонился, прикусил мочку уха под мокрыми прядями потемневших волос.

Тебе хоть хорошо с ним было?

Арин качнул головой, закрывая глаза, отдаваясь пульсации горячего ритма движений его руки на своем члене:

Не помню я ничего…

Макс нашел его губы, сжал ладонь крепче, заставив

застонать, потеряв голос.

И он тебя после этого так легко отпустил?

Отпустил… — задыхаясь, ответил Арин, — да черт с ним… Не знаю я ничего и знать не хочу… Не отвлекайся ты на это.

Арин, ты зря это… Про цель. У тебя же есть тот, кого ты любишь.

Арин не ответил, выгнувшись всем напряженным, облитым прозрачными мятными каплями воды телом, вскрикнув коротко.

Хотя лучше бы ты любил меня, — прошептал Макс, прижимая его к себе, слушая бешеный стук сердца, впитывая тяжелую сладостную дрожь.

Часть 5

Отдышавшись, Арин поднял глаза на Макса, взглянул с лукавой благодарностью, улыбнулся, облизывая пересохшие губы:

Теперь у меня к тебе осталась только одна просьба.

Давай.

Я возьму что-нибудь из твоих шмоток. А свою одежду заберу потом.

С чего это ты? — спросил Макс, наблюдая, как он выбирается из ванны, — я-то не против, но я выше тебя, и у нас разная комплекция.

Арин остановил взгляд на его широких плечах и сильной груди, приложил палец к губам, задумавшись:

Ты уверен, что нет ничего подходящего? Просто мне пора уходить, и я не хотел бы, чтобы за мной сейчас увязался очередной придурок, помешанный на мальчиках.

Макс положил голову на согнутую кисть руки, помолчал немного, глядя, как стирает он густо-бордовым полотенцем капельки воды с белой кожи.

Все-таки, он в чем-то прав. Затягивать свою еще по-подростковому стройную фигуру в кожу и ремни — это прямой вызов населению Тупиков, никогда не отличавшемуся высокой моралью. Тем более, сейчас уже ночь — время, когда выползает алчущее развлечений отребье всех возрастов и рас. А туда, куда пойдет он, вообще лучше не соваться, еще удивительно, как с ним раньше ничего не случалось. Остаться бы ему здесь… Оставить его у себя, обнять, прижав лохматую голову к своей груди, дыша теплым запахом разогретой его телом синтетики одеял. Как раньше.

По сравнению со мной он был еще ребенок, и тем сильнее ломала душу нежность к нему, захлестывая целиком, наполняя мои прикосновения осторожной лаской, сбивая дыхание напрочь… А он поднимал глаза, и, хоть в них и не было любви, а только безграничное доверие, я все равно не мог сдержаться и снова обнимал его, согревая… Он перекидывал ногу через мое бедро, тянулся вверх всем израненным телом, я укладывал его себе на грудь и стискивал руками хрупкие плечи, укрытые шелком тогда еще светлых волос. Говорить с ним тогда было почти бесполезно, он понимал только то, до чего додумывался сам, чужие мысли были ему практически неподвластны, и возможно, это и породило в нем эгоизм.

Несмотря на это, то было лучшее время в моей жизни, время, когда ему было тринадцать и он заставил меня вытащить его из

дома хозяина. Заставил, практически не используя слов, которых к тому моменту знал немного.

Худенький, большеглазый, с осветленными прядками длинных волос, он появился бесшумно в моей комнате, по-кошачьи залез на кровать и присел, глядя сосредоточенно. Я тогда приподнялся, уверенный, что его опять пытаются подложить под меня под прицелами камер, наполнивших комнату, но камеры ровно мигали красноватыми огоньками — за изображением никто не следил.

Покажи мне выход, — тихо, но настойчиво проговорил он.

Дверь позади тебя.

Не в дом выход, в другое место выход, не туда, где дом, — торопливо зашептал он, наклоняясь к самым моим губам, — покажи, пожалуйста, Тейсо все сделает.

Я тогда понял его. Понял, что он хочет свободы, но тогда еще не знал, зачем она ему…

А дальше был яркий свет, дальше я вынужден был смотреть, как согнувшись над сжатым в тиски стальными проволоками детским телом, нависла угловатая, со впалой бледной грудью, сухая фигура его хозяина, не нашедшего своего питомца на месте.

И дальше я видел, как лопается нежная кожа, как текут по его бедрам густые темные потоки крови, как рвут и разминают розовую мягкую плоть его ануса костлявые длинные пальцы, как они же вцепляются в легкий лен его волос, запрокидывая назад голову и как горят немым обожанием детские глаза, затопленные слезами боли, которые невозможно было сдержать.

И я помню, как швырнули мне его под ноги — сжавшегося в комок, с розоватыми стрелками вывернутого проволокой мяса на плечах и груди:

Тебе. Давай.

И я отказался. Отказался, несмотря на то, что сам он, повинуясь воле хозяина, терся об меня окровавленным телом и заглядывал в глаза, бормотал что-то нескладное, но убедительное, прося его трахнуть, убеждая в том, что ему нужно наказание.

Перед этим он просил меня показать ему выход, и я понял и поверил ему, увидев в нем что-то большее, чем лишенного воли питомца, а в этих его просьбах был лишь инстинкт повиновения, вбитый в него раз и навсегда.

Я отказался. Отказался и потом пожалел об этом, потому что после наказания хозяина Тейсо долго лечили и три раза ломали заново нежелающую срастаться правильно кость руки.

И я решил больше не вмешиваться, не менять заведенный в этом доме порядок, не рисковать его и моей жизнями.

А потом начались месяцы кошмара. После лечения Тейсо принялся бунтовать, и каждую ночь я слышал его крики, полные боли, видел его измотанного, скованного цепью, удерживающей вывернутые из суставов руки и ноги, стянутые кольцом за спиной — так его могли держать часами, до тех пор, пока он не терял голос от криков и не проваливался в бессознательное состояние так, что его невозможно было привести в себя.

После таких дней он утихал и вновь превращался в ласкового дружелюбного любимца, с готовностью принимавшего привычную боль от ремней и металла, ластился к хозяину, вновь занимал свое любимое место у него на коленях во время обеда, с его разрешения осторожно, стараясь не отвлекать, расстегивал тому молнию на штанах и, прикрыв глаза, прижимался щекой к его члену, иногда касаясь языком головки. Так он мог лежать бесконечно, пока его не сбрасывали на пол.

Да, его сознание не выдерживало напряженной борьбы, но оттуда-то из самых его глубин поднималась странная, негибкая стойкость, и она толкала его на бунт — тогда вновь, после затишья, я слышал его обессиленные стоны и видел наутро страшные черные комья вывернутых запястий и светлую кровь, остающуюся на полу, куда он ложился, зашедшись в мучительном кашле.

Слышал я и визгливый голос хозяина, раздраженного поведением Тейсо:

Если бы "Меньше слов" не было таким специфическим заведением, я бы подал на них в суд! Он выбивается из заказанного образа! Мне надоедает его наказывать, он смотрит на меня человеческими глазами! Это невыносимо видеть, я перестаю ощущать его питомцем, у меня иногда возникает ощущение, что я издеваюсь над нормальным ребенком!

Его можно попробовать отдать на еще один курс дрессировки, — ответил невидимый мне собеседник, — или взять другого. Тот мальчик, который был у вас недавно, — разве он не подошел?

Он был нужен для папашиных целей. Что-то связано с лабораторией… И мне наплевать на других! Я хочу этого: он был моим семь лет, я его уже полюбил.

Если учесть то, что это все-таки человеческий ребенок и, если вспомнить, что ему исполнилось тринадцать, то логично предположить, что у него начался переходный возраст. Тогда его поведение объяснимо.

Возможно… В любом случае, это мой питомец, и я хочу, чтобы он вел себя подобающе. Я звоню в "Меньше слов" и заказываю повторную дрессировку.

Тогда я перевел дыхание и отошел от стены, за которой продолжал визжать высокий возмущенный голос: "Да, это мой питомец, и я хочу только такого! Мне не надо другого!" Я отошел и увидел Тейсо.

Покажи мне выход, — сказал он, — покажи.

Я присел перед ним на корточки, положил ладони на узкие плечи:

Парень, ты там погибнешь. Ты же ничего не умеешь. Совсем ничего не умеешь. Не понимаешь?

Он молчал, смотря безразличными блестящими глазами.

Просто успокойся, не сопротивляйся, и все будет по-прежнему. Тебя перестанут калечить. Ты только здесь можешь жить, тебя уже не изменить… Ты же даже говорить толком не умеешь, и вряд ли сейчас понимаешь, о чем я.

Тейсо помолчал немного, потом проговорил:

Но ведь нас можно учить. Я умею учиться.

Слишком хорошо умеешь. Успокойся и останься здесь.

Той ночью его спасли. Спасли только потому, что он сумел перегрызть вены только на одной руке — на вторую у него уже не хватило сил, лишился сознания от потери крови. А через неделю я смог вывести его оттуда, вытащив предварительно из сейфов несколько карт свободной передачи.

После творившегося в том доме ада следующие полгода стали для меня лучшими в жизни. Он не соврал — он всему учился моментально, легко и быстро запоминая новые понятия, не боясь ошибаться, требуя нового, интуитивно разбираясь в сложностях человеческого мира, и главное, когда сошла с его волос белая краска, открыв их настоящий цвет — яркий, сиреневый, я наконец-то увидел в нем человека, пробудившуюся личность. И примерно в то же время, когда зажили все его раны, оставив только шрамы на гибком теле, он, прижавшись накрепко, поцеловал меня.

Поцеловал не как питомец, не как игрушка для удовлетворения чужих желаний, а тепло, ласково, сдерживая сбившееся дыхание.

За все эти полгода я не трогал его, хотя всегда засыпал только с ним, обняв, слушая спокойное сердцебиение, и не стал бы его трогать, если бы не этот его поцелуй и не прикосновение теплых рук к моим плечам.

Он изогнулся всем телом, спустился ниже, прикусил зубами сосок, потянул, играясь, прижимаясь возбужденным членом к моему бедру, поднял глаза, улыбнулся:

Я тебя хочу.

Ты уверен?

Конечно. Глупый вопрос.

У тебя психика выдержит?

Он, тогда уже отзывающийся на новое имя Арин, помедлил, вспоминая значение слова, задумался, но все же правильно сформулировал ответ:

Я тебя сам хочу, понимаешь? Я первый предложил, это мое желание, и я хочу его выполнить, зная, что меня не заставляют.

Первая такая ночь — за эти полгода он окреп, начала исчезать ранящая взгляд детскость, наметился сильный разворот плеч, жестче стали линии живота, изменилось лицо, сменив выражение вечного ожидания и зависимости на растущую уверенность в себе. И таким новым, совершенно новым, но близким и любимым, он впервые отдался человеку по собственному, обдуманному желанию.

В его движениях, жестах, выражении глаз обнажилась и проступила вдруг опытная, несдерживаемая развратность того, кто знает цену удовольствию и заплатил за это знание дорогой ценой, но, вместе с этим, ласковый шепот, касающийся моей кожи, закушенная на пике наслаждения губа, разметавшиеся коротко остриженные пряди сиреневых волос — все это показало мне, что искал он во мне не только удовольствия. Его душа была полна тепла ко мне. А я уже тогда его любил.

А потом… Потом он начал исчезать. Только освоив улицы, он лез без разбору во все злачные места Тупиков, не боясь ничего, словно наслаждаясь нарушениями запретов этого мира, исчезал он и на несколько дней, и просто на ночь, каждый раз разнообразя свой лексикон и приволакивая с собой неизвестно на какие деньги купленное спиртное — у меня он денег никогда не брал. Постепенно, чем дальше он развивался, тем больше отдалял меня от себя, как-то незаметно подведя наши отношения под определение "очень близкие друзья", не более. Даже тогда, когда я вырвался из круга тупиковых середнячков в касту отверженных, но богатых людей, он лишь пожал плечами и предложил выпить за это, а потом вновь исчез.

Как только он уяснил понятие "дружба", то понял сразу же, как называется чувство, которое он ко мне испытывает, и стал другом — настоящим другом, верным, ироничным, понимающим, но раз и навсегда отделил свою жизнь от моей.

И сейчас он уходит опять, уходит, хоть и знает прекрасно, что я хотел бы, чтобы он остался, хотя бы ради того, чтобы он вновь заснул в моих руках, и я смог вспомнить то время, когда был счастлив.

Макс, — позвал Арин, — ты в порядке?

Иди, посмотри что-нибудь в шкафах, — медленно ответил

Макс, взявшись за бутылку с остатками ликера.

Арин кивнул и вышел.

А причиной того, что он разорвал наши отношения, мог быть и тот парнишка, что пробыл в резиденции "КетоМира" всего несколько дней, но ради которого Арин решился сбежать. И потом он нашел его и сегодня опять уходит к нему.

Макс долго еще лежал в остывшей воде, куря одну сигарету за другой, пока Арин не вернулся, не встал напротив него, раскинув руки.

А ты говорил, ничего не найду.

Макс окинул взглядом его фигуру. Красно-оранжевый латекс камуфляжной футболки, плотно прилегающей к коже, закрыт исчерченной серебристыми молниями короткой ультрафиолетовой курткой, под футболкой — белая полоска живота, как влитые сидят на бедрах истрепанные голубые джинсы, заправленные в высокие, с металлической вставкой на колене, шнурованные ботинки. От любимых ремней он так и не отказался: от бедра и ниже спускается аккуратно застегнутый ряд широких полос черной кожи, ремни поуже скрывают шею.

Твою мать, — сказал Макс, — по-твоему, этот вариант лучше?

Лучше, конечно, — я на наркомана похож. И вообще, это все старье. Особенно джинсы. Ладно… Я пошел.

Осторожней, — привычно сказал Макс и, размахнувшись, бросил бутылку в угол залы, где она разлетелась на осколки с жалким и пронзительным звоном.

* * *

Скай посмотрел сначала на датчик, потом на часы, потушил сигарету и потянулся.

Черт побери, сколько можно ждать эту мелкую тварь… сколько времени он еще проторчит у этого сутенера. За это время можно было натрахаться на год вперед.

Чтобы отвлечься, он протянул руку к бардачку, вытащил флешку, вставил ее в бортовой компьютер. Флешка пискнула, и на мониторе вновь открылись знакомая картина привычного рабочего стола.

Скай пробежался пальцами по клавиатуре, меняя пароли, шлюзы и адреса, посмотрел на бегущий столбик программы-взломщика и заглянул в полицейскую сводку, поступившую в ближайший участок.

Кроме как сведений о предстоящей облаве на бесполезных граждан, ничего интересного больше нет. Это может значить

только одно: меня будут ловить не полицейские. За меня возьмутся люди посерьезней. Что неудивительно, учитывая специфику моей профессии. Стоимость кеторазамина… Годы жизни любого из людей спущены в помойное ведро смазливой уличной шлюхой мужского пола. И дело даже не в том, что эти деньги могли бы спасти любого из нас — дело в том, что я, тот человек, который никогда бы не притронулся к ним, даже если бы мой датчик отщелкивал последние часы, не смогу никому ничего доказать…

Нелепей ситуации не придумаешь. Мне не поверят, и самому мне будет стыдно пытаться оправдаться историей про то, как пацан, которому осталось всего-ничего, скинул с балкона такую пропасть денег… Да еще и наличкой.

Единственное, что меня может спасти — это лабораторная крыса "КетоМира", заказавшая год назад розыск сумасшедшего парня. С этим заказчиком удалось связаться довольно легко — он лишился ног при взрыве лаборатории пять лет назад и все это время просидел пнем у компьютера. Он единственный, кто остался жив тогда. Информация была строго секретна, но я помню что-то о диверсантах, разгромивших лабораторию ради результата какого-то эксперимента над людьми.

По-моему, они так ничего там и не нашли.

А вот ученый "КетоМира" уверяет, что потерял там своего любимого внучка… И уверен, что он жив. Тоже бред на самом деле, но меня мало интересует, внучок он там или кто. Меня интересует то, что, если я выполню заказ сейчас, я получу сумму, достаточную для того, чтобы расплатиться с заказчиками, доверившими мне деньги… И, черт, я не я буду, если я не верну им любимую зверушку. А зверушка, по идее, должна привести меня к полоумному дружку.

А вот и он.

Скай отложил зажигалку, наблюдая сквозь стекла автомобиля за стройной фигурой парня в неприметной серо-ультрафиолетовой куртке.

Вспомнилось вдруг, что говорилось раньше про хозяина этого дома, владельца "Блиндажа" — они в дружеских отношениях. Скай поднял голову и чертыхнулся: на уровне второго этажа в открытом освещенном окне стоит широкоплечий парень лет на пять старше его самого и смотрит он не на уходящего по проулку Арина, а на припаркованный у обочины, стального цвета автомобиль.

Отсюда не разобрать его лица: оно все, как и кожа плеч, рук и груди, затянуто стандартной татуировочной камуфляжной сетью пехотинцев.

Если этот парень бывший военный, то при нем не стоит афишировать свой интерес к Арину. Если он выжил… Значит, с ним нужно поаккуратней.

Скай в задумчивости перевел взгляд в темноту улицы. Если продолжать стоять на месте, то можно упустить пацана.

Решение пришло почти мгновенно. Оглядевшись, Скай прочел название бара, сияющего на углу сломанной неоновой вывеской, щелкнул по клавиатуре, вбивая название в поисковик, а другой рукой потянулся к телефону.

Я понял, что это ночной менеджер, — быстро проговорил он, — я стою возле вашего заведения. Серый "Пежо". В одной руке у меня телефон, в другой автомат. Мне осталось жить полтора часа. Если через тридцать секунд в моей машине не будет сидеть какая-нибудь шлюха, я выйду и разнесу к чертям эту вашу дыру и перестреляю всех, кто там есть. Ясно? Я жду.

Результат не заставил себя долго ждать — почти сразу же, спотыкаясь, поправляя на ходу оборки розовой юбки, из бара выскочила накрашенная пышнотелая девица и устремилась к машине.

Скай открыл дверцу, втащил ее внутрь и повернул ключ зажигания, мельком глянув в сторону окна.

Стоящий там человек помедлил еще долю секунды, развернулся и исчез в глубине комнаты.

Скай улыбнулся, потрепал шлюху по толстой ляжке и нажал на педаль газа. Парень не мог далеко уйти.

А меня ты не будешь убивать? — нервно спросила девица, чуть не валясь на пол на резко заложенном повороте.

Пошла на хер, — зло ответил Скай, ища глазами фигуру в серебристой куртке, — вываливайся вообще, — он хлопнул ладонью по кнопке открывания двери и одним толчком выпихнул визжащую шлюху на улицу. Да где же этот пацан? Куда он мог деться за такое короткое время?

Вдали завизжали полицейские сирены, и улицы вдруг расчертились огнями прожекторов. К черту… Только этого еще не хватало — если менты перехватят у меня парнишку, я так и не узнаю, где он прячет этого полоумного… Я должен найти его раньше. Скай выключил фары, вгляделся в темноту и притормозил у обочины. Ошибки быть не может, это он. А там, куда он идет, тупик — это я точно знаю, я облазил все подступы к дому этого сутенера. Значит, вероятнее всего, он хочет спрятаться там от полиции. В какой-нибудь помойке, рассчитывая на то, что эти брезгливые государственные рыла туда не полезут. Значит, опять ждать?

Скай вышел из машины, прошел вдоль стены, медленно,

бесшумно, осторожно глянул в узкую коробку тупика.

Остановился и вышел на свет, жмурясь от ярких электрических всплесков.

Охренеть… пусто. Три стены и битый кирпич. И больше ничего. Куда он делся, твою мать? Куда мог деться семнадцатилетний пацан в закрытом со всех сторон тупике под цельными стенами в двадцать метров высотой?

Нет. Ты издеваешься просто, — глухо проговорил Скай, — ты действительно начинаешь меня раздражать.

Часть 6

Постояв немного в раздумье, Скай прошел между облупленных кирпичных стен и опустил глаза, заметив тусклый металлический блеск под ногами. Люк. Черт, как все просто. Мне даже в голову не приходило, что он может сунуться в Мертвое Метро, поэтому и не обратил внимания на тяжелую ржавую крышку люка, когда был здесь в прошлый раз. Интересно, погнала ли его туда боязнь попасть под облаву или… Или у него там есть хорошие знакомые? В любом случае, идти следом бесполезно. В этих подземных дебрях сам черт ногу сломит — так его не найти.

Можно предположить только, что обратно он вернется этим же путем и ждать здесь.

Все-таки, хоть и ничтожный, но шанс не упустить его из виду. Вряд ли этот сумасшедший парень там, внизу: там сложно выжить даже самым отчаянным головам, самым нелепым человеческим существам, которых только производил на свет наш гнусный, обреченный мир.

Скай запахнул поплотнее куртку, взглянул сначала на свой датчик, потом на часы.

Лучше вернуться в машину, пока не обрушился на город ночной грязный холод беззвездных ночей. Посмотреть схемы выходов из Мертвого Метро в этом районе, посмотреть, нет ли люков у аэродрома, и заодно проследить за полицейскими машинами — им может повезти больше, чем мне, и тогда вытащить пацана будет сложно.

Он развернулся, откинул ботинком кусок ломаного кирпича, прислушался к раскатившемуся по тупику, эху, угасшему у стены. Провел рукой по короткому ежику стального цвета волос, устало прикрыл глаза.

Черт бы тебя побрал, Тейсо-Арин. Если бы не ты, все было бы по-другому. В это время, если я не занят, обычно включаю компьютер, открываю папку с фото и возвращаюсь к прошлому — ищу в исчезающих из памяти чертах Деи что-то новое, то, что не успел понять и увидеть тогда, когда она была жива. Холодный туман наполняет комнату, и я вижу лишь оранжевый огонек сигареты и ласковые, смеющиеся серые глаза сестры — плоский отпечаток реальности, картинка на мониторе. А потом я выхожу на балкон и бездумно смотрю на небо, кожу рвет ледяной ветер, глыбами грязи громоздится внизу смог, но мне все равно — я дома, я рад своему уединению, я знаю, почему и зачем я живу, так может ли помешать мне жить дальше смог — черное дыхание умирающего города?

А сейчас я уже не могу вернуться домой. На мне долг перед людьми, доверившими мне огромную сумму денег, тяжесть этого долга свинцовым прессом давит душу.

Какие бы задания я не выполнял, я всегда был честен. Город смог заставить меня ослепнуть, позволив не видеть того, что я творю, кому и зачем передаю найденных мной людей, но город никогда не мог заставить меня стать мерзкой дрянью, любой ценой отвоевывающей себе право на несколько лет жизни.

Такой мразью набиты бары, бордели, питомники, гостиницы, дома, подвалы… За деньги они готовы сделать что угодно, начиная с того, чтобы отсосать первому встречному и заканчивая тем, что, не колеблясь, отгрызть себе руку по чужому приказу, лишь бы заплатили.

Я работал для себя и только ради того, чтобы не думать обо всем этом. Мои деньги ушли в оборудованную всевозможной электроникой машину, на оплату удобной для меня квартиры, на связи с нужными для расследований людьми… Сколько бы мне ни оставалось, я бы никогда не пошел с тем, кто просто поманил тугим брикетом купюр, как пошел этот пацан.

Скай остановился, вспомнив шелестящие клубы банкнот, разрываемых ветром, выругался про себя, дернул ручку двери, влез в машину, отгородившись уютным теплом и запахом озона от ледяного кирпично-серого мира.

Коснулся было пальцами клавиатуры, но передумал, откинулся на спинку сидения и закрыл лицо руками, сдерживая сбивающееся от осевшей в душе горечи дыхание.

Но он привык быстро справляться со своими эмоциями — сказывалась долгие одинокие вечера, проведенные наедине с самим собой. Правда, Скай предпочитал слову "одиночество" более приемлемый вариант "уединение", но сути это не меняло, именно это уединение научило его крепко держать себя в руках, и сегодняшний вечер не был исключением.

Поэтому он оторвался от спинки сидения, закуривая сотую за день сигарету, коснулся пальцами скролла и погрузился в изучение маршрутов полицейских машин, участвующих в облаве.

* * *

Арин привычно соскользнул в черный провал люка, чертыхнулся, почувствовав под пальцами крошево рыхлой ржавчины металлических скоб, отпустил руки, спрыгнул вниз на хрустнувшие под ногами осколки кирпича, удержал равновесие, постоял немного, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте, и

двинулся вперед, держась ближе к сырой, обросшей гнилыми мхами, липкой стене.

Тоннель уходил вглубь, через несколько сотен метров — Арин это знал — появятся первые работающие тусклые лампы под гнутыми проволочными решетками, а пока идти приходилось на ощупь, осторожно ступая, потому что даже жестко зафиксированная стальными вставками ботинок голень могла не выдержать, подверни он ногу среди завалов бетонного крошева.

На этом отрезке пути он никого ни разу не встречал, хотя к первому тоннелю вели несколько люков, но сегодняшний день был исключением — впереди шевельнулся мутный силуэт, и Арин, не раздумывая, рванул из гнезд металлических креплений на бедре узкие клинки стилетов, привычно зажав их между пальцев так, чтобы можно было ударить, не теряя ни секунды, — он хорошо знал, что Мертвое Метро не любит шутить и не терпит неосторожности.

Он затаил дыхание, прижимаясь к стене, не обращая внимания на то, что по светлой куртке сразу же расплылись жирные пятна от липкой плесени.

Кто бы там ни был, но вряд ли кто-то из Братства Воды, они не приходят сюда, здесь слишком близко к выходам на поверхность. Значит, либо чужак, либо новичок — и тот, и другой может быть опасен.

Арин вздрогнул, услышав непривычный звук, разнесшийся под высокими сводами тоннеля, помедлил, вложил клинки в гнезда, шагнул вперед, успев поймать девушку за тонкое холодное запястье, рванул на себя, и она не удержавшись, споткнулась, упав ему на грудь, но успев защитить рукой теплый комочек плачущего ребенка, голос которого заставил Арина выйти из убежища.

Он наклонил голову, всматриваясь сквозь тьму в худенькое, большеглазое, бледное лицо.

Какого хрена тебе здесь надо?

Вода, — заговорила девушка, поправляя сползшее с ребенка одеяло, — не убивай меня, моему сыну очень нужна та вода, от которой люди живут дольше.

Это не вода, — зло ответил Арин, — это отходы с фабрики кеторазамина. Из-за них люди становятся уродами. Иди назад. Уходи отсюда.

Он развернул девушку за плечи и легонько подтолкнул сзади.

Та вывернулась из его рук, кинулась в сторону, мгновенно превратившись в разъяренную фурию, зашипела злобно:

Мне так и говорили, что вам жалко этой воды! Уродами? Да ты врешь! Достаточно посмотреть на тебя, чтобы это понять. Вам

жалко воды для мальчика? Ему всего два года! И через месяц он должен умереть! Это справедливо? Справедливо это? Тебе жалко для него воды?

Дура! — не выдержав, заорал Арин, — тупая дура! Какая, на хер, вода? Это отходы, понимаешь? Химия! Что толку, что ты выбьешь для него несколько лишних дней? Да он расползется на желе у тебя на руках от этого пойла. Пошла отсюда, пока я тебя не прикончил, идиотка!

Девушка, дыша прерывисто, потянула из-под пол короткого пальтишка пристегнутую к бедру маленькую кобуру:

Жалко воды для ребенка, да, сука? Жалко тебе? — выкрикнула она, выхватывая из кобуры небольшой револьвер, направляя оружие в сторону Арина.

У тебя руки дрожат, — помедлив, сказал Арин, — не попадешь. А если ты не попадешь, я выкину тебя наружу и прибью стилетом к какой-нибудь стенке, потому что тупые в этом мире не выживают, и тебя лучше избавить от мучений заранее, раз ни черта не хочешь понимать.

А если я попаду? — прищурившись, спросила девушка.

Тогда я или умру, или буду валяться здесь раненый, пока меня не сожрут крысы.

Вот именно. И тебя не будет! Ты сдохнешь! И не будет тебя! Вообще не будет, как ты этого не понимаешь? И моего сына не будет! У меня нет денег, у меня есть только надежда на эту воду.

Арин словно наяву услышал шум разрываемых ветром купюр, острое чувство вины рванило душу, он помедлил, прикусил губу, раздумывая.

У меня есть другое предложение. Для тебя важно, чтобы он жил? Ты просто не видела, во что отходы превращают людей… Он может превратиться во что угодно.

Если тебе так важна его жизнь, отдай его мне. Я знаю человека, который может оплатить ему кеторазамин, но при условии, что ты ребенка больше не увидишь.

Согласна?

И он будет жить? — шепотом спросила девушка, опуская оружие.

Будет. Столько, сколько позволит его коэффициент самоликвидации. Но намного дольше, чем ему светит сейчас.

Девушка коснулась рукой личика ребенка, провела губами по пухлой теплой щечке, невольно улыбнувшись тепло, нежно, потом подняла голову:

А почему этот человек может оплатить ему кеторазамин?

Потому что… Потому что я попрошу. И я попрошу, чтобы его не трогали еще года три — четыре. В возрасте семи лет это уже не

страшно.

Что не страшно?

Не будь дурой, — нетерпеливо сказал Арин, — его может спасти только какой-нибудь бордель. И я знаю самый нормальный из них. И я заставлю его хозяина купить пацану кеторазамин. Лет двенадцать он проживет. Главное, чтобы ты исчезла после этого с горизонта и не лезла не в свое дело. Согласна?

Зрачки девушки расширились, и сжались в узкую полоску тонкие губы, превратив лицо в напряженную, застывшую маску.

Ты больной? — тихо спросила она. — Я никогда этого не позволю. Лучше смерть, чем такая жизнь.

Какая?

Игрушкой у извращенцев. Пусть даже от воды становятся уродами, но зато он будет со мной, и я никому не позволю его обижать… И никто не будет над ним издеваться. Никогда.

Арин долго молчал, сунув руки в карманы облегающих джинсов, смотря непроницаемым, опустевшим взглядом на хрупкую фигурку напротив, потом качнулся, прошел мимо девушки, бросив на ходу:

В который раз убеждаюсь, что вы пытаетесь оставить детей жить ради себя, а не ради них. Иди, куда хочешь.

Он пошел вперед, не оборачиваясь, сжимая зубы, слыша за собой легкие спотыкающиеся шаги — девушка шла следом. Что ж, иди. Иди, посмотришь на "волшебное" действие святая святых Братства Воды — ржавой трубы с отходами от фабрики кеторазамина, от которых люди, действительно, бывает, живут на несколько месяцев дольше, чем отводит им датчик.

Арин вышел в гулкую пустую залу, по бокам которой мертвыми гигантскими змеями лежали развороченные туши поездов, спрыгнул с края платформы, прошелся по стальной рельсе, раскинув руки, удерживая равновесие, услышал легкий женский вскрик, но не обернулся. Дальше открывались опутанные толстыми кабелями, сводчатые стены тоннеля, пройдя через него, миновав качнувшийся под ногами кусок вагона с остатками ярких реклам на стенах, Арин выбрался в центральную залу, поморщился, вдохнув тяжелый спертый воздух, окинул взглядом шевелящиеся на полу и у стен серые, жутковатые фигуры.

Здесь лучше не останавливаться, но…

Мальчик мой любимый! — прокурлыкал жирный сиплый голос.

Арин опустил глаза:

Привет, Нэнси.

Привет-привет, сладенький милый мальчик. Хочешь посмотреть, что сегодня показывает датчик красавицы Нэнси?

Прислоненная к стене желеобразная складчатая туша с трудом шевельнула короткими заплывшими пальцами и потянула из сальных дряблых складок шеи показавшийся крошечным датчик.

Посмотри, мальчик! Нэнси отвоевала у жизни еще парочку часов! — жидкое тесто ее лица всколыхнулось, и откуда-то изнутри послышалось рваное бульканье, должное означать смех, — а когда Нэнси выбьет из воды парочку лишних лет, она похудеет и пригласит к себе такого красивенького мальчика, правда, Арин?

Арин улыбнулся:

Правда, Нэнси… — он помолчал немного, продолжил. — Нэнси, ты еще можешь ходить?

Нет, сладенький мой, я не хожу, но воду мне приносит сюда Джо, он за мной ухаживает, подлец… Но я неприступна, сладенький мой, я берегу себя для тебя, — жирная туша вновь дрогнула и вновь раздалось горловое бульканье, от которого побежала по рыхлой коже заплывшей шеи мерзкая дрожь. — Ты же красивенький, как картинка, а с Джо слезает мясо… я не хочу такого. Я хочу такого вот маленького мальчика.

Арин оглянулся:

У вас есть обезболивающие?

Нет… А зачем? Больно только сначала, а потом в голове что-то отмирает, и уже ничего не чувствуешь. Представляешь, этот похабник пришел ко мне с водой, наклонился поставить бидон — я-то знаю, что он хотел просто заглянуть мне под юбку… наклонился, а у него с плеча оторвался кусок мяса и шлепнулся в воду. Мы так смеялись… Иди сюда, миленький, поцелуй Нэнси…

Нэнси, мне пора, — мягко ответил Арин, встречаясь взглядом с затерявшейся в толпе девушкой с ребенком на руках.

Я обязательно стану прежней, миленький! — пробулькала ему вслед Нэнси, тяжело дыша, пытаясь перевалиться набок, — я стану прежней, когда получу свои парочку лет… И мы повеселимся. Повеселимся…

Арин пошел дальше, переступая через грязные шевелящиеся тела, останавливаясь взглядом на тех, кого не замечал раньше, но вид которых теперь приковывал внимание — распухшие бородавчатые шишки вместо лиц, проглядывающие сквозь кожу уродливые костные наросты, разросшиеся наподобие кораллов, размякшие в пластилин конечности, растекшиеся в жижу нелепые головы с выпученными шарами мутных глаз.

Братство Воды. Те, кто с помощью отходов от фабрики кеторазамина, продляют себе жизнь, бывает, на несколько месяцев, самое большее — на год, те, кто готов остаться

изувеченной химией мятой куклой, лишь бы удержать в себе человеческое сознание, человеческую мысль как можно дольше.

За этой залой, вверх по широкой щербатой лестнице, открывался следующий коридор, полностью погруженный во тьму. Арин сошел со ступеней, взялся рукой за рукояти стилетов, шагнул в темноту, услышав слева чье-то прерывистое, горячее дыхание, отшатнулся и наткнулся спиной на что-то большое и теплое.

Сильные руки обвили его шею, и хриплый голос произнес над самым ухом:

Тихо, детка.

Раздалось чье-то тихое хихиканье, и липкие пальцы коснулись полоски обнаженной под латексной футболкой кожи.

Арин, не раздумывая, ударил клинком вниз, рванул лезвие, одновременно оперся ногами о скорчившегося на полу визжащего от боли человека, оттолкнулся, напрягшись, почувствовал глухую боль в грудной клетке, но все-таки выскользнул из ослабевших рук того, чей затылок только что разбил о стену.

Задолбали, уроды, — выдохнул он, вкладывая клинки обратно, и кинулся бежать по коридору, зная, что на шум в этой части Метро, из боковых тоннелей может выбраться кто и что угодно. Ему показалось, что сзади он слышит не только визг раненного, но и легкие торопливые шаги, но уже не придал этому значения. Цель была близка, и думать ни о чем уже не хотелось.

Впереди забрезжил желтоватый свет, и Арин замедлил шаг, когда от стены отделилась высокая, горбатая фигура с неестественно длинными, тонкими плетями рук.

Пошел на хер, — на ходу бросил Арин, но человек вцепился плоскими, суставчатыми пальцами в его куртку и заныл высоким капризным голосом:

Узнай меня, пожалуйста, ну узнай меня… узнай… Ты же должен меня помнить… узнай, пожалуйста.

Арин остановился, посмотрел на вывернутый череп, длинный, лысый, покрытый коростой, на торчащий между зубов синий распухший язык.

Я тебе сто раз говорил, я тебя не знаю.

Узнай меня… ты меня должен помнить…

Не черта было жрать эту дрянь, может, тогда я и вспомнил бы, — огрызнулся Арин, — отвали.

Он вывернулся из немощных рук, пошел дальше, слыша позади себя тихое обреченное всхлипывание.

Арин пересек следующую залу, подошел к тяжелой, проржавевшей двери, привычно, не глядя, набрал код на замке, огляделся, потянул дверь на себя и проскользнул внутрь.

Тяжелый металлический пласт со скрипом вернулся на место, и Арин сполз вниз, потянулся рукой в карман, вытащил сигарету, поднял голову и встретил спокойный, чистый, прозрачно-легкий взгляд фиалковых, с яркой желтой каемкой глаз.

Привет, Тори…

Тори приподнялся с кровати, опершись на нее локтями, тускло блеснули металлические спайки, соединявшие края широкого, бордового шва на груди.

Ты опять пришел.

Я всегда прихожу, — сказал Арин, поднимаясь, подходя к небольшому стальному шкафчику, висящему на стене, открывая дверцы, — ты вообще не ешь, что ли? Я понимаю, не пьешь…

Это твое.

Идиот, — поморщился Арин и вытащил тяжелую бутылку, уже откупоренную, но почти полную, вернулся в центр комнаты, сел на стол, взял с него лист бумаги, на котором ярким зеленым, солнечно-желтым расплылись свежие, несмешавшиеся краски.

Ты рисовал?

Тори лег обратно, коснулся пальцами клепок на груди.

Арин поднял глаза:

Болит?

Тори опять не ответил. Хоть кровать и была неширокой, но даже на ней его узкое, белоснежное тело выглядело хрупким, и лежал он так, как лежат покойники — слишком прямо, вытянув руки вдоль тела, невидящим взглядом смотря прямо перед собой, точеное, красивое, усталое лицо не выражает никаких эмоций, слабо розовеют на нем приоткрытые губы, и лишь пронзительно фиалковые глаза, мягкие, глубокие, в лучистом обрамлении яркой радужки оживляют это лицо.

Арин не стал больше ничего спрашивать, сделал большой глоток, отставил бутылку, взял следующий рисунок, повернул лист боком, пытаясь разобраться в хитросплетении сиреневых разводов на черном, густом фоне.

На что-то похоже, — задумчиво сказал он, — только черт поймешь, на что.

Это ты не поймешь. Ты первый можешь понять.

Арин отложил лист, наклонил голову, глядя на предыдущий рисунок — яркие блики желтого на сине-зеленом фоне.

Это можно понять. Помнишь, нас учили? Синее — небо, желтое — солнце, зеленая — трава. Только к чему это все? Все равно этого больше не осталось.

Трава осталась.

Я не видел.

Ты вообще ничего не видишь, — тихо сказал Тори.

Арин отложил рисунок, обвел глазами комнату — бывшее помещение опорного пункта полиции, небольшое, но светлое засчет сохранившихся ламп дневного света.

Вроде бы, вижу, — невесело рассмеялся он, — стол вижу. Здоровый стол. Об него немало разбивали голов, это точно. Вижу остатки решеток. Вижу серый кафель…

Что еще мне надо?

А я здесь вижу солнце, небо и траву.

Арин качнул бутылку, посмотрел сквозь нее на свет:

Тори… Тебе так же больно?

Тори поднялся, поморщившись, когда скрипнули стальные соединения, стягивающую кожу на узкой груди, сложил руки, поднял черноволосую голову.

Больно? Арин, знаешь, кому больнее всего в этом мире? Не вам, тем, кто несет только свою боль, а мне, богу, потому что я чувствую боль за всех. Когда я сюда пришел, я думал, что выполню свою роль хотя бы для кучки отверженных, и…

Посмотри, во что я их превратил! — вдруг выкрикнул он, и поползла тонкая струйка крови из-под тусклой стальной клепки, — что я с ними сделал? Ты это видел? Ты видел, как я их изуродовал? Я не хотел, Арин! Я не хотел! И я не могу ничего сделать теперь! Я стал богом ада! Я просто извращенная фантазия всех мировоззрений, я липкий ком их отвратительной идеологии, я и упырь, и инкуб, и проклятье, и тварь!

Арин отставил бутылку, слез со стола, спокойно глядя во вспыхнувшие безумием потемневшие фиалковые глаза, прикрытые разметавшейся солнечно-желтой челкой.

Тори тоже встал — гибкая, стройная фигурка, обнаженный торс укрыт легкой паутинкой крови, струящейся из-под спаек.

Я искалечил их всех, — глухо продолжил он, — Они все хотели помощи бога, а я их покалечил. А ты? Зачем ты приходишь сюда? Хочешь жрать меня? Тоже, как и все?

Жрать и травиться? Да нет… Тебя не отравишь. Ты умеешь меня жрать, и поэтому до сих пор цел. Ведь ты за этим ходишь? Знаешь, что я не могу отказать, поэтому приходишь. Ненавижу тебя, ты худший из них всех. Им я отдавал себя добровольно, а ты берешь меня, когда тебе захочется. Но они все отравлены, а ты нет.

Ненавижу! Я тебе это отдавать не собирался!

Пока он говорил, Арин осторожно, медленными шагами подходил ближе и, наконец, затаив дыхание, коснулся прохладных твердых плеч, прижал Тори к себе, ладонью коснувшись затылка.

Я не за этим прихожу, — сказал он, сам не зная толком, о чем

говорит, но зная по опыту, что лучше что-нибудь ответить.

А зачем? Зачем еще люди ходят к богу? Только требовать свое. Только требовать, не отдавая ничего взамен и даже не знают, как мне больно…

Я знаю, что тебе больно, — уже искренне ответил Арин, стирая ладонью теплые струйки крови с его тела, хрупкого, изуродованного незаживающей раной, — я знаю.

Этого мало, — сказал Тори, касаясь губами его шеи, прикрыв глаза, — я заслуживаю чего-нибудь взамен.

Арин наклонил голову, тронул губами влажные губы, отстранился.

Мне пора.

Тори отшатнулся, словно от удара, схватился руками за плечи Арина, потянулся вверх, ища его губы, весь превратившись в теплое, мучительное ожидание, потянул тугую молнию куртки, скользнул пальцами по гладкому латексу футболки, прижался, и Арин услышал быстрое, как у испуганной птицы, лихорадочное сердцебиение.

Нет, Тори, — прикусив губу, сказал он, отводя его руки, — мы уже говорили об этом.

Просто брать, да? — с ненавистью прошептал Тори, — просто пользоваться? За что ты так со мной? За что?

Я не могу, — в отчаянии проговорил Арин, — ты же не в себе, я не придурок и не сволочь, я не могу, ты не понимаешь, что творишь.

Тори вернулся на кровать, лег, сжавшись в комок, отвернувшись к стене.

Уходи, — бесцветным голосом произнес он, — ты получил свое от бога сегодня. Тебе хватит. Оставь меня.

Арин помедлил, борясь с желанием лечь рядом с ним, укрыть его своей курткой, прижаться и сказать все, что преследовало его неотступно долгие годы, то, что гнало его в эти подземелья, сказать и поцеловать по-настоящему — не так, как целовал обычно, не разжимая губ, а раздвинуть языком теплые розоватые губы, перевернуть его, осторожно, не касаясь металлических спаек, провести ладонью по его бокам…

Провести рукой по шелковистым, легким черным волосам, отвести с бледного лба длинную ярко-желтую челку, посмотреть в успокоившиеся под лаской фиалковые глаза. И сказать простые слова.

Тори, — позвал Арин.

Уходи. Ты не понимаешь, как мне больно, — ты не можешь этого понять.

Тори, я все понимаю. Я не должен этого делать. Ты просто не

знаешь, о чем просишь, ты же живешь в своем мире, это… Я не могу этого сделать.

Тори внезапно рассмеялся:

Потому, что я сумасшедший? Брезгливость?

Арин не выдержал:

Пошел ты, — резко сказал он и двинулся к двери, на ходу застегивая куртку.

На обратном пути, в тоннеле, ведущем к лестнице, он споткнулся о труп девушки в знакомом коротком пальто, остановился, сжал пальцами виски, мотнул головой, пряча выступившие слезы, поднял голову и долго стоял неподвижно.

А когда опустил голову, то вновь пошел вперед, глядя прямо перед собой сухими блестящими глазами.

Встретившийся ему на пути человек в мешковатом рваном свитере, испуганно отшатнулся в сторону, увидев во тьме горящие ненавистью, темные, глубокие провалы на побледневшем красивом лице.

* * *

Скай уже начал засыпать под ровное бормотание рации-перехватчика, исправно передающей обычные полицейские разговоры: пароли, координаты, отчеты о пойманных бездействующих — как отрывисто грянувшая в динамик фраза заставила его открыть глаза и потянуться к ключу зажигания.

Сопротивление при аресте! Стрелять на поражение! Пятая Банковская! Особые приметы…

Приметы Скай даже не стал слушать, он прекрасно знал, кто мог оказать сопротивление при аресте, и теперь был озадачен только одной мыслью — застать Арина в живых. Пятая Банковская… Слева пересечение с дорогой, ведущей к разрушенным кварталам, туда и надо ехать, парню там будет легче скрыться, это его единственный выход.

Машину мотнуло на повороте, и свет фар выхватил из темноты черные силуэты — один повыше, с вытянутыми, держащими оружие руками и второй, пониже, запечатленный в стремительном движении — умелый, уверенный подкат; опершись ладонью на асфальт, Арин вытянулся всем телом и точно, почти не целясь, ударил ногой по голени полицейского.

Скаю даже послышалось, что он слышит хруст сломанной кости. Твою мать… Кто же его научил… Он ударил по тормозам, успев заметить, как ринулись черные тени к оказавшемуся в кругу прожекторов подростку, распахнул дверь, услышав одновременно

пронзительный скрежет рвущегося металла зацепившегося за стену крыла.

Арин тоже это услышал, отвел глаза от нацеленных на него зрачков пистолетов, глянул непонимающе в серые, спокойные глаза, потом дрогнули в улыбке его губы, выбеленные электрическим светом, и он выразительно ударил одной рукой по другой, согнув ее в локте, развернулся и стремительно выскользнул за пределы круга прожекторов. Вслед ему рванулся град выстрелов, короткими перебежками ринулись вслед затянутые в камуфляж полицейские.

Хер вам, — в бешенстве пробормотал Скай, двинув машину вперед, в моментально смешавшиеся людские ряды, не заботясь больше ни о чем, — это мой пацан. Мой, уроды… Пусть и мудак последний, но мой!

Он вывернул руль, кинув серебристый автомобиль наперерез Арину, дернулся, поняв, что расцветшая возле дверцы металлическая роза — след от пули, но знал, что отступать поздно, увидел вновь прямо перед собой горящие бешенством карие глаза, и вдруг скрыла их брызнувшая на стекло, густая алая пелена.

Есть! — взвыла рация-перехватчик.

Скай выдернул из держателя за сиденьями автомат, выскочил из машины и, не глядя, полоснул длинной очередью куда-то назад, в то же время подхватывая одной рукой залитое кровью, безвольное тело.

Мне терять нечего, ребята… Уж простите.

Пятнадцать минут спустя Скай, наконец-то справившись с неконтролируемой злобой, выкинув окурок пятой по счету сигареты, определил по бортовому компьютеру, в какую сторону рванулась ошалевшая от такого сопротивления полиция, заменив обычных патрульных на элитных бойцов, все-таки повернул голову и взглянул на Арина.

Хреновая рана, болезненная — пуля угодила как раз под ключицу, разворотив мышцы.

Одежда, сидения, пол, приборная панель — все залито кровью, но парень не теряет сознания, сжимает зубы, искажено страданием бледное лицо, почернели губы, в глазах тяжелое, глубокое осознание близкой смерти.

Потерпи, — сказал Скай, — все не так херово, поверь мне. Нужно только остановить кровь.

Арин отнял руку от раны, посмотрел на ладонь, залитую блестящей алой густотой.

Зажми опять, — нетерпеливо сказал Скай, сворачивая в проулок, — не убирай руку.

Арин послушно, автоматически, медленным движением вновь положил ладонь на плечо и опустил голову.

Не теряй сознания. Нельзя, парень. Нельзя, слышишь?

Поздно. Из-под закрытых век медленно текут смешанные с кровью слезы, кровь льется толчками из раны под ослабшей рукой, свинцовая бледность расползается по коже.

Скай поднял голову. Дом Деи. Здесь жила моя сестра, и сейчас я могу сюда вернуться, потому что прошлое мое забыто, как забыто настоящее имя, и никто не свяжет меня, поисковика по сторонним делам, с тем человеком, что когда-то был братом скромной учительницы.

Он заглушил мотор, притянул к себе похолодевшее тело:

Давай, парень. Потерпи немного… Не вздумай так сдохнуть… Ты мне денег должен. Слышишь? Потерпи.

Часть 7

Скай пригнулся, быстро осмотрел улицу. Никого. Помедлив, он ударил по выдвижной панели и, скинув на пол пакетики с разноцветьем таблеток, нащупал пальцами накрепко приклеенный скотчем к стенке маленькой ниши пластиковый ключ.

Не думал, что мне придется возвращаться в этот дом так… Я вообще думал, что никогда сюда не вернусь, и лишь врожденная предусмотрительность заставила меня сохранить этот ключ.

Он повернулся, стянул с плеч куртку, привлек к себе ледяное, насквозь вымокшее в крови тело Арина, обернул его плотной тканью, стараясь скрыть алые, яркие пятна.

В голове метались, рассыпаясь на части и собираясь вновь, мысли — одна хуже другой. Если Арин умрет, мне конец. Я не успею самостоятельно найти нужного мне парнишку, меня перехватят, и никому ничего доказать я уже не смогу.

Если я сейчас займусь спасением его жизни, то рискую попасться сегодня же…

Самый последний и никчемный мент в этом городе уже знает о сером "пежо", хозяин которого полоснул автоматной очередью по наряду полицейских, вышедших на ежемесячную облаву. Моя машина сейчас — мое проклятье, но бросить я ее не могу: половина информации, нужное мне оборудование, оружие, в конце концов, — все это находится в ней.

Выбор жесток, но ничего не поделаешь. Будем надеяться, парень, что ты крутой не только на словах и выдержишь еще несколько часов, а за это время я должен успеть перебить номера, сменить крыло и дверцу и перекрасить "пежо". Как назло, в те известные мне места, где можно было бы это сделать, мне сейчас соваться нельзя.

Придется рисковать и рвануть на аэродром, в ангары. Я слышал, там не брезгуют подобной работой, и мне сейчас не до тонкостей.

Скай еще раз осмотрел черный тоннель улицы, открыл дверь и буквально выволок из машины Арина, стараясь вести его так, чтобы со стороны он выглядел просто пьяным в хлам малолеткой, а не подстреленным ментами идиотом.

На лестнице было так же темно, как и на улице, где-то капала вода и слышалось чье-то хриплое дыхание. Обойдя дергающегося в конвульсиях наркомана, Скай на ощупь нашел знакомую пыльную дверь и коснулся ключом кружка-идентификатора.

Идентификатор скрипнул, соображая, но все-таки загорелся

противным, осточертевшим зеленым светом.

Дверь подалась, и поисковик почувствовал тот самый запах, который преследовал его с детства. Запах бумаги, запах книг. Дея много читала старых книг, предпочитая листать странички, сидя с ногами в большом плюшевом кресле, начисто игнорируя стоящий в углу компьютер, которым пользовалась крайне редко.

Кресло стояло на месте, облезлое, уютное, персиково-рыжее, мягкое. Да и все осталось по-прежнему — так же тихонько позванивал хрустальный колокольчик у окна, лежал на кровати аккуратно свернутый шерстяной клетчатый плед. На столике так и осталась стопка недочитанных книг, из одной из них высовывался кончик открыточной закладки.

Скай перевел дыхание, тряхнул головой, избавляясь от ненужных сейчас воспоминаний, дотащил Арина до постели, вытащил из-под него свою куртку, осторожно отвел от черного рваного провала раны на его плече налипшие, насквозь вымокшие в крови лоскуты футболки. Очень все это хреново выглядит… И что ты кому пытался доказать, придурок? Что ты хотел этим доказать?

В полутьме лицо Арина казалось мертвым — восковое, выбеленное потерей крови, с густой чернотой у уголков глаз. Но Скай слышал его тяжелое дыхание и почувствовал нарастающий жар от обнаженной кожи. Живой… пока еще живой.

Черт возьми, управлюсь ли я с машиной раньше, чем ему вздумается помереть? Но я должен: эта машина одним своим видом сдаст нас обоих быстрее, чем я успею добраться хотя бы до ближайшей аптеки. Аптека. У Деи была аптечка, я помню, у нее было много лекарств, она часто болела. И даже помню, где эта аптечка.

Скай отошел от кровати, наклонился, потянул выдвижной ящик из укрытой белым кружевом салфетки тумбочки. Так и есть, в маленькой коробочке аккуратными рядками уложены упаковки таблеток, а сбоку плотный клубок стерильных бинтов, упакованных в пластиковый шарик. Это пока все, что я могу тебе предложить, парень.

Перебинтовать его оказалось делом нелегким, видимо, любое движение причиняло ему острую боль, и он, не открывая глаз, до скрипа сжимал зубы, запрокидывал назад голову; каменным узлом напряжения свело все его мышцы, побежали под кожей рваные быстрые волны судорог. Скай сначала боялся, что он будет кричать, но потом сам уже пожелал услышать хотя бы один стон, потому что это безмолвное страдание било по нервам сильнее, чем страх разоблачения. Негибкое, выгнувшееся окровавленное тело, пылающий жар от посиневшей кожи и

тусклая, мутная полоска глаз под прикрытыми веками, черный провал пульсирующей раны и пропитавшая легкое покрывало свежая кровь.

Сжимающиеся судорожно пальцы, тонкие дорожки алых струек, бегущих из уголков искусанных в мучении губ. И тишина. Тишина, нарушаемая только звуком тяжелого жесткого дыхания сквозь стиснутые зубы.

Скай зубами затянул последний узел, отвел ладони, укладывая Арина обратно, посмотрел на свои дрожащие руки. Нервы ни к черту. Ладно, парень… Я так понял, тебя так легко не угрохаешь. Поэтому подожди немного, проблема номер один сейчас — моя машина, пробитая пулями в трех местах, залитая кровью по самую крышу. По ней нас могут вычислить в течение получаса, поэтому времени у меня немного, придется рискнуть и воспользоваться услугами аэродромной братии, рассчитывая на то, что они возьмутся за заказ, несмотря на то, что не знают, кто я такой. За меня все скажут деньги.

Скай кинул последний взгляд на неподвижно лежащего Арина, поморщился, увидев, что начали уже расплываться по белоснежным бинтам влажные пятна, взял со стола ключи и вышел на лестницу, плотно прикрыв за собой дверь.

До аэродрома он добрался без приключений, внимательно следя за мигающими на мониторе компьютера огоньками-маячками, обозначавшими передвижение полицейских машин. Ему повезло — почти все они находились в северной части города, видимо, погоня решила прочесать район за районом, а может, информация, поступавшая на монитор, была неполной, но, так или иначе, по пути к ангарам серый "пежо" не встретил ни одной, несущей опасность машины.

Аэродром встретил его бесконечными битыми взлетно-посадочными полосами, бетонным крошевом и гулким воем рваного железа. За наблюдательными вышками, безмолвными, черными, громоздились стальные комья ангаров.

Скай безошибочно выбрал нужный, медленно свернул к нему, уткнулся капотом в запертые ворота, вышел из машины, пытаясь отдышаться, избавиться от острого запаха крови, щелкнул зажигалкой, закуривая.

Ждать пришлось недолго — спустя десять минут с ржавым скрежетом отворилась обшитая ребристым железом дверь, и появившийся на пороге человек посторонился, пропуская поисковика.

Яркий свет ламп дневного света, запах бензина и металлические завалы показали ему, что он не ошибся в выборе ангара, эту же догадку подтвердил встретивший его человек,

оказавшийся худеньким рыжим парнишкой с умным лукавым лицом.

Вытирая руки тряпкой, он представился:

Тони. Я так и понял, что это ты. Ни хрена себе ты дел наворотил… Менты с ума сходят. Знаешь хоть, чем все кончилось?

Нет, — нетерпеливо ответил Скай, — и знать не хочу.

Тони взглянул в серые непроницаемые глаза, кивнул:

Загоняй тачку, я сейчас открою ворота.

Через несколько минут, опытным взглядом оценив повреждения, механик хлопнул ладонью по искореженному крылу "пежо":

Три дня. Перекрасить и перебить номера — херня. А вот все остальное… Так что, три дня.

Три часа, — сказал Скай.

Тони поднял на него умные, удивленные глаза, провел рукой по взъерошенным волосам:

Ты и вправду псих. Никто тебе такого за три часа не сделает. Не паникуй. Все обойдется, три дня — можно перекантоваться.

Скай выдернул из сумки, пристегнутой к ремню, карту свободной передачи, протянул Тони.

Тот глянул на бегущие по карте тонкие полоски цифр, помедлил, но все же отрицательно качнул головой.

Я здесь один, я не успею, как бы ни старался. Ну, два дня.

Ты один на всю мастерскую?

Да нет… Просто собрать ребят сейчас практически невозможно, сам понимаешь… К такой спешке никто не готов, и вряд ли возможно как-то это сейчас решить. Не знаю… Благодаря тебе на улице сейчас полно ментов, просто так рисковать никто не захочет. Не уверен, что деньги здесь помогут, — он не договорил, поднял голову и остановился, глядя поверх плеча Ская.

Скай развернулся и увидел в дверном проеме знакомую фигуру. Тот самый. Тот самый парень. Неизвестно, удача ли это или провал, но хоть какой-то сдвиг с показавшейся только что мертвой точки.

Макс, — неуверенно сказал Тони, — не знаю, что делать… Слышал полицейские сводки? А это, — он указал рукой на машину, — результат. За три часа этого не сделать, а…

Макс подошел к "пежо", провел ладонью по запыленному крылу, посмотрел на кончики пальцев, сказал задумчиво:

Хорошая тачка. Я в своей жизни такую видел только два раза. Как же ты ее так угрохал?

Он не только тачку угрохал, — мрачно сообщил Тони, — там

еще два мента попали под раздачу.

Макс наклонился, опершись руками о крышу, оглядел салон:

Я не понял, ты что, трупы ментов потом с собой катал?

Нет, — раздраженно сказал Скай, — и это вообще не имеет никакого отношения к делу. Мне нужна моя машина через три часа. Целая и перекрашенная. И меня интересует, можешь ли ты это сделать.

Я-то могу, — медленно ответил Макс, глядя через затканное камуфляжным узором, сильное плечо в спокойные серые глаза. — Но вот почему-то именно для тебя мне этого делать не хочется.

Вот ты какой, солдат. Ну что ж, сыграем на твоих догадках. Раз такой умный.

Сыграем и поставим в тупик:

Если я тебе скажу, куда я тороплюсь, уверен, машина будет готова через час.

Макс выпрямился, закусил губу, прищурился, что-то обдумывая, потом спросил глухо:

Не проще ли мне отказаться и просто проследить за тобой? Взять на себя твои заботы?

Попробуй, — ответил Скай, — я залезу в машину, дерну в ближайший бордель и проведу там незабываемые несколько дней, пока меня не накроют и не увезут в колонию. Несколько дней, Макс, — он глазами указал на залитые кровью сидения.

На зататуированном лице невозможно было прочесть ни одной эмоции, а вот сверкнувшие металлическим блеском глаза уверили поисковика, что он на верном пути. Страшно, солдат? Давай же, действуй.

Макс потянулся к карману, вытащил телефон, не отводя глаз от Ская, проговорил в трубку:

Собрать всех. Пятнадцать минут до сбора. Если у кого будут проблемы с полицией, вытащу. Отбой.

Три часа, говоришь? — обратился он уже к Скаю, — Ты уверен?

Лучше быстрее, — признался Скай отходя, садясь на шипованную покрышку у стены ангара, устало прикрывая глаза.

Макс подошел ближе, сел рядом, вытащил из пачки сигарету, закурил, прикрыв ладонью огонек зажигалки:

Так все-таки это ты, — задумчиво сказал он, пряча зажигалку в карман.

Не я, — отозвался Скай, глядя в склоненное, неразборчивых из-за камуфляжной сети, черт лицо, — хотел спросить, как ты выжил? Я думал, с той войны не вернулся никто. Я видел людей, разрисовывающих себя ради попытки казаться круче, но не видел раньше настоящих солдат.

Не видел, не видишь сейчас и не увидишь.

Макс поднялся, загасил окурок, подошел к машине, открыл дверцу, вытащил из держателя за сиденьями автомат, вскинул его легким движением, вжал приклад в плечо, наклонил голову, ловя в перекрестье прицела фигуру у стены.

Тони опасливо отошел подальше и, услышав условный стук, пошел открывать ворота.

Гул голосов, громкий смех и ругань наполнили ангар. Заскрежетало железо, взвыли пилы, послышался металлический стук — люди принялись за работу, делая вид, что не замечают странной ситуации и ледяного спокойствия обоих: хозяина мастерской, все так же держащего палец на курке, и незнакомого им парня, который, наклонив голову, смотрит сейчас в глаза самой смерти.

Наконец, Макс расслабил руку, кинул оружие обратно в салон, потянулся, улыбнулся:

Тебе в какой цвет тачку перекрасить? В голубой?

Можешь на ней хоть самолично ромашки нарисовать, — отозвался Скай, переводя дыхание, — главное, чтобы во время уложился.

Уложусь, — посерьезнел Макс, — ребята, черный.

Следующий час они просидели молча. Скай — наблюдая, как возвращается к жизни его машина, Макс — облокотившись на стену, глядя прямо перед собой заледеневшими, задумчивыми, глазами.

А через полтора часа все было готово. Люди расступились, открывая взгляду сияющий новой краской новехонький "пежо".

Денег не надо, — прервал молчание Макс, — просто вали отсюда и побыстрей.

Скай кивнул, поднялся:

Спасибо, боец.

Макс досадливо поморщился, помолчал немного, спросил:

Куда?

Скай коснулся ладонью плеча.

Ясно. Все, я сделал все, что смог. Очередь за тобой. И учти, я приблизительно знаю, что тебе нужно, поэтому не думай, что отпускаю, веря в твои благородные намерения. Отпускаю я тебя по другой причине. Так что следи за своими поступками. Я предупредил.

* * *

Болит плечо. Интересно, почему? Будто свинец залили

внутрь, режет и горит невыносимо, но…

"— Сколько ему, говоришь?

Пять лет.

Милое существо.

Холодные пальцы приподнимают меня за подбородок, я вижу чужое, длинное холеное лицо, но стараюсь не смотреть на него, я хочу видеть Хозяина, а это лицо его скрывает.

Мне сначала не понравился цвет его волос, но в питомнике быстро его перекрасили, когда поняли, что меня не устраивает.

А какой он был?

То ли лиловые, то ли бирюзовые волосы… Ярко, одним словом, некрасиво" Нет, все-таки интересно, почему я не чувствую своего тела, но точно знаю, что у меня болит плечо…

" — И что он из себя представляет?

Да что хочешь, то и представит.

Смех. Смех Хозяина. Значит, мне хорошо. Мне не нравится это чужое лицо и длинные холодные пальцы, гуляющие по моему телу, но Хозяин смеется, значит, все в порядке.

То есть, он не знает, что он человек?

Не знает. Да и зачем мне нужен человек? Я хотел животное и получил животное.

Не может такого быть, чтобы он совсем не соображал.

Третий голос. Но третьего человека я не вижу, потому что мне закрыли ладонью глаза, и холодные руки разводят мне ноги, потирая кожу между ягодиц.

Проверим?" Я начинаю вспоминать, почему болит плечо. Я хорошо помню этот день. Слишком хорошо помню этот день.

"— Проверим? Я готов поспорить. Вы не представляете, как им ломают психику в питомнике. С ним можно делать, что угодно, и он все равно будет одержим только любовью ко мне.

Это я понимаю. Любовь. Да, я люблю Хозяина.

Мне мешает неприятное ощущение внутри меня, давящее, грубое, мне мешает то, что меня заставляют открывать рот, проталкивая между губ горячий мокрый предмет. Но все в порядке, потому что я слышу голос Хозяина.

Хорошо, спорим! Говоришь, животное? Логично будет проверить его животным. Как тебе, не жалко мальчишку? Уверен, что он не будет сопротивляться?

Он-то не будет. А вот заставить животное его отыметь будет сложно.

Посмотрим. Делаем ставки?" Не заставляйте меня переживать это снова. Не надо. Если у меня болит плечо, значит все уже кончилось, ведь собака разгрызла мне плечо уже в конце… Так почему я вижу это все заново?

" — А где достать пса?

Дело пятнадцати минут. Нам нужен дог или ротвейлер. Порода покрупнее.

Стойте! Дайте я задам ему несколько вопросов.

Другое лицо, другие руки, стирающие с моих губ жгучие горячие капли, внимательные, удивленные глаза:

Скажи, Тейсо, ты любишь хозяина?

Да.

И все будешь делать для него?

Странные вопросы.

Да.

Тейсо, а ты боишься собак?

Нет.

Собаки? Это что?" Не надо! Не повторяйте это! Я же человек… Я просто не знал об этом. Не повторяйте! Не повторяйте это!

"Это собака? Черный толстолапый ком, странный запах и желтоватые клыки. Собака.

Держите его, думаю, он попробует вырваться.

Не будет он вырываться.

Переверните его.

Знакомые ладони подхватывают меня под живот, настойчиво пригибают к полу, поглаживая по спине. Это Хозяин, значит, все правильно…" Суки… Какие же вы суки…

" — Уверены, что его не нужно держать? Хотя бы свяжите руки. Мне интересно, что он скажет потом, а если он дернется, пес может его загрызть, ведь его пришлось брать у полиции, он агрессивный.

Кстати, а что полиция?

Ничего, и это неудивительно. Если я не ошибаюсь, кеторазамин для высших чинов спонсирует "КетоМир"?

Если точнее, мой папаша.

Ладно, Тейсо, не бойся. Тебе понравится" Не-на-ви-жу.

" Больно, как же мне больно. Мне больно от стянутых проволочными узлами распухших запястий, мне больно от рвущих колючих движений внутри меня, мне больно от тяжести веса этого… Собака. Это называется собака. Мне больно дышать от другой, давящей боли, стиснувшей грудь, боли, от которой льются слезы по щекам. Непонятной боли, такой я не испытывал никогда.

Он плачет.

От боли. Рефлекс. Посмотри, кровь.

Слушайте, но выглядит это отвратно…

Мне кажется, мы проиграли. Парнишке действительно, все

равно. Он даже не шевелится.

Подожди. Еще не все" Мне было не все равно. Мне было не все равно. И сейчас не все равно. Избавьте меня от проклятия памяти. Избавьте меня от боли в прокушенном плече. Ведь поэтому у меня сейчас болит плечо? Значит, это было недавно. Это было только что.

"Хруст рвущихся мышц и лопнувших костей. Странный звук. Жар звериного дыхания на моей шее.

Черт, уберите пса, он его загрызет!

Как убрать?

Сделайте что-нибудь! Вы знаете, сколько он стоит?

Уберите собаку! Где этот чертов мент, который ее привел? Позовите его!

Куда-то все плывет. И голоса исчезают. Стало тепло и спокойно. Безразлично. Это потому что Хозяин здесь. Поэтому мне не больно, хотя много крови, я столько не видел раньше. А если дотронуться до этого белого, что торчит из плеча… какое оно на ощупь? Гладкое. Крошится. Спать… Хочется спать".

Вот поэтому у меня и болит плечо. Опять? Все произошло еще раз? Я не знал, что такие вещи могут повторяться. Я же… уже не ребенок. И я стал человеком. Почему же все повторилось? Как болит плечо…

" — Тейсо! Очнись, скажи-ка нам еще пару слов. Очнись. Давай-ка, скажи, ты все равно любишь хозяина?

Да.

И тебе все это понравилось?

Да.

Все… Отдаю деньги, это удивительно, но я проиграл. Невероятно, поздравляю с приобретением.

Подождите. Тейсо, скажи еще раз — ты боишься собак?" И тогда я закричал. Я кричал так, как никогда не кричал, кричал, пока не потерял голос, потому что меня охватил дикий, панический, лишающий рассудка, страх. Я боюсь собак! Не надо. Не повторяйте, не надо!

" — Тупая тварь!

Хозяин злится. Что Тейсо сделать, чтобы Хозяин не злился? Я не знаю, почему начал кричать, я не знаю, почему мне стало страшно. Я виноват. Я могу лишиться любви Хозяина.

Нужно было только задать правильный вопрос, как видите. Так что, спор не проигран".

Болит плечо. Жутко болит плечо. Тошнит… Я боюсь собак, хоть я и не Тейсо. Но я очень боюсь собак… Я боюсь собак. Я. Боюсь. Собак. Больно… Я боюсь…

* * *

Скай сначала скинул на пол тяжелый автомат, поставил на стол прихваченную из машины непочатую бутылку водки, и только потом прислушался к тихому голосу Арина, развернулся, увидел, как он приподнимается, увидел широко раскрытые, заполненные ужасом карие глаза.

Ляг обратно, — сдержанно сказал Скай, разламывая ампулу со стимулятором, — и заткнись.

Я боюсь собак, — четко проговорил Арин.

Чего? — не понял Скай, отложил ампулу, подошел ближе к кровати, ощутив сухой жар от тела подростка, отметив лихорадочный блеск в расширенных зрачках.

Боюсь собак, — повторил Арин, — не надо. Больше не надо.

Ты долбанулся что ли? — озабоченно произнес Скай, касаясь ладонью его пылающего лба.

Не надо, — севшим голосом повторил Арин и неловко повернувшись, лег обратно, закрывая лицо здоровой рукой, — я все-таки, человек. Неважно же, сколько кто выиграл… Я боюсь собак. Вам же не нужны были эти деньги.

Бредятина, — сказал Скай, стараясь откинуть промелькнувшую было в голове мысль.

Черт, у него бешеная температура, так что некогда это слушать, нужно остановить лихорадку, пока он не принялся рассказывать подробности.

Скай смешал стимулятор с водой в ложке, щелкнул под ней зажигалкой, дождался, пока забурлит мутноватая жидкость, набрал полный шприц через мокрую вату, вернулся к постели, тронул рукой обнаженное горячее плечо, протолкнул иглу под кожу, следя, как пустеет пластиковый наполнитель.

Потом он вернулся к столу, открыл бутылку с водкой, поморщился, но все же сделал глоток, чувствуя мерзкую дрожь в уставших мышцах.

Поспать, видимо, не удастся… Слишком опасно. Может нагрянуть полиция, может выкинуть какую-нибудь хренотень Макс, может подохнуть Арин… куда не плюнь, везде дерьмо. Собаки.

Скай сел на кровать, потер рукой лоб.

Холодно, — сказал Арин окрепшим голосом.

Температура спадает, — отозвался Скай, — поэтому мерзнешь. Ты как?

Арин облизнул губы, с трудом повернул голову, посмотрел на поисковика:

Лучше всех.

Хочешь? — спросил Скай, протягивая ему бутылку, — ночь будет долгой и это только начало.

Давай.

Он приложился пересохшими губами к горлышку, глотнул едкую, обжигающую жидкость, перевел дыхание, откинулся назад, закрыл глаза:

Тебя как зовут?

Скай.

Скай… Слушай, Скай, что ты обо мне знаешь?

Что ты боишься собак, — задумчиво ответил Скай и увидел, как дрогнули в слабой улыбке его губы.

И поэтому вытащил меня оттуда?

Не забивай себе голову такими вопросами. Мне до тебя дела нет. Просто попался на пути.

Холодно, — повторил Арин, — и кровь опять пошла. Как-то мне не по себе.

Скай перегнулся через него, поставил бутылку, потянул за узлы промокшего насквозь бинта, развязал, наклонился, отводя тяжелые бордовые марлевые полосы от светлой обескровленной кожи, услышал, как задержал Арин дыхание, непонимающе поднял глаза и натолкнулся взглядом на странный, внимательный взгляд карих глаз:

Больно?

Нет.

Тогда дыши, твою мать.

Он остановился, внезапно поняв, что скрывается за этой мягкой внимательностью его глаз, и сам ощутил то же самое чувство, что заставило Арина сейчас задохнуться. Близость. Вот в чем дело. Близость тел, касание ладоней к коже, тепло, ощущение твердого бедра под рукой.

И Арин увидел, что он понял, облизнул губы, отвернулся.

Скай отстранился, потянул из упаковки новые полосы бинтов, проклиная сложившуюся ситуацию, испытывая чуть ли не впервые в жизни чувство неловкости. Чем дальше — тем хуже. Этот парень — сплошная неприятность… Когда же это кончится…

Часть 8

После того, как машина Ская, перевалившись через высокий порог ангара, исчезла во тьме, Макс постоял немного, сунув руки в карманы, задумавшись. Потом вспомнил о ждущих его людях, обернулся:

Все свободны. Деньги получите, как обычно. Да… Кто-нибудь видел когда-нибудь этого парня?

По номерам, — подсказал, подходя ближе, Тони, — его можно вычислить по номерам.

Макс, если у тебя с ним проблемы, почему ты ему разрешил уйти? Сам знаешь, здесь, на аэродроме, все можно было замять очень быстро. И никто бы ничего не узнал.

Пробей его номера, — ответил Макс.

Тони кивнул, пробрался между завалов мятого железа и влез на тяжелое сидение, вытащенное из кабины пассажирского самолета, пошарил рукой за спинкой:

Кстати, базу недавно обновили… — пробормотал он, раскрывая тонкую пластину ноутбука, — не составит проблем.

Ищи давай, — сказал Макс, — мне нужно хотя бы его имя, думаю, тогда я смогу его найти, где бы он ни был. Что там о нем?

Тони замялся, поднял умные, озадаченные глаза:

Да как сказать. Зарегистрирован, есть. Но это не имя, Макс. И боюсь, тебе это сильно не понравится.

Дай сюда.

Тони поднялся с кресла, перебрался на проржавленную турбину, присел, протягивая Максу ноутбук.

Макс опустил глаза, глядя на монитор. Первая строка — номер машины. Верен.

Вторая, третья, пятая, шестая — пусты. Никакой информации. И последняя графа "комментарии", предназначенная для особых сведений о владельце. В этой графе набор цифр и букв, на первый взгляд непонятный, но легко поддающийся расшифровке: "2Fast4You".

Сука, а… — проговорил Макс, закрывая ноутбук, — ладно, Тони, можешь идти.

Сегодня я останусь здесь сам.

Когда механик ушел, Макс притушил в ангаре свет, оставив гореть всего несколько ламп, сел на сваленные в углу покрышки, закурил.

Арин недаром интуитивно почувствовал в нем опасность, но он ошибся — это не мент. Мент не стал бы расстреливать своих, мент не стал бы ломать базу для того, чтобы оставить в ней

короткий издевательский шифр. Дело обстоит намного хуже, а я пока ничего не могу сделать. Арин сказал, что не помнит, что было той ночью, а это может означать только одно — той ночью он вновь почувствовал на себе ошейник, его тайна раскрыта. Я знаю, что его ищут, знаю и то, зачем его ищут — его хозяин истратил все возможные шансы на продление жизни, подошел вплотную к той грани, когда ожидание смерти становится единственной твоей заботой. Видимо, осознав это, он принял какое-то решение и исчез. Исчез, и никто не мог найти его следов целый год, пока недавно в резиденцию "КетоМира" не начали поступать звонки. Эта история известна мне по тем связям, которые я не стал оставлять в прошлом. Смысл звонков очень расплывчат, но мне, тому, который хорошо знает, как обстоят дела в личной жизни воротил "КетоМира", многое стало понятно. Звонивший настаивает на том, что его может найти, точнее, знает о его местонахождении, только один человек. И просит, чтобы его вытащили из ада, куда он попал, но сам объяснить ничего не может, лишь повторяя одно и то же: "Тейсо знает". Папочка этого ублюдка, видимо, кинул все силы, чтобы найти сбежавшего питомца, который "знает", где находится ошалевший от ужаса смерти сыночек.

Да только Арин не знает, это точно, иначе он бы мне сказал, но это ничего не меняет — его вычислили, проверили и… И, как ни странно, держат пока что при себе, явно не торопясь сплавлять заказчику. Почему? Почему так?

Макс вспомнил спокойные серые глаза, короткий ежик стальных волос, тонкие контуры татуировки-скорпиона на виске. "2Fast4You". Сволочь. Зачем тебе Арин?

Если ты вытащил его из-под обстрела, если ты защитил его, если ты сегодня заставил меня починить машину в рекордные сроки, зная, как намекнуть на сложившиеся обстоятельства так, чтобы я тебя понял, но не смог ничего сделать…Если бы ты был поисковиком, то я бы не увидел Арина после того, как ты узнал о том, что он питомец. И ты бы его не отпустил. Что же произошло, кто же ты?

Макс загасил окурок, потянулся, закрыв глаза, и раздраженно мотнул головой, отгоняя всплывшую перед внутренним взглядом картинку — мягкое кружево лиловых ресниц, влажные, приоткрытые красивые губы, ласкающие твердый изгиб чужих губ.

Легкое прикосновение кончиков пальцев к стального цвета коротким волосам.

Вот дерьмо-то… Я даже слышу, как наяву, такое знакомое, теплое, прерывистое дыхание, вижу, как настойчиво тянет он на

себя сильное тело, сжимая коленями твердые бедра. Арин всегда был нетерпелив, он всегда первым шел навстречу, зная, что отказаться от него невозможно, и пользуясь этим, заставляя выкладываться полностью, умея контролировать движения, превращая секс в бесконечную борьбу, долгий, выматывающий, сладостный путь к завершению.

Я сам столько раз проходил с ним этот путь, и каждый раз терялся в вихре его желаний, внутренне сгорал от смысла отрывочных коротких слов, которые он говорил, улыбаясь, кусая губы. Он не боится ничего, он сводит с ума откровенностью, граничащей с самым острым ощущением развратности, которую воспринимаешь, как должное, потому что он — это он. Его не заставишь теперь лгать или подчиняться, он скажет все, что думает, и скажет, что хочет. А еще он скажет, что и как он чувствует. И говорит он это так, что сжимается все внутри, перехватывает дыхание, и понимаешь, что ни с кем такого не будет, никто не сможет быть таким.

Несколько сказанных слов, захлестнувшая волна оргазма и близко-близко побледневшее красивое лицо — глаза закрыты, чуть вздрагивают улыбающиеся губы, и снова его слова, и новый круг, новая борьба за эту улыбку и дрожь изогнувшегося в руках, тела. Новый путь. Заново.

Утешает одно: если этот хренов убийца полицейских сразу же добрался до истины, превратив Арина в питомца, значит, всей томящей сладости этого пути он не испытал. Он всего лишь поиграл с питомцем, он не слышал голоса Арина, он не видел его улыбки, он не был оглушен его сексуальностью, и Арин не повел его своим излюбленным путем побед и поражений, заканчивающимся тающим во тьме стоном и прерывистым шепотом рваных, жгучих слов. Он не был с ним самим собой. Это утешает. Но что будет дальше? Что случится дальше…

Путаница, сплошная путаница, тупик, "2Fast4You". Черт с тобой… Только помоги ему выжить, дай ему шанс пережить эту ночь. Мы еще встретимся. И кто знает, может, в следующий раз я нажму на курок, потому что ты опасен, потому что ты не понимаешь, чего пытаешься меня лишить. Потому что, если бы не Арин, я бы давно собрал бы самолет и закончил тот полет так, как он должен был закончиться. Но меня держит Арин, и я не тороплюсь. Мой полет… Если я выжил тогда, то только для того, чтобы встретить Тейсо, чтобы помочь ему, для того, чтобы полюбить Арина. И только поэтому я просто задумчиво часами смотрю на приборную доску самолета, вспоминая кинувшуюся в лицо пустоту и адскую боль от удара о вздыбившуюся землю. Чип военного образца, сорокатысячный код, выученный мной

наизусть. Я должен был тогда воспроизвести его, и позволить сработавшей микросхемке разнести мне голову. А я побоялся, я хотел жить. Я нарушил приказ.

Просто судьбе было угодно, чтобы я встретил его.

Макс поднялся, провел руками по залитому камуфляжной сетью лицу, дотянулся до пульта управления освещением, выключил свет и лег на кожаные сидения, стоящие у стены. Лег, закрыл глаза и заснул моментально, так, как засыпают люди, знающие, что отдых важнее бесполезных поисков выхода из ситуации, на которую ты все равно пока что не можешь повлиять.

* * *

Третья доза стимулятора и почти никаких улучшений, редкие проблески сознания, несколько осмысленно сказанных слов, глоток водки и снова тяжелое, лихорадочное забытье.

Пылающая кожа, растрескавшиеся от жара губы, тяжелое судорожное дыхание, бессвязный поток отрывочных предложений.

Скай начинал опасаться, что до утра Арин не доживет, поэтому внимательно слушал все, сказанное им в бреду, надеясь на то, что удастся узнать хоть что-то, что может привести его к искомому. К четырем часам утра, придавленный усталостью, измученный ожиданием, с шумящей от выпитого спиртного, головой, Скай не выдержал, повернувшись, прилег, опустив голову на подушку рядом с Арином, надеясь на пятнадцать-двадцать минут сна.

Из всего, сказанного Арином в бреду, можно было уяснить только одно: с владельцем мастерской, Максом, его связывают непростые и близкие отношения — задыхаясь в беспамятстве, Арин часто повторял его имя, пытаясь что-то попросить, спрашивая про какие-то выходы. Настойчиво возвращался он к теме смысла их отношений, говоря иногда такое, что Скай отворачивался и брался за очередную сигарету, пытаясь подавить вспыхивающие в мозгу воспоминания о мятно-прохладном вкусе его кожи и теплой линии у обнаженного бедра.

Когда вновь начинала течь кровь, и ему становилось хуже, связность его речи исчезала, и слова теряли всякий смысл. Арин монотонно, будто автоматически, говорил что-то о боге, о рисунках, о траве.

Это уже переходило всякие границы. Потому что ни первого, ни второго, ни третьего в мире не существовало.

Трава исчезла давным-давно, бог покончил с собой, увидев,

до чего докатились его дети, и рисовать бы уже никому не пришло в голову.

Скай устал и все-таки позволил себе расслабиться, полулежа рядом с раненым подростком, он закрыл глаза, и понял, что его медленно затаскивает в тяжелую, зыбкую, болезненную дрему, не приносящую облегчения. Заснуть нормально мешала неудобная поза, запах крови и звук тихого голоса совсем рядом.

Нельзя делать все, что просят. Понимаешь? Ты можешь просить и думать, что тебе это надо, а на самом деле это будет пыткой для тебя… Поэтому я не сделаю так.

Если бы ты меня помнил… Ты же меня рисовал? Я понял сейчас. А зачем? Если ты бог, помоги мне…

Скай плюнул на принципы, рассудив, что имеет право поспать хотя бы полчаса, вытянул из-под себя вымокшее в крови покрывало, откинул его в угол комнаты, развернулся, лег поудобней, коснулся рукой горячего лба Арина:

Успокойся уже… Если доживешь до утра, обещаю, найду тебе биопластик… По хер, сколько бы он ни стоил. Только заткнись и дай мне заснуть.

Неожиданно Арин повернул голову и взглянул в упор прояснившимися, осмысленными глазами:

Я умираю?

Да, — помедлив, ответил Скай, — скорее всего, да. Я не медик и ничем пока не могу помочь. Постарайся дотянуть до утра. И не бойся. Разница невелика, сейчас ли, несколькими месяцами позже. Сам знаешь, о чем я.

Да, — бесцветным голосом проговорил Арин, — разницы почти нет, но… Я не хотел бы здесь умереть. Мне нужно…

Что? — насторожился Скай, — давай, скажи, может, я смогу помочь.

Он долго смотрел сквозь тьму на четкий, тонкий профиль, на дрожащие лиловые пушистые ресницы, дожидаясь ответа.

Наконец, Арин приоткрыл губы, заговорил срывающимся, севшим голосом:

Мне просто нужно объяснить ему, почему я ничего не даю взамен. Не знаю, что дает мне он… может, и ничего. Но я должен объяснить, что нельзя делать то, что кто-то просит. Это может быть страшной ошибкой.

Кому объяснить?

Наверное, это неважно. Я не уверен, что он помнит меня. Часто он называет меня разными именами и видит кого-то другого. Ему это может быть не нужно. Какая ему разница, что я люблю его и пообещал ему быть рядом еще четыре года назад. Я тогда не понимал, как он может жить без хозяина. Я не знал, что

он предназначен для других целей. А потом они его увезли и разорвали вдоль, сцепив рану хирургическими клепками, сделав так, чтобы она никогда не заживала. Зачем… Ты не знаешь, зачем?

Нет, — коротко сказал Скай, боясь сбить его с мысли.

И я не знаю. Только ему больно всегда, и он сошел с ума. Поэтому, наверное, мои слова не будут иметь для него никакого смысла. Он не верит словам, он хочет меня, хочет, чтобы я молчал… Молчал и только делал. А я не хочу этого. Если ты бог, то помоги же мне… Ты столько раз говорил мне, что ты бог, что я почти поверил в это. Помоги мне сейчас… Хоть кто-нибудь… Макс, брось ты свой чертов самолет… Я не хочу умирать один. Мне не страшно, но я не хочу умирать один.

Скай, обдумывающий услышанное, забывший о сне, отвлекся, услышав его последние слова, ощутил что-то похожее на сочувствие. Парень явно напуган, ему хватило сил прийти в сознание на несколько минут, а теперь он весь — сплошное страдание умирающего одиночества. Сказанное им сейчас — бесценная информация, я знаю, в какую сторону раскручивать расследование, и я помню, что слышал раньше что-то о методе незаживающих ран. Это стоит проверить, таких экспериментов было проведено немного. И все они были нацелены на…

Скай не успел додумать, поняв, что не слышит больше тяжелого дыхания рядом с собой. Тишина внезапно стала невыносимо-звенящей, парализующей. Страшной.

Да что за херня, — в отчаянии проговорил он, поднимаясь, сжимая пальцами ледяные запястья Арина, — дыши же, придурок! Дыши!

Странно, но в этот момент забылись все собственные неприятности, перед ним лежал ребенок, ребенок, последней мыслью которого был страх перед смертью в одиночестве. И чувство этого самого одиночества сейчас пронзило Ская насквозь, с ошеломляющей ясностью он осознал, что все эти часы рядом с ним умирал человек, умирал мучительно, не жалуясь, переживая заново самые страшные моменты своей жизни, умирал медленно, болезненно, жутко.

А я думал только о себе, о своей репутации, об облаве, о том, как бы успеть выжать из парня нужную информацию, не понимая и не чувствуя того, кто на моих глазах уходил из жизни, высказав свой страх только в самом конце и всего в нескольких коротких словах. Когда же я превратился в то, чем сейчас являюсь? Что плохого сделал мне этот парень, чем он заслужил мою неприязнь, почему с самого начала я решил для себя, что такие, как он, должны сидеть по своим будкам и нет в них ничего

человеческого? Да что со мной? За что я так с ним?

Скай, не раздумывая, прижался губами к заледеневшим губам. Время еще есть, нужно только заставить его дышать.

Херово я помню, как это делается, но точно знаю, что смогу заставить его дышать… Вдох-выдох. Дыши же…

Дыши, я не такой, поверь, я не знаю, почему я видел в тебе животное, непонятно как выбравшееся на свободу. Но я не такой, я просто где-то ошибся.

Дыши же, парень… Я ненавидел тебя за то, что тебе позволили жить, а моя сестра умерла. Но я не имел права тебя за это ненавидеть…

Дыши, Арин, дыши. Ты не один, не один, ты только начни дышать… Ты же не виноват, ты же не виноват. Это наш мир виноват, все те ублюдки, которые затеяли войну, суки, которым было нечего делать… Ты не виноват.

Дыши. У тебя еще несколько месяцев жизни, ты должен их прожить. Не сейчас. Не надо умирать сейчас.

Под пальцами легко и неуверенно пробежала первая волна пульса, Скай, не отпуская его запястья, выдернул из кармана куртки телефон, несколько мучительных секунд ждал ответа, дождавшись, сказал тихо и быстро:

Лия, мне нужен биопластик. Сейчас.

Ты с ума сошел? — отозвался растерянный женский голос, — и где ты?

Меня нет, — нетерпеливо ответил Скай, — Лия. Биопластик, срочно.

Едь в больницу, — раздраженно отозвалась девушка, — биопластик без наблюдения врачей применять нельзя. Да и где я тебе его найду? Посмотри на часы. Подожди…

Ты ранен?

Еще немного, и я умру, — ничуть не покривив душой, ответил Скай, сжимая ладонью чуть потеплевшую руку Арина, — Лия, ты же не откажешь, я знаю. Я знаю, скольких людей ты спасла.

Трубка долго молчала, потом женский голос произнес неуверенно:

Болевой шок. Без помощи медиков спасение может превратиться в убийство.

Скай не стал отвечать, прислушиваясь к неглубокому, прерывистому дыханию рядом.

Наконец, трубка ожила:

Хорошо. Я так понимаю, деньги у тебя есть…

Да, — нетерпеливо ответил Скай, — Слушай внимательно. На все у нас полчаса…

* * *

На улице уже забрезжил серенький грязный рассвет, когда Скай вернулся, закрыл дверь, прислушался, превратившись в ледяное, колющее чувство напряженного ожидания, и нетерпеливо дернул пластиковую крышку упаковки с биопластиком, услышав слабое, прерывистое дыхание.

Ладно, парень. Это последний рубеж, твоя задача — выдержать, моя задача — помочь тебе выдержать. Если ты сможешь, если ты выкарабкаешься, я обещаю, что не отдам тебя этой мрази из "КетоМира". Я обещаю. Ты только вытерпи. Отдать тебя обратно означало бы убить тебя собственными руками, тобой наигрались вдоволь, но ты уже не игрушка… Я просто поздно это понял.

Скай подошел к кровати, перекинул ногу через бедро Арина, сел сверху, плотно сжав его коленями, прикусил губу, прекрасно зная, что сейчас произойдет и напрягшись внутренне от неприятного чувства безвыходности ситуации. Вытащив из упаковки игольчатый контейнер, заполненный трехцветной, лежавшей аккуратными слоями жидкостью, он протолкнул первую иглу под кожу плеча подростка и увидел, как широко раскрылись карие, осмысленные, усталые глаза.

Он наклонился над губами Арина:

Только не кричи. Ты сможешь сдержаться. Будет херово, я знаю… Как-нибудь справимся. Мы справимся, парень.

Арин опустил ресницы, глядя на несмешивающиеся густые слои в пластиковом инъекторе, вздрогнул.

Держись за меня, — сказал Скай и кивнул, увидев, что Арин его понял и приподнял руку, взявшись за его плечо. — Сможешь не кричать? Иначе будут проблемы, здесь звукоизоляция нулевая. Дом старый.

Арин одними глазами выразил недоумение, смешанное с легкой насмешкой.

Да… Тут зарекаться не стоит, но все же попробуй. Первый слой — подготовка нервов к соединению с пластиком. Это еще ничего. Потом будет хуже. Готов?

Арин не ответил, но Скай почувствовал, как чуть крепче сжались его пальцы на плече.

Поняв это движение, как согласие, Скай крепче сжал коленями его ноги и вложил пластиковый инъектор в открытый провал раны, надавил, проталкивая его вглубь, стараясь не смотреть на исказившееся лицо подростка, стирая ладонями вновь хлынувшую из глубины, темную, густую кровь. Убедившись, что наполнитель не выйдет из раны при резких движениях, он,

вдохнув коротко, медленно нажал на поршень и еле успел прижать Арина к кровати, увидев, как расширились его зрачки, превратив глаза в безумные страшные провалы боли.

Потерпи, — с трудом проговорил Скай, поняв, что он еще способен соображать, но зная, что еще немного, и придется бороться не с ним самим, а с его инстинктом самосохранения, заставляющим избавиться от инъектора с биопластиком. А этого допустить никак нельзя. Биопластик должен соединиться со всеми его клетками и нервами, заполнив рану целиком.

Второй слой.

Биопластик.

Скай, не отпуская руки, наклонился, всем весом прижимая бьющееся, превратившееся в комок обнаженных нервов тело, сжимая коленями его бедра, увидел, как Арин в мучении запрокинул голову и исчезли из глаз последние проблески разума, заменившись животным, режущим ужасом. Ужасом пропиталась вся его кожа, ужас боли, ужас лавовой, невыносимой боли свел судорогой все его мышцы, дикий, неконтролируемый порыв придал ему сил, и он все-таки смог вывернуться, пытаясь выбить из раны вложенный глубоко инъектор.

За меня держись, я сказал! — в бешенстве проговорил Скай, продолжая давить на поршень, разворачивая его свободной рукой, приподнимая, прижав к себе.

Ему на мгновение показалось, что парень не выдержит. Ощущение его тела, горячего, свитого из клубка страдающей, пропитанной страхом и болью плоти; белое, абсолютно белое лицо, застывшее, с огромными озерами обезумевших глаз — все это было знакомо и незнакомо одновременно.

Скаю показалось, что такое он уже видел, и даже точно знал, что не в реальной жизни. Скорее всего, в жутких кошмарах. Из раны хлынула почерневшая кровь, смешанная с розовыми подтеками отработанного биопластика, Арин подался вперед, давясь криком, вцепился пальцами в плечо Ская, вытянулся всем телом медленно, так, как двигался бы, укороти кто-нибудь все его мышцы ровно наполовину, вытянулся и остановившимся взглядом поймал взгляд серых глаз, шевельнул посиневшими губами.

Еще не все, — сказал Скай, — половина. Но уже легче будет.

Арин опустил голову, и Скай почувствовал на коже своей руки теплые, частые капельки, обнял его за плечи, закрыл глаза, зная, что последний рывок решит все: жить ему или он просто умрет от болевого шока сразу же, здесь, в его руках.

Последнее движение… Он не смог сдержаться, все же вскрикнул глухо, опустели глаза, ушло из них осознание,

превратив в застывшее темное стекло, полились прозрачные струйки слез на раскрытые губы, он отпустил плечи Ская, и в мучении рванул пальцами кожу на груди, оставляя рваные, кривые кровавые дорожки. Тяжелая лихорадочная судорога пробежала по телу, и весь он выгнулся, превратившись в застывшую иллюстрацию непереносимой боли, залитый кровью, в жутком напряжении.

Скай отбросил инъектор, потянул его на себя, прижался губами к мокрым щекам, услышал бешеное биение сердца, провел успокаивающе по влажным плечам:

Живой?

Арин чуть повернул голову, непонимающе посмотрел в серые, потеплевшие глаза, обессиленно закрыл глаза, слизывая с губ соленые слезы.

Все, — задумчиво проговорил Скай, — значит, жить будешь. Слышишь меня?

Арин не ответил, уткнулся лицом в сильное, прохладное плечо и замер, дыша тяжело, глубоко.

Я, конечно, понимаю, что тебе хреново, но ты бы сказал хоть что-нибудь, а то у меня ощущение, что ты дар речи потерял.

Молчание. Скай внезапно понял, что Арин просто отдыхает, пытаясь оправиться от пережитого, отдыхает, доверяясь теплому, крепкому объятию, прижавшись всем телом, пряча исчерченное кровью и слезами лицо, прильнув губами к прохладной коже.

Странно, но его приятно так держать, его приятно защищать, приятно знать, что ему удалось доказать, что он не один. Защищать? Наверное, да. Мне хочется его защищать. Пусть и всего лишь от боли, всего лишь на короткое время, сегодня, на час. Но это удивительное чувство.

Арин, наконец, поднял голову, устроился поудобней на плече Ская, тронул пальцами рваные полосы на его коже:

Ты сам сказал — держаться за тебя. Уж извини.

Я тебе разве претензии высказывал? — откликнулся Скай, — царапины.

Арин закрыл глаза, вздохнул, прижался крепче, проведя ладонью по груди Ская:

Какого черта ты со мной сделал? Больно же. Я даже подумал, что лучше бы меня на месте пристрелили, чем такое терпеть.

Заткнись, — бездумно ответил Скай, — могу поспорить, если бы у тебя были родители, ты бы им орал что-нибудь вроде: "На хрена меня рожали, я не просил".

Я действительно тебя ни о чем не просил, — огрызнулся Арин, — так что я тебе ничего не должен.

Скай улыбнулся чуть заметно, наклонился и скользнул

губами по соленым от слез губам. Арин помедлил, но все же откликнулся на поцелуй, разомкнув губы, встретив ласковой влажностью своего языка его настойчивые движения.

Минуту спустя Скай оторвался от его губ:

А вот тут ты ошибаешься, ты мне должен. Хотя бы за биопластик. Так что, парень, ты остаешься со мной.

Часть 9

Арин сразу же расцепил руки, отстранился, провел ладонью по лицу, стирая слезы, сузил засверкавшие бешенством карие глаза, проговорил глухо, раздельно:

С какой это стати?

А что тут непонятного? — спросил Скай. — Я тебе простил те деньги, потому что, фактически, они принадлежали тебе, и ты имел право делать с ними что угодно. А вот деньги за биопластик были мои, парень. Целиком и полностью. Подумай-ка своей головой. Я вытащил тебя из-под обстрела, я нашел место, где тебя спрятать, я купил биопластик и, в конце концов, я взял на себя ответственность за его применение. Если ты опять скажешь мне, что не просил об этом, это для меня не сыграет никакой роли. Ты — как хорошая тачка. Когда вкладываешь в машину уйму денег и сил, вряд ли захочешь, чтобы потом какой-нибудь урод угнал у тебя ее из-под носа, верно? Вот и с тобой так же. Тем более, неприятностей у тебя выше крыши, если ты еще не понял. И помочь тебе пока что могу только я.

Я сам могу за себя решать, что мне надо, а что нет.

Решай, — пожал плечами Скай, — решай, сколько влезет, но только под моим присмотром.

Арин помолчал немного, кусая губы, отодвинулся еще дальше, сел, скрестив ноги, задумчиво потянул пальцами здоровой руки железную пряжку ремня на бедре:

Я тебе не вещь, — сказал он, — и боюсь, даже твой присмотр за моими решениями не поможет тебе проснуться однажды утром.

Спасибо, что предупредил, — отозвался Скай, — раз уж дело пошло на то… Сам виноват.

Он подался вперед, преодолел сопротивление, сжав узкие запястья Арина, вывернув ему руки, запрокинув их за его голову, отметил про себя, что биопластик сделал свое дело — даже от такого резкого движения рана не открылась, но парню явно еще больно, он сжал зубы, побледнело красивое лицо.

Арин протестующее изогнулся, приподняв бедра, пытаясь оттолкнуть прижавшее его к кровати тело, рванулся в сторону, не жалея раненого плеча, но Скай лег на него всем своим весом, опустил голову, пережидая, держа крепко его руки над головой, не давая возможности освободиться.

Арин быстро понял, что слишком слаб, чтобы оказать сопротивление, затих, дыша тяжело, закрыл глаза, расслабился, развел обтянутые тонкой тканью джинсов, бедра, избавляясь от

давящего ощущения чужого тела на ногах, проговорил:

Дальше-то что?

Скай не ответил, опустил руку вниз, с металлическим щелчком раскрыл застежку ремня, затянутого чуть выше его колена, потянул широкую кожаную полосу.

Не надо, — быстро сказал Арин, — черт с тобой, делай, что хочешь, но без этого.

Но только учти — я буду считать, что мы в расчете.

Глупо сейчас будет сказать ему, что единственное, чего я хочу — это спать, подумалось Скаю. Глупо хотя бы потому, что вся эта возня привела меня в полную боевую готовность, и он не может не чувствовать твердую тяжесть моего члена, прижатого к его бедру, поэтому и идет на уступки, рассчитывая этим исчерпать инцидент. Учитывая то, что я знаю, что и сам он испытывает ко мне нечто похожее, такой вариант выглядит соблазнительным. Какой он, интересно, когда Арин? И даже не это главное… Интересней другое — может ли он быть нежным, податливым, притушить эту свою резкость, избавиться от напряжения, отдаться, не думая о том, что он за это получит, а просто отдаться, довериться? Черт, уже второй раз с ним я оказываюсь в ситуации, когда болезненно ноет возбужденная плоть, требуя удовлетворения, только в этот раз я вижу его другим… И чувствую по-другому.

Теперь я чувствую его всем телом, чувствую теплые изгибы его мышц под разорванной футболкой, теплый подтянутый живот, теплое дыхание. А ниже тепло превращается в жар, жар кожи внутренней стороны его бедер, ощутимый даже сквозь ткань джинсов.

Скай сам не заметил, как подтянулся чуть выше, прижавшись крепче, и осознал это, только когда потекла по телу медленная, приглушенная волна удовольствия, заставив прийти в себя. Он взялся было снова за ремни, но остановился, всматриваясь в изменившееся лицо Арина.

В молочно-туманном утреннем свете маняще и обещающе засверкали карие глаза, прикрытые лиловым шелком длинных ресниц, вопросительно приоткрылись влажные губы, небрежно подрезанная сиреневая челка разметалась по лбу и легли короткие рваные пряди волос на щеки, скрывая яркий, причудливый узор татуировки. Просто смотрит. Смотрит молча.

Скай отвел глаза. Черт разберет, что творится у парня в голове. Только что он был готов на убийство, и вдруг это ожидающий, откровенный взгляд. Нет уж, доверять тебе нельзя… Так что, извини.

Арин молча перетерпел процедуру связывания рук,

поморщившись только раз, когда пропущенный между запястий восьмеркой ремень царапнул кожу тугой застежкой, но так ничего и не сказал.

Скай отпустил его, приподнялся:

Все. Приятных тебе снов.

Арин опять ничего не ответил, неловко повернулся набок, подложив под грудь стянутые ремнями руки, глядя прямо перед собой.

Скай лег рядом, тоже повернувшись спиной, закрыл глаза, расслабился, мучимый тяжелым, свинцовым чувством усталости, отравившим все мышцы, забившим грязной ватой голову, заставившим подниматься к горлу мерзкую тошноту.

Спустя несколько минут он уже спал, дыша бесшумно, глубоко.

Арин лежал неподвижно до тех пор, пока не убедился, что поисковик не проснется от его движений, осторожно сполз с кровати, поморщился от боли в плече, выпрямился, обвел глазами комнату. Маленькое, тесное пространство, неверный утренний свет клочьями лежит на полированном столе с аккуратной стопкой книг на нем, на полу — лоскутный коврик, на стенах — полки с запыленными книгами.

Вообще, книги везде: и возле старенького компьютера, и на маленьком столике у кровати, и на большом, вылинявшем плюшевом кресле. Интересно, куда он меня притащил. Если вспомнить его квартиру и сравнить с этим… Да никаких сравнений не получается. Здесь могла жить только девушка, притом старомодная, скучноватая.

Его девушка?

Арин бесшумно прошел в ванную — крохотную, облицованную мягкого зеленого цвета чистеньким кафелем, взглянул в зеркало, увидел усталые глаза с расширенными от бешеной дозы стимуляторов, зрачками, побледневшее лицо с подтеками засохшей крови. Вот убожество… Взглянуть на меня сейчас — наркоман со стажем.

Приподняв стянутые ремнями руки, он нажал на кнопку, мигающую теплым, мягким светом и подставил ладони под засверкавшую упругую водяную струю, коснулся руками лица, смывая кровь, потом, подумав, наклонился и позволил ледяной воде залить растрепанный затылок, подождал немного, закрыв глаза, сглатывая льющиеся по губам, прозрачные капли. Стало легче, прояснился мир, ярче стали цвета, и только ноющая боль, тревожная, отвратительная, напоминала о прошедшей ночи.

Боль в плече понятна, а вот почему болит за ухом?

Арин приподнял руки, с трудом отвел влажные волосы,

коснулся небольшого уплотнения на коже головы, обвел пальцами контур встроенного чипа, передающего информацию на датчик. Чему там болеть? Херня какая-то.

Закрыв воду, он вернулся в комнату, прикрыв за собой дверь, остановился, подождал немного, прислушиваясь к ровному дыханию, подошел ближе, опустился на колени перед кроватью, всмотрелся в лицо Ская.

Вот так всегда… Вы, те, кто называете нас животными и предметами, а себя — людьми, вы в большей степени животные, чем мы. Мне неважно, кто ты, почему спас меня, мне неинтересно, что было между нами той ночью, из которой я практически ничего не помню. Может, я и заинтересовался тобой, почувствовав тепло и участие, держась за твое плечо, разрываясь от боли под неумолимым действием биопластика.

Может, тогда я и был тебе благодарен, потому что только твои серьезные внимательные глаза и немая поддержка помогли мне не сойти с ума. Но ты хочешь меня контролировать, а значит, для меня ты никто. Просто безликая фигура из той мешанины хохочущих мразей, которые одной рукой снисходительно протягивают подачку, а другой теребят свой член, исходя слюной от ощущения своей власти над беспомощным существом. А мне не нужно от вас ничего: ни жизни, купленной за ваши деньги, заработанные на шлюхах, изуродованных детях, замороженных органах, облавах и налогах, ни ненужных мне оргазмов, ни слов любви, кто бы и когда бы их ни произнес.

Вам хотелось только одного — перед лицом смерти найти кого-то более жалкого, чем вы, непонимающего, почти бессловесного. И только для того, чтобы в очередной раз восхититься властью денег, той властью, которая дает вам возможность прожить дольше остальных и распоряжаться чужими жизнями. А ты… Ты, Скай, еще хуже.

Тебе недостаточно было затянуть на моей шее ошейник, вновь превратив в питомца, тебе захотелось сломать и подчинить меня, того, кто имеет право на свободу, того, кому она досталась тяжелой ценой. Ты отвратительней тех людей, кто просто пользовался покорной зверушкой, ты хочешь использовать то, чего я смог добиться, сломать мою волю, характер. Я знаю психологию таких, как ты, ваш девиз "чем сложнее, тем интересней". Хочется развлечений?

Арин осторожно потянул из кармана куртки Ская кожаный шнурок, взглянул на мятно-зеленые, быстро бегущие цифры.

Нет, ты еще не на грани, искать приключений тебя побуждает не страх смерти, ты, видимо, просто авантюрист по натуре и нашел себе адреналиновую развлекаловку — перестрелки,

таскание по помойкам, аэродромам… И все для того, чтобы попытаться подчинить себе мою свободу, поиграться. Наверное, это весело.

Охренеть, как весело. Никогда этого не понимал. Пытался понять, да, много раз пытался, но так и не смог.

Макс знает о Тори и только качает головой, когда я пытаюсь ему объяснить, почему я не могу до того дотронуться. Максу удобней высказать предположение, что я просто никак не могу освоиться с мыслью, что в кои-то веки не меня кто-то пытается трахнуть, а… Проще говоря, он смеется: "Научись быть сверху".

Сбивает меня с толку, и мне только и остается, что улыбаться в ответ. В этом он меня не понимает.

Я думал о том, что Тори сейчас — идеальная игрушка, именно такая, которой жаждут все эти твари. Он беззащитен, он не понимает, что делает и просит, он удивительно красивый, он покорный, он опытен — в "Меньше слов" позаботились об этом, а то, что он сумасшедший, могло бы стать дополнительным бонусом, особенным изыском в чьей-нибудь частной коллекции — я хорошо разбираюсь в таких вещах. И я видел однажды, как после того, как Тори сделали эту незаживающую рану — открытую глубокую рванину мягких тканей на груди, сцепленную стальными клепками — сцену, заставившую меня сделать ошибочный вывод о предназначении этой раны.

Я видел дрожащие от боли густо-фиолетовые зрачки в обрамлении желтых искр, видел раскинутые, окольцованные наручниками, хрупкие запястья и блестящий от свежей крови член хозяина, медленно погружающийся в открытый глубокий разрез на его груди. Тусклый блеск хирургических клепок и неторопливые движения внутри распластанного скальпелем детского тела, стекающие густые алые капли, скользящие по возбужденному члену, тонкие пленки разорванных тканей, отчаянный крик, тяжелое дыхание и напряженная гримаса на бледном лице — отпечаток переживаемого хозяином удовольствия.

Многим людям такое пришло бы в голову, я знаю… Вот и еще один бонус к цене Тори.

Я все это осознаю, потому что жил среди них, но почему же я так и не понял, что они чувствуют при этом? Я выворачивал свою душу наизнанку, пытаясь найти хотя бы слабый признак того, что мне хотелось бы использовать Тори. Не нашел.

Да, к черту все это… Находиться здесь и ворошить прошлое не имеет смысла. Ты думал, обезопасишь меня, просто связав мне руки? Может, это бы и было так, если бы не Макс. Нормально разговаривать и защищаться я научился от него — практически

одновременно.

Арин приподнял запястья, безошибочно нашел глазами нужную точку на открытой шее Ская, тронул пальцами металлическую застежку ремня, вывернув кисть, но вдруг отстранился, опустил голову, задохнувшись от боли, не сдержав стона.

Скай почувствовал, как скользнула по его шее прохладная рука, приподнялся, глядя непонимающе на согнувшегося на полу Арина:

Какого черта… Ты чего?

Арин не ответил, мотнул головой, царапая пальцами кожу под волосами.

Скай встал, потянул его за руки, рывком поднял с пола, отвел ладонью сиреневую россыпь волос, тронул уплотнение вшитого над ухом чипа:

Ты знаешь, какого он у тебя образца? — спросил он, глядя на судорожно бьющуюся у виска тонкую голубую жилку, — не молчи, идиот, ты знаешь, гражданский у тебя чип или военный?

Откуда я знаю? — отгрызнулся Арин, — не я его себе ставил. Скорее всего, военный… Они были дешевле, и их много оставалось на фабриках…

Твою мать, — только и сказал Скай, — поздравляю, ты у нас в режиме быстрой самоликвидации. Раньше нужно было говорить!

Раньше нужно было думать!

Скай отпустил Арина, подошел к столу, выдвинул один из ящиков, наклонился.

Что ты хочешь делать? — спросил Арин, наблюдая за ним.

Его надо вытащить. Нужен нож или лезвие. Лучше лезвие. Черт, как же я об этом не подумал… Такие чипы же реагируют на биопластик. До сих пор поражаюсь изобретательности наших военных. Военные у нас молодцы. Ранили тебя — будь добр, вводи код самоуничтожения. Выполнил миссию, уложился во время, подыхай. Залатали тебя биопластиком — а вдруг это враги залатали? Тоже дохни, как скотина.

А если свои?

Что — свои?

Свои залатали?

Тогда чип предварительно извлекали, как впрочем и сейчас делают… Ты разве о таком не слышал?

Нет.

Странно. Вроде бы… — Скай вовремя спохватился, вспомнив, что о своем знакомстве с Максом лучше умолчать. Интересно, все-таки, как же он выжил?

Так что со мной будет-то?

Скай задвинул последний ящик, оперся руками на стол:

Башка лопнет. Как минимум. Слушай, Арин, здесь ничего подходящего нет.

Арин помолчал немного, протянул вперед все еще связанные руки, сказал тихо:

Замок на ремне. Металлическая пластинка, она уже открыта, там есть и лезвия, и иглы.

Скай посмотрел в потемневшие карие глаза, вспомнил разбудившее его легкое прикосновение к своей шее, мгновенно все понял:

Дрянь ты мелкая.

Арин улыбнулся, пожал плечами, поморщился от боли.

Хрен с тобой, — сказал поисковик, подходя ближе, — я бы с удовольствием посмотрел, как ты подохнешь, но ты мне все еще должен.

Он отвел полуоткрытую металлическую пластину на застежке ремня, заставил Арина вывернуть руки, подставил ладонь под выпавшие из полости стальные лезвия, щелкнул зажигалкой, прокаливая гибкую режущую кромку:

Поверни голову.

Арин послушно отклонился и закрыл глаза, почувствовав легкое прикосновение его руки, отводящей волосы, вздрогнул.

Скай аккуратно провел лезвием по коже, придерживая рукой короткие яркие пряди, увидел, как раздались в стороны ткани и заросил крупными, набухающими на глазах капельками, тонкий разрез.

Ну и ночка, — тихо проговорил Арин.

Помолчи.

Три вертикальных разреза рядом, и показались четкие очертания микрочипа, вживленного глубоко, надежно, вцепившегося тонкими проводками в розоватое мясо.

Не дыша, аккуратно, потянул Скай узкую пластинку, отсоединяя одну за другой серебристые ниточки:

Ты еще скажи спасибо за то, что мы тебе биопластик всего лишь в плечо влили…

Если бы было что-то посерьезней, ты бы так дешево не отделался.

Тихий щелчок, и маленькая пластинка чипа, мокрая от крови, оказалась в ладони Ская. Арин прижал ладонь к уху, стирая льющиеся теплые струйки:

Теперь-то что? — недоуменно спросил он, — как я по-твоему должен без него жить?

Скай задумался. Да, без чипа жить невозможно, на датчик перестают подаваться сигналы, и сам черт тогда не разберет,

когда тебе суждено умереть. А это очень важно, даже для меня, — мне самому нужно знать, сколько ему точно осталось, нужно успеть найти этого его парнишку раньше, чем экранчик порадует в последний раз бесконечным количеством угасающих нулей. Перебрав в уме все возможные варианты, поисковик остановился на подходящем, поднялся:

Побудь здесь. Сдается мне, я знаю человека, который один раз уже разблокировал такую вот игрушку. И вот еще — делай что хочешь, но ты должен быть здесь и только здесь. Если появятся менты, можешь перестрелять их всех до единого, но из квартиры не выходи. Понимаешь? Иначе останешься без датчика. Да, огромная просьба — прекрати подыхать с периодичностью каждые два часа. Ляг и не шевелись вообще, а то у меня ощущение, что ты, даже бродя по комнате, можешь себе башку свернуть.

Развяжи хоть меня, — мрачно ответил Арин.

Сам развяжешься.

Арин посмотрел ему вслед, потерся головой о плечо, стирая кровь, посмотрел на стянутые ремнями руки. Развяжусь, куда деваться, открытый замок ослаблен, застежка вышла из гнезда, но опухли и затекли запястья, нарушившееся кровообращение не дает одеревеневшим пальцам повернуться и отвести язычок. Арин повернулся, подтянул к себе свернутый шерстяной плед, потерся пальцами о колючий материал. Вроде бы, так лучше…

Восстановив кровообращение, Арин справился с замком, с облегчением скинул ремень, поднялся, дошел до стола, задумчиво положил руку на твердую обложку старой книги, провел пальцами по неглубокому тиснению букв, взял книгу и забрался с ногами в мягкое, истрепанное плюшевое кресло, открыл заложенную закладкой страничку, опустил голову, вчитываясь в узенькие строчки.

Пробежав глазами несколько листов, он устроился поудобней, подложил руку под голову и вздрогнул, услышав тихий тревожный писк. Датчик. На маленьком мониторе протестующим красным горели остановившиеся цифры, липким омерзительным ужасом залило душу. Так приходит смерть, тихий мышиный писк, тревожные огоньки, только к самому концу сменяющиеся снова теплым угасающим сиянием нулей. А мне осталось несколько месяцев, и значит, совсем скоро придется еще раз услышать этот звук, только тогда он будет… Последним, что я услышу.

Арин поднялся, дотянулся до бутылки водки, опрокинул ее содержимое в стакан, расстегнул тяжелую цепочку и опустил мигающий приборчик в прозрачную качнувшуюся жидкость.

Заткнись, вестник смерти, еще рано. Я не хочу это слышать.

* * *

Макс поднял голову, махнул рукой, разгоняя тяжелыми синими пластами висевший в кабинете сигаретный дым, поднялся, прошел по коридору, обшитому тяжелыми дубовыми панелями, не колеблясь и не интересуясь, кто мог прийти к нему этим ранним утром, открыл дверь, встретил спокойный усталый взгляд знакомых серых глаз, прислонился к стене, скрестив руки на обнаженной груди.

Скай щелкнул зажигалкой, закуривая, пояснил:

Нет, пока что живой. Но опять по уши в дерьме. Объясни мне, солдат, как ты с ним вообще общался, это же катастрофа, а не парнишка.

Что тебе на этот раз надо? — спросил Макс, скользнув взглядом по припухшей, тонкой коже его губ, прижавших оранжевый фильтр.

Войти-то можно?

Макс посторонился, пропуская его, обогнул, не оглядываясь, пошел по коридору, открыл дверь в кабинет, глазами указал на кресло, сам сел за стол, взявшись рукой за прохладное стекло литровой бутылки виски, придвинул стакан:

Давай уж, выкладывай.

Скай поймал скользнувший по лакированной поверхности стола, полный стакан, кивнул:

Спасибо. Макс, у меня к тебе два вопроса. Первый я уже задавал, и от того, как ты ответишь, многое зависит.

Давай тогда сначала второй вопрос. И я подумаю, как ответить на первый.

Хорошо. Ты знаешь, почему нельзя жить без датчика?

Любой знает. Бывают случаи, когда в организме что-то срывается и смерть наступает через два-три дня вместо положенного срока. Да и половина денежных операций проходит через датчик.

И чем выше коэффициент процесса самоликвидации, тем больше шансов на этот самый срыв организма, — добавил Скай, — и все-таки, как ты выжил? Как смог вернуться с войны?

Я там не был и оттуда не возвращался, повторяю для тупых, — ответил Макс, доливая виски в свой стакан, — если ты ведешься на такую мишуру, как мои татуировки, то я тебя разочарую — набиты они были исключительно для того, чтобы я изображал военного в утеху одному извращенцу. Все? Я ответил

на твои вопросы?

Значит, разблокировать чип, настроенный на быстрое самоуничтожение, ты не можешь?

Макс поднялся, подошел к окну, сунув руки в карманы — невысокий, широкоплечий, затканный камуфляжным узором — помолчал, глядя на рванину серого утреннего неба над городом, спросил спокойно:

На что он сработал?

На биопластик.

Как ты отсоединял провода?

В произвольном порядке.

Молодец, — язвительно произнес Макс, — руки из жопы. Считай, что тебе просто повезло.

Арину повезло, — тихо поправил Скай.

Макс оперся рукой на стену, опустил голову, обдумывая что-то, провел ладонью по коротким, темного, хвойного цвета, волосам:

Давай сюда чип.

Не глядя на Ская, он вернулся к столу, глянул мельком на тонкую пластинку микросхемы, потянул из ящика легкую коробочку робота-настройщика:

Сиди, пей и молчи, электронщик херов.

Скай взял стакан и склонил голову, смотря на спокойное, сосредоточенное лицо, на опущенные ресницы, из-под которых иногда вспыхивал внимательный серьезный взгляд, упираясь в мониторчик и тут же опускался вниз, на вложенную в гнездо разблокировщика микросхему. Присмотревшись внимательней, привыкнув к густой зелени камуфляжа его кожи, Скай разглядел, наконец, черты его лица — тяжеловатые, но гармоничные, увидел тонкий шрам, пересекающий губу, увидел, что глаза у него тоже зеленые, темные, с острыми мерцающими огоньками в самой глубине зрачка.

Его легко представить за пультом управления, его легко представить за штурвалом истребителя, солдат он и есть солдат, собранный, опытный… Значит, так ты выжил? Нарушил приказ, разблокировал свой чип…

Ты сам этому научился? — спросил Скай.

Нет, — не отрываясь от монитора, отозвался Макс, — я за это долго расплачивался.

Сказал же, заткнись.

Скай не стал больше ничего спрашивать, допил виски, закурил, глядя на часы.

Долго. Очень долго. Спустя еще полчаса Макс поднял голову, ударил по клавиатуре последний раз и откинулся назад:

Если все нормально, он его обнулит минут через двадцать. Я так полагаю, тебе еще надо объяснить, как это дело назад ставится.

Желательно бы.

Я тебе дам инструкцию для военных чипов. Хотя… какого хрена? Хватит с тебя, наигрался. Теперь так просто я тебя не отпущу. Ты не понимаешь, что творишь.

Держать его взаперти опасно.

Я уже понял, — сказал Скай, вспомнив скрытые в металлических застежках ремней лезвия.

Ни хрена ты не понял. Если он сорвется, сомневаюсь, что ты с ним справишься. Он просто терпеливый и не идет на крайности, пока его совсем уж не прижмут. Так что в твоих интересах его отпустить. Или мне придется помочь тебе это сделать.

Военные чипы, — медленно сказал Скай, — сорокатысячный код самоуничтожения. Хоть я и хреновый электронщик, но этот код я скачал. На восемнадцати принадлежащих мне в сети ресурсах стоит сейчас программа-бот, настроенная на воспроизведение кода в случае того, если к определенному времени я не отменю действие. Чип может остаться здесь, сам знаешь, датчик дублирует сигналы кода. Какая разница, рванет ли у него в голове или у него на груди. В любом случае, от него мало что останется. Так что, в очередной раз спасибо за помощь, Макс. Как там разблокировка?

Макс поднялся, сжав зубы. Коснулся пальцами робота-разблокировщика, выдернул чип из гнезда, положил на стол вместе с пластиковой картой-инструкцией:

Ты чего за него так держишься?

Не знаю, — лаконично ответил Скай, туша сигарету в пепельнице, — наверное, это любовь.

Часть 10

Скай остановился в дверях, прислонился к косяку, неосознанным движением провел пальцами по вытатуированному на виске скорпиону. Дежавю. Противоестественное чувство дежавю. Когда-то я так же заходил в эту комнату и видел распахнувшиеся мне навстречу ласковые серые глаза сестры, она откладывала книгу, улыбалась и поднималась с кресла, где просиживала, поджав ноги, бывало, целые вечера, листая легкие странички под теплым персиковым светом старого абажура.

Арин поднял голову, встретил жесткий, затуманенный взгляд Ская, отложил книгу в сторону, потянулся:

За прошедшие пару часов в этом дворе ошивались сразу два полицейских патруля.

Как думаешь, не многовато для такой дыры?

Скай подошел к столу, потянул тяжелую металлическую цепочку, вытащил датчик из стакана с водкой, задумчиво посмотрел, как стекают прозрачные легкие капли по черному пластику и потухшему посеревшему экранчику:

Нервы не выдержали?

Он просто отвратно пищал. Ты слышал, что я сказал? Я здесь оставаться не собираюсь. Выкладывай, что тебе от меня надо, решим этот вопрос и до свидания.

Идешь на компромиссы? — усмехнулся Скай, вкладывая в погасший датчик чип.

Это мое решение, а не компромисс.

Садись, я тебе разъясню ситуацию, — сказал поисковик, наблюдая, как оживает мятным, опротивевшим зеленым светом восстанавливающий информацию приборчик, потом отвел взгляд от монитора, спросил неожиданно, — ты всегда так сидишь?

Арин оглядел себя, поморщился, рассмотрев бурую рванину материала футболки на простреленном плече:

Всегда. Ты там вроде разъяснять собирался. Разъясняй.

Сначала поставим чип на место.

Скай присел перед креслом, провел ладонью по щеке Арина, точно по полоске кельтского орнамента, бегущей от виска:

Поверни голову.

Арин послушался, замер, услышав хруст вскрываемого лезвия возле самого уха, развел колени, позволяя Скаю сесть ближе:

Сколько можно меня полосовать…

Не ной — разрезом больше, разрезом меньше… Тебе должно быть без разницы, с твоим-то сроком жизни.

Арин не ответил, он, практически не дыша, смотрел сквозь

прикрытые лиловые ресницы на близкое сейчас лицо поисковика, отметив вдруг неброскую, спокойную красоту его черт, строгие, правильные линии скул, и серый чистый свет глаз.

Заметил Арин и тонкий шрам на виске, и следы швов чуть выше, почти под самыми волосами, а самого шрама от зашитой раны не видно, он скрыт отливающим сталью густым коротким ежиком.

Странно, подумалось Арину. Я инстинктивно вижу в лицах людей даже самые неуловимые признаки тщательно скрываемого уродства души. Оно проступает сквозь самые красивые черты, сочится грязной желчью из самых красивых глаз, оно пропитывает человеческий облик, я улавливаю его моментально… А здесь я его не вижу. Почему-то не задумывался об этом раньше, надеялся, что этот человек станет незначительным эпизодом моей жизни, о котором будет легко забыть, но нас вновь что-то столкнуло, и теперь он еще и не хочет меня отпускать, не объясняя, зачем я ему нужен:

Давай быстрее.

Скай наклонил голову:

На этот раз я не могу торопиться, потому что знаю, как это делается.

Не понял. А что было в прошлый раз?

Русская рулетка.

Забавно, — улыбнулся Арин и сжал коленями бока Ская. — ребра тебе бы за это переломать.

Ты придурок или как? — злобно сказал Скай, — какого хера ты дергаешься? Хочешь, чтобы тебя замкнуло?

Откуда ты знаешь, что нет? — огрызнулся Арин, расслабляя колени. — Может, и хочу.

Больше ничего не хочешь? — поинтересовался Скай, широкой лентой пластыря заклеивая густую сетку глубоких разрезов на коже под волосами подростка.

Курить, — тут же ответил Арин. — Все?

Да, теперь слушай, — Скай отложил лезвие подальше, потом, подумав, сунул его в карман, подался вперед, обнял Арина за плечи. — Внимательно слушай. У тебя чип военного образца, каждый такой чип снабжен деструктором, реагирующим на индивидуальный код. Этот код может быть введен любым, кто имел доступ к чипу и скачал с него информацию. Притом введен откуда угодно, система дистанционна.

Понял?

Да, — коротко ответил Арин.

Датчик дублирует сигналы кода, так что, избавиться от моего влияния, выкинув датчик, ты не можешь, иначе ты лишишься

связи с миром и потеряешь информацию о том, сколько времени тебе осталось жить. Единственное, чем могу тебя утешить: я не маньяк и не псих, но отпускать тебя все равно не хочу. Побудешь со мной.

Для чего я тебе? — спросил Арин, и Скаю показалось, что он услышал в его голосе тщательно сдерживаемую дрожь, но не дрожь обреченности, а тяжелую, металлическую, злобную.

Для секса, — ответ был заготовлен заранее, но Скай не удержался и все-таки пояснил. — Обычного. Не такого, как ты боишься.

Арин поднялся, проскользнув под рукой поисковика, вытащил из лежащей на столе пачки сигарету, закурил, отложил зажигалку, отошел к окну.

Скай наблюдал за ним со смешанным чувством понимания и тревожного ожидания. Он хорошо помнил предупреждение Макса, поэтому не исключал возможности, что парня придется опять удерживать, прибегая к физическому насилию, успокаивать, а потом таскать за собой повсюду связанного, опасаясь, чтобы он не смотался и опять не натворил дел. Также он знал, что не мог назвать другой причины, поэтому не испытывал неловкости. Решения, принятые в безвыходной ситуации, — всегда самые правильные, хотя, по логике, учитывая прошлое парнишки, такой поворот дела был нежелательным.

Арин оперся рукой на раму окна, сказал тихо:

Опять менты. Надо отсюда уходить.

Отойди оттуда, — сразу же среагировал Скай. — Нам и так повезло, что мы смогли провести здесь ночь. Видимо, кто-то видел мою машину еще вчера. Пойдем.

Он поднялся, сгреб в сумку сваленные на столе пластиковые карты, застегнул молнию, подошел к двери, оглянулся:

Идешь?

Арин молча потушил сигарету, повернулся, наклонился, согнув колено, затянул туже блестящие полосы ремней, привычно провел ладонью по бедру, ища металлические пластины-держатели, не нашел, выпрямился медленно.

Скай остановился. На фоне серой мутной рамки окна стройная, сильная фигурка казалась тающей, нечеткой. Тусклый свет размыл очертания узких, плотно обтянутых тканью джинсов бедер, растворил и приглушил яркий сиреневый цвет волос, размыл бурые пятна подсохшей крови на разорванной футболке. А глаза остались прежними, сохранив дерзкий, презрительный блеск, смешанный сейчас со снисходительным пониманием и брезгливой жалостью.

Идешь? — тихо повторил Скай.

Арин не двинулся с места и ничего не ответил.

Некогда тупить, подумай, прежде чем решать окончательно. Или тебя здесь бросить и запереть на хрен, чтобы ты посидел и подождал ментов? В колонию захотелось?

Слушай, я не могу применять силу, любой шум подставит нас обоих, давай выберемся отсюда и разберемся где-нибудь в другом месте.

Тишина, нарушаемая только еле слышным, приближающимся воем полицейских сирен.

Арин, некогда демонстрировать характер, — терпеливо сказал Скай, с ужасом осознавая, что из-за такой мелочи может рухнуть все и сразу, он потеряет Арина, следовательно, потеряет жизнь, а Арин потеряет свои последние несколько месяцев свободы. — Я же сказал, ты мне нужен не как игрушка. Просто нужен. Но ты не поддаешься по-хорошему, поэтому пришлось поступить так.

Одно и то же, — сказал Арин, — это одно и то же.

Ладно, — сдался Скай. — Я не собирался полностью ограничивать твою свободу, если мы отсюда выберемся, я это докажу. Пойдешь, куда хочешь.

Еще что?

Разберемся. Не иронизируй. Все и так хреново, дальше некуда. Я тебе обещаю — я не буду тебя трогать, если ты не захочешь.

Арин еле заметно улыбнулся, но промолчал.

Ты тупой? — не выдержал Скай, — иди сюда, я сказал, если хочешь еще раз увидеть того, кто рисует небо.

* * *

В машине Скай стянул с себя куртку, кинул на колени Арину:

Одень и застегнись, а то вид у тебя компрометирующий.

Арин перегнулся через сидение, посмотрел назад:

Здесь есть спиртное какое-нибудь?

Есть, посмотри внизу. Только сначала оденься Достал ты меня, — Арин повертел в руках куртку, влез в рукава, застегнул молнию, перелез назад и почти сразу же вернулся на переднее сидение, сел, зажав между колен квадратную тяжелую бутылку виски.

Скай мельком взглянул на него, потом перевел взгляд на дорогу, спросил:

И долго ты можешь на одном спиртном прожить?

Долго. Куда мы едем?

Не знаю еще, — задумчиво ответил Скай, посмотрев на монитор бортового компьютера, на котором вспыхивали маленькие зеленые огоньки. — Можно переночевать в Сотках, а потом решим.

Там же народу до хера.

Вот именно. А еще там никто не интересуется документами, достаточно того, что у тебя есть деньги.

Да это почти везде так, — засмеялся Арин. — По фигу, кто ты и что хочешь, лишь бы у тебя были деньги.

Скай не ответил, вглядываясь в сизый туман, из глубины которого им навстречу выплыла сине-черная полицейская машина. Легкий свет полицейского сканера ощупал машину, приостановился на номерных знаках, и Скай потянулся было уже к закрепленному позади автомату, но сканер пискнул и мигнул разрешающим зеленым:

Молодец Макс, — выдохнул Скай, разворачивая автомобиль, объезжая посты.

Арин посмотрел назад, на тающий в сумраке полицейский опорный пункт, потом внимательно взглянул на Ская, но промолчал и больше за всю дорогу не произнес ни слова.

Спустя сорок минут машина Ская остановилась возле Соток — стоящих аккуратным квадратом на отшибе города стоэтажных зданий, серых, неотличимых друг от друга.

Это был доживающий свои последние деньки комплекс некогда шикарных отелей, а теперь — превратившихся в многоквартирные дома с низкой арендной платой — в номерах люди жили годами. Так же отели служили местом встреч бизнесменов средней руки с молоденькими любовницами или любовниками, туда же шлюхи из близлежащих районов приводили своих клиентов. Но видимо по старой памяти, владельцы отелей содержали комнатки в порядке, аккуратно ремонтировали их после нередких погромов и никогда не задавали лишних вопросов, довольствуясь тем, что им платят.

Скай загнал машину под мутные купола пластиковых гаражей, позвал Арина:

Пойдем.

Арин с сожалением посмотрел сквозь толстое стекло наполовину опустошенной бутылки виски.

Купим еще, — сказал Скай, — я сам замотался с тобой, так что не против спиртного.

Арин кивнул, вылез из машины, сунул руки в карманы, поднял голову, глядя на уходящие в небо серые глыбы Соток, между которыми висела, изогнувшись, петля прорванного купола, постоял немного и пошел вслед за поисковиком, закуривая на

ходу.

Скай вошел в холл, в котором в этот час было пустынно, лишь скучала за административной стойкой пышногрудая девушка, щелкая длинным накрашенным ногтем по экранчику датчика, словно это был градусник и ей захотелось сбить температуру, да сидели на красных низких диванчиках несколько неопределенного возраста мужчин, лениво скользнувших взглядом по фигуре поисковика и уставившихся на вошедшего следом Арина.

Скай не обратил на них особого внимания, подошел к стойке, положил на полированную поверхность пластиковую карту:

Последний этаж.

Девушка кивнула, подцепила карточку и пробежала пальцами по клавиатуре, сверяя коды.

Скай обернулся, ища глазами Арина, и одновременно услышал каркающий, насмешливый голос одного из мужчин, потрепанного, плотного, с заплывшим лицом.

Интересно, маленький мальчик впервые захотел стать девочкой? Раньше я его здесь не видел. Эй, Скорпион, попользуешься им, отправь на пятый этаж, окупишь расходы.

Скай не успел отреагировать, как почти сразу же холл огласил задыхающийся отчаянный вопль, а Арин уже сидел на коленях толстяка, вжимая стальные клинки глубже в его дергающиеся, расплывшиеся ляжки, глядя в упор внимательными потемневшими глазами.

Кровь, пузырясь, ползла из узких ран, минуя тусклый металл, но Арин не отпускал рук, нажимая на стилеты всем своим весом, распарывая мышцы:

Ты уверен, что ты меня не видел? — ласково, отчетливо спросил он, — а я тебя видел. На том самом пятом этаже тебя драли трое, а ты визжал и просил не трогать твою задницу, обещая взамен фантастический минет. У тебя плохая память или ты просто очень старался об этом забыть?

Толстяк заскулил, согнувшись, хватаясь руками за клинки, скользя по ним разрезанными до костей, пальцами.

Секундное замешательство, охватившее остальных, исчезло быстро, и практически одновременно с диванов поднялись угрожающе несколько человек. Скай понял, что пора вмешаться, выдернул из все еще открытой сумки пистолет, окрикнул:

Стоять!

Девушка испуганно прикрыла ладонями уши и замерла, заверещав тоненько, когда Скай, перегнувшись через стойку, тронул ладонью ее высоко уложенные, обмазанные синим искристым гелем волосы, не спуская глаз с искаженных злобой и

страхом отдуловатых лиц:

Снимай ты деньги, наконец, — сказал он ей. — Ничего страшного не произошло.

Арин поднялся, выдернул стилеты, не раздумывая, практически не целясь, ударил с разворота ногой по залитому слезами лицу толстяка, сплюнул и спокойно прошел между застывших в нерешительности мужчин. Но никто из них не посмел двинуться с места, несмотря на то, что их друг, согнувшись, воя, пополз вниз, на пол, пятная ковер жирными пятнами крови, льющейся из глубоких черных ран.

Арин подошел к стойке, положил локти на ее поверхность, поднял голову:

Долго еще?

Мне неудобно одновременно держать на прицеле эту толпу и разговаривать с персоналом, — ответил Скай. — Поговори с ней сам.

Ладно. Элен, очнись! Она просто очень нервничает, когда такое видит. Элен!

Девушка отняла ладошки от ушей, захлопала ресницами.

Арин улыбнулся:

Привет, давно не виделись. Ты до сих пор боишься крови? Давай я встану так, чтобы тебе не было ее видно, а ты введешь, наконец, код.

Элен потянулась было к карточке, качнула головой, рассмеявшись:

Ну что я могу с собой поделать? Не могу видеть кровь и все, я даже томатный сок не пью… Потому что похож чем-то. А вы? Будете что-нибудь пить?

Ага, — сказал Арин, пряча окровавленные клинки за спину. — Мы все будем. Только быстрей.

Через полторы минуты Элен протянула Арину ключ:

Последний этаж, семисотый номер.

Скай, возьми ключ, я не хочу ей руки показывать.

Спасибо, зайчик, ты всегда был тактичным мальчиком, — улыбнулась девушка. — идите, не беспокойтесь об инциденте, здесь есть, кому таких придержать, все будет в порядке.

В лифте Скай убрал пистолет обратно в сумку, произнес задумчиво:

Я не знаю, чего мне больше хочется — разбить тебе башку об стенку или поблагодарить за быстрое оформление. Ты когда успел вернуть стилеты?

В машине еще, — ответил Арин, стряхивая с рук капельки крови, — ты их положил сбоку автомата, в держатель.

Понятно.

"Если он сорвется, сомневаюсь, что ты с ним справишься".

Скай протянул руку:

Давай сюда. И не лезь больше в такое дерьмо, у меня и так ощущение, что ты знаешь каждую конченую тварь в этом городе.

В этом нет ничего удивительного, — ответил Арин, кладя ему на ладонь клинки, — конченых тварей здесь намного больше, чем нормальных людей.

Номер был небольшим, стандартным, скудно обставленным, но чистым. Темно-зеленый пластиковый коврик, серые жалюзи, несколько круглых ламп, затянутая предохранительной пленкой широкая кровать. Ни одного лишнего предмета обстановки, ни одного украшения или безделушки — перевалочный пункт, не более.

На тумбочке у кровати две тусклых литровых бутылки виски, высокие стаканы и карточка со списком предлагаемых услуг.

Арин скинул с плеч куртку, подошел к тумбочке, потянул один из ящиков, зашуршал россыпью разноцветных упаковок:

Презервативы.

Последняя вещь, в которой я сейчас нуждаюсь, — это презервативы, — отозвался Скай. — Не знаю, сколько ты собираешься жить на спиртном, а я хочу есть.

Арин кивнул:

Я тоже не против.

Согда сиди здесь.

Сигареты оставь.

Скай вытащил пачку из кармана, подкинул в воздух и остановился, пораженный.

Арин, не оборачиваясь, перехватил пачку одной рукой, прикусил зубами целлофановую упаковку, другой рукой взялся за стоящую перед ним бутылку.

"Если он сорвется, сомневаюсь, что ты с ним справишься".

"Что-то мне подсказывает, солдат, — подумалось Скаю, — что ты хорошо позаботился о том, чтобы парень мог себя достойно защитить. Может, даже слишком хорошо об этом позаботился".

* * *

Вернувшись, Скай не нашел Арина в комнате и готов был уже проклясть все на свете, как увидел за жалюзи черную, высокую тень.

Дверь на балкон был открыта, и лился оттуда дымный смоговый воздух, смешанный с сигаретным дымом.

Скай приоткрыл дверь, шагнул на балкон и остановился.

Арин обернулся:

Что?

Ничего, — спокойно сказал Скай.

Твою мать, да почему меня угораздило связаться именно с ним? Он может угробить себя в любой момент, или его кто-нибудь убьет — следи за ним или не следи, забирай у него оружие или не забирай! Я впервые вижу человека, который обращается с жизнью, как ребенок с леденцом, который то грызет его, то бросает на землю, то опять поднимает и продолжает грызть. К черту все это, даже мои нервы не выдерживают, пусть валит в свои катакомбы, я просто подожду, пока вшитый в мою куртку маячок не установит точное местоположение конечного пункта его маршрута, слезу туда, перестреляю всех, кто попадется на пути, и заберу оттуда сумасшедшего пацана. Надоело. Я и так знаю, что долго мне не продержаться, а с такими выходками так вообще контроль над собой начинаю терять, а это всегда влечет за собой массу ошибок.

Арин покачнулся, раскинул руки, сохраняя равновесие, глянул вниз:

Охренеть, как высоко.

Охренеть, — неопределенно согласился Скай, думая о том, как стащить его с перил.

— Пошли назад, ты вроде есть хотел.

Хотел, — Арин осторожно наклонился, взявшись рукой за металлическую полоску перил. Скай отступил на шаг, думая, что он собирается слезть, но Арин, изогнувшись всем телом, неожиданно и легко перевернулся, успев подставить вторую руку и замер, вытянувшись в немыслимом напряжении, держа свое тело на краю километровой пропасти, опираясь лишь на ладони.

За те несколько секунд, что прошли среди клочьев смога, превратившего мир снаружи в седую бездонную морскую пену, глядя на находящегося на грани жизни и смерти парня, Скай неожиданно вспомнил все, что отпечаталось в его памяти отчетливо, глубоко.

Боль от удара стилетом, пробитое почти насквозь колено и сверкающие, обещающие ласку карие глаза, улыбка, тревожащая, дерзкая.

Льющиеся по груди из-под застежки ремня, яркие струйки крови, торжествующее пьянящее безумие в его взгляде.

Мягкий изгиб, теплая впадинка у бедра, отчаянные, сказанные в бреду, слова, недолгий поцелуй, вкус ласковых губ.

Движения, голос, лихорадочный жар, прикрытые пушистые лиловые ресницы. Желание.

Желание — это когда хочется взять то, что тебе нужно.

Выверенным, легким рассчитанным движением, Арин подался чуть вперед, выгнулся и через секунду уже стоял на ногах, улыбаясь.

Я был на краю и я вернулся, — с декламацией произнес он. — Что насчет еды?

Ничего, — ответил Скай, обнимая его за дрожащие еще от напряжения округлые плечи. — Ничего.

Арин поднял голову, посерьезнев, закрыл глаза, разомкнул губы, впуская язык Ская, положил ладони на сильную грудь, перевел дыхание, почувствовав как крепко, ласково сжались его руки, в ответ сам прижался сильнее, расслабившись.

Скай остановился, опустил голову, вдыхая запах шелковистых, густых волос, гладя медленно его спину, слушая быстрый стук сердца у самой своей груди. Арин тоже замер, прижавшись губами к прохладной ямке у основания шеи Ская, задумчиво водя кончиками пальцев по тонкой синтетике черной футболки, касаясь через нее затвердевшего соска.

Я тебе обещал, что не буду ничего делать, если ты сам не захочешь, — наконец сказал Скай.

Арин еле заметно улыбнулся, поднял голову, прикусил мочку его уха, жарким нежным языком скользнул по гладкой коже ниже, к изгибу плеча:

Сейчас я не против. Но только по моим правилам.

Часть 11

У тебя есть правила? — заинтересовался Скай.

Арин пожал плечами, отстранился, прислонился спиной к перилам, положив локти на холодную узкую металлическую полоску:

Не знаю, что и сказать… Неправильное слово подобрал. У меня бывает. Ладно, не буду объяснять. Потом поймешь. Давай быстрее, пока я не передумал.

Сволочь ты невообразимая, — спокойно сказал Скай, привлекая его к себе, — Здесь холодно, давай вернемся в комнату.

Арин повернулся, наклонил голову, глядя вниз, в дымное месиво километрового провала, проговорил вполголоса:

Скай — твое настоящее имя?

Да. Другого у меня нет. А твое имя настоящее?

А что было той ночью? — спросил Арин, игнорируя его вопрос, — Я не помню.

Ничего не было, — честно ответил Скай, — Ты не дурак, можешь сам догадаться, что тогда с тобой случилось. Поэтому ничего и не было.

Не любишь животных? — усмехнулся Арин.

Забираю свои слова назад, — нетерпеливо ответил Скай, — Ты дурак. Притом полный.

Если бы мне нужно было то, во что ты превращаешься, я и сейчас затянул бы на тебе ошейник. Но ты мне нужен настоящим.

Арин потянул вниз молнию куртки, обернулся, посмотрел внимательно:

Интересное желание. Настоящим, говоришь?

Скай не стал отвечать, шагнул назад, за порог, не отпуская лежащих на плечах Арина, рук, потянул его за собой.

Серые сумерки лежали в комнате пыльными пластами, свет давно погас — электрические связи потеряли ощущение человеческого тепла, и лампы превратились в матовые, мертвые тусклые шары.

В колыхающихся пепельных тенях, в холодном воздухе все казалось мертвым, мертвыми были плоские отблески, лежащие на пластиковом полу, мертвыми были правильные, твердые линии углов и стен.

Ощущение жизни, горячей, сильной, свободной, лилось лишь от стройного, гибкого тела, от обнажаемой медленными движениями, гладкой кожи.

В полумраке глаза Арина потеряли блеск и в их матовой,

темной глубине не отражалось ничего, осталась лишь пугающая, серьезная внимательность. Словно пытаясь что-то понять, смотрел он в глаза Ская, изучающе, не отрываясь.

Скай не отвел взгляда, притянув Арина ближе, он провел ладонями по округлым плечам, обнаженной спине, мягким, осторожным движением, ощущая под пальцами легкие припухлости старых, рваных шрамов на его коже.

Поднял руку, дотронулся до широкой серо-белой полосы на его шее, отвел сиреневые, приглушенного сумерками цвета, мягкие шелковистые пряди волос.

Настоящий. Не стертый призраками, живой, манящий, теплое дыхание, пристальная темнота затуманенных глаз. Странное, непонятое существо, смесь резкости, опасности и испытующего, тревожного ожидания, непокорный, неродной, но почему-то именно сейчас нужный. Необходимый. Подкинутый мне безглазой судьбой, так и не понявшей, что она натворила.

Больно. Больно от осознания того, что все происходящее просто способ избавиться от желания, не более. Хороший способ. Приятный. Ложный.

Скай отвлекся от своих мыслей, неожиданно поняв, что Арин перехватывает инициативу в свои руки, словно пробудившись от глубокой апатии. Приподнявшись, он чувственным, нежным скользящим движением провел по шее Ская языком, стирая кончиками пальцев остающуюся после прикосновения влажную дорожку. Наклонил голову, потянул плотную синтетическую ткань футболки, обнажая тренированное, сильное тело, почти невесомо коснулся губами соска и, помедлив, прикусил ощутимо, вызвав ощущение тревожной, сладкой боли, проговорил еле слышно:

Я сам так решил… Сам тебя захотел.

Я не спорю, — тихо сказал Скай, привлекая его к себе, — Сам так сам.

Арин опустился ниже, прижался губами к напрягшемуся животу Ская, пальцами нежно тронул полоску кожи над жестким ремнем, потянул вниз ткань джинсов:

Я просто хорошо помню твой вкус. Помню, что и тогда тебя хотел. И кровь возбуждала, и та боль.

Скай опустил ресницы, вздрогнул, почувствовав прикосновение влажного языка к головке члена, перевел дыхание, поняв, что торопиться он не будет.

Ты меня тогда тоже хотел? — спросил Арин, проводя губами по тугой, тонкой коже.

Скай не стал отвечать, прикусил губу, положил руку на шелковистые волосы на его затылке, сжал ладонь, с трудом

удержался от стона. Арин не стал ждать ответа, повернул голову чуть набок, прошелся языком по всей длине возбужденного члена, тронул пальцами повлажневшую головку:

И сейчас меня хочешь?

Он привстал, опершись на руки, подтянулся выше и прильнул теплыми, с терпким вкусом смазки, губами к губам Ская, почти сразу же отстранился, не позволяя углубить поцелуй, лег, прижавшись к нему горячим, гибким телом.

Скай непонимающе открыл глаза, увидел внимательный, серьезный взгляд, мягкие тени от пушистых ресниц, лежащие на щеках, влажную полоску на приоткрытых губах.

Арин чуть улыбнулся в ответ на этот взгляд, отвел глаза, прикусил быстрым, жарким движением мочку его уха:

Скажешь?

Не сходи с ума, — тихо ответил Скай, — Не время трепать мне нервы.

Арин промолчал, опустил руку, привычным движением разомкнул застежку своих джинсов, позволил Скаю стянуть их с себя, в ответ на ласковые, настойчивые прикосновения к обнажившейся коже бедер, снова коснулся губ Ская коротким поцелуем, приподнялся, чуть изогнувшись, опустил глаза:

Когда-то для меня было странным ощущение, которое испытываешь, когда прижимаешься своим членом к члену другого человека. Приятное, но мучительное из-за слишком откровенного чувства наслаждения. Слишком четкое для того, чтобы быть просто приятным…

Он не стал договаривать, подался вниз, положил голову на грудь Ская, опустил руку, и Скай сразу понял, что он имел ввиду.

Пальцами Арин крепко обхватил его член и, прижав к своему, медленно потянул ладонь вниз, напрягшись сам, закрыв глаза, прикусив жестко сосок Ская.

Но теперь боли Скай не ощутил, все ощущения сконцентрировались на резком, остром чувстве наслаждения, на нахлынувшем, разбившим мысли на осколки, возбуждении, вызванном странной, неведомой тяжестью горячей пульсации чужого тела. Плавные, умелые движения Арина, трущаяся о влажную кожу головки его члена, собственная плоть, жесткий нажим узких бедер и прохлада его языка на затвердевшем соске…

Все вместе заставило вздрогнуть всем телом и требовательное, не терпящее контроля желание заставило Ская сжать бедра Арина, принуждая чуть развести ноги, и, не особо задумываясь об осторожности, тронуть пальцами влажную, нежную приоткрывшуюся дырочку, протолкнуться глубже, сгорая от нетерпеливого, томительного ожидания.

Арин пробормотал что-то неразборчиво, задохнувшись, помедлил, поднял глаза, продолжая гладить то головку своего члена, то члена Ская, смешивая теплую густую смазку на тонкой, чувствительной коже:

Хочешь меня?

И Скай не выдержал, потянул Арина на себя свободной рукой, в бешенстве прикусил его губу, ответил:

Хочу и хотел тогда. Доволен?

Да, — просто ответил Арин, — Теперь доволен.

Он приподнялся, оперся рукой на грудь Ская, прикусил губу, все также глядя темными, внимательными глазами, опустился ниже, проговорил тихо:

Но… Мне не понравилось, как ты это сказал.

Скай не обратил на его слова внимания, выгнулся, не сдержав стона, закрыл глаза, поглощенный невероятным чувством жаркого, невероятного наслаждения, даримого ощущением медленного, контролируемого проникновения.

Арин запрокинул голову, забелел отчетливо во тьме широкий белый шрам на шее, выступили на гладкой коже прозрачные капельки пота. Он весь напрягся, сжал пальцы, оставляя на груди Ская малиновые вспухшие дорожки, сказал коротко внезапно севшим голосом:

Хорошо…

Скай приподнялся, обнял его, тронул языком нежный сосок, прислонился щекой к влажной, прохладной коже:

Давай же…

Арин коснулся головки своего члена, поднял руку, провел мокрыми пальцами по пересохшим губам Ская:

Не хочу. Просто побудь во мне.

Ты придурок, — сказал Скай, — Не делай так.

Арин сжал коленями его бока, не давая двигаться, прижался всем телом, устало и безразлично опустил голову на его плечо.

Скай почувствовал боль и не сразу понял, что от неудовлетворенного желания, от возбуждения свело все мышцы мучительной волной напряжения.

Властный голос инстинкта, болезненное желание, необходимость, жестокая, настойчивая, заставили его повернуть голову, отвести ладонью яркие волосы с изуродованной шрамом шеи, проговорить:

Я тебя хочу. Я тебя очень хочу, понял? Я тебя хочу еще с тех пор, как увидел на аэродроме. И той ночью я тебя хотел, но таким, какой ты есть, а не таким, каким ты был раньше.

Арин расслабил колени, приподнялся немного, поднял голову, поцеловал ласково, проводя языком по его приоткрытым

губам, помедлил и опустился вниз, сжав руками сильные, напряженные плечи Ская.

Скай закрыл глаза, обнял его, прижал к себе крепче, и, уже не боясь, повторил:

Я тебя очень хочу… Не занимайся херней, я и так все прекрасно понимаю.

Арин замер на мгновение, прикусил зубами кожу на его плече и настойчиво нажал обеими руками на его грудь, заставляя лечь. Скай откинулся назад и закрыл глаза…

Давно уже горячо и мягко засияли чувствительные к теплу, лампы, осветив напряженное, исчерченное влажными дорожками, красивое, гибкое тело Арина, светлыми искрами сияя на влажных, растрепавшихся волосах, скользя матовым светом по тонкой коже прикрытых век и дрожащим пушистым лиловым ресницам.

Скай крепко, до синяков, сжал его бедра и, сдерживая сбившееся дыхание, смотрел в изменившееся, красивое лицо, на зарозовевшие, припухшие губы, на льющийся по щеке, сложный узор татуировки, на белую полосу шрама на шее.

Смотрел и ощущал странное, глубокое чувство. Хотеть целиком, желать так, что не разберешься уже, что именно хочется — его движений, сладкой истомы, ошеломляющего удовольствия или просто его самого, всего, каждый сантиметр его кожи, каждый изгиб мышц, голос, взгляд. Хотеть его видеть, ощущать, знать, защищать.

Хотеть чего-то большего, чем то, ради чего все началось… хотеть… Волна, ширящаяся по телу волна терпкого, гибельного, сокрушающего наслаждения прервала его мысли и, содрогнувшись всем телом, он отпустил руки, перехватил упавшего ему на грудь, Арина, бездумно и нежно, задыхаясь, коснулся губами пересохших, обветренных желанием, мягких губ.

* * *

Седьмая сигарета за полчаса. Макс откинул опустевшую пачку, закурил снова.

Позвонить что ли, чтобы какого-нибудь пацана привезли… Секс, как говорят, от всего помогает. И с него все начинается. И вообще… И вообще, с удовольствием кого-нибудь сейчас трахнул, закрыл бы глаза и вспоминал бы искрящийся, снисходительный взгляд под яркой россыпью сиреневой, небрежно обрезанной челки.

Макс услышал сзади легкий шорох, резко обернулся и увидел смеющиеся, беззаботные карие глаза.

Я никогда не научусь подходить к тебе бесшумно, — сказал Арин, — Ключ, кстати, возвращаю, в джинсах был.

Ты сам-то где был? — прислушиваясь к частому, тяжелому биению внезапно словно взбесившегося сердца, спросил Макс.

Арин поднял руки, стягивая с плеч рваную футболку:

Где я только не был. Сначала меня подстрелили менты. Посмотри, кстати… еще один шрам.

Макс скользнул взглядом по розовой, тонкой коже заживленного биопластиком, плеча, увидел рядом со звездчатым шрамом припухшие, яркие синяки:

Давай дальше.

Дальше меня подлечил один… Один… В общем, его зовут Скай, и я про него рассказывал. Макс, мне нужна моя одежда.

Хрен с ней, одеждой, — злясь на его беспечность, ответил Макс, — Какого хрена?

Какого хрена ты позволил себя ранить? Какого хрена связался с этим мудаком? Я тебе сразу скажу — мне пришлось помочь ему починить тачку и мне пришлось помочь ему разблокировать твой чип, и я многое могу тебе о нем сказать. Он, если ему нужно будет, по трупам пойдет, и увязался он за тобой не просто так, и твою жопу спасал тоже не из врожденной благородности. Он тебя искал по другим причинам, он тебя нашел, и он от тебя не отвяжется.

Ему не надо от меня отвязываться или привязываться, — глухо сказал Арин, расстегивая ремень джинсов, — Я остаюсь с ним.

Макс посмотрел, как ловким движением Арин выскользнул из одежды, шагнул вперед, положил ладони на его обнаженные бедра, коснувшись кончиками пальцев припухших, свежих синяков на его коже, спросил тихо:

Ты в своем уме?

Да. Я сам так решил. Мне осталось жить немного, поэтому почему бы и не остаться с ним? Трахаться он умеет, а больше мне ничего не нужно. Ну, еще спиртное и сигареты. Кстати, о спиртном…

Макс наклонил голову, пытаясь поймать взгляд посерьезневших карих глаз:

Арин, он смахивает на поисковика, а тебя ищут. Я не вижу других причин, по которым ты бы мог ему понадобиться. Такие, как он в игрушки не играют.

Пошел на хер, — злобно, отрывисто сказал Арин, освобождаясь из его рук, — Я, по-твоему, похож на игрушку?

Сейчас похож! — не выдержал Макс, — Охренеть, как похож. Тобой поиграли?

Поставили раком? Хрен ты теперь куда денешься. Значит так, или ты говоришь, чем он тебя шантажирует, и мы решаем это дело в течение трех дней или мне придется разбираться самому и это займет больше времени.

Меня не шантажируют, — сказал Арин, — Нет ничего, чем можно было бы меня взять под контроль. Я сам решил остаться с ним. Понял? Сам. И если ты еще раз, сука, выскажешь мне что-то в этом роде, я легко забуду о твоем существовании. Уж поверь. Я не за тем четыре года жил среди людей, чтобы меня смог опять кто-то подчинить. Так что думай, прежде чем говорить.

Макс удивленно поднял глаза, увидел лихорадочный блеск в дрожащих от бешенства, темных зрачках, увидел, как побелела его кожа, и сжались жестко припухшие губы.

Тихо, — быстро произнес Макс, — Тихо, все нормально, не психуй. Ладно, давай по-другому. Ты ничего странного в нем не видишь?

Вижу. И я тоже понимаю, что все это неспроста. Хотя бы потому, что, отпуская меня сегодня, он поставил в куртку маячок.

Куда ты его дел?

Я просто выбросил куртку… Не обеднеет. Хорошо, что я умею находить такие штуки и сам прекрасно понимаю, что ему что-то от меня надо. И это одна из причин, почему я с ним остался. Прожить последние три месяца весело — разве это не лучший вариант? А со Скаем веселее некуда… За это время он все равно ничего от меня не добьется, я внимателен к мелочам и защищать себя умею. Так что, это подарок судьбы — вместо того, чтобы считать день за днем, я буду ломать голову над тем, кому и зачем я сдался. Если бы он искал меня для того, чтобы вернуть в резиденцию "КетоМира", он бы со мной не таскался по отелям, а давно сдал бы тем уродам. В общем, Макс… Я пришел забрать одежду. Мне некогда все объяснять, тем более, даже остатки моей жизни принадлежат только мне. Часа через четыре я должен… собирался вернуться, а до Братства Воды переть часа полтора, вот и считай.

Макс испытал то самое чувство беспомощности, которое приходилось испытывать довольно часто. То самое чувство, которое появлялось после попыток убедить Арина взять деньги на кеторазамин, то чувство, которое охватывало его всегда, когда Арин уходил ночевать обратно на кладбище машин или просто ставил в тупик своими резкими словами, старательно ограждая себя от какого-либо влияния.

И он по доброй воле согласился остаться с кем-то? Подчинился или все-таки, выбрал этого Ская сам? Заворожила ли его игра или… Или привязало к этому человеку что-то иное?

Макс неосознанно, легким движением вновь коснулся лилово-розовых кровоподтеков на гладкой коже, наклонил голову, провел губами по губам Арина. Незнакомый вкус, чужой вкус, растянутая, припухшая от поцелуев, кожа. От того, что знаешь, как и с кем он провел ночь, желание становится еще сильнее, тревожит, мучает, желание смыть с его тела следы чужих прикосновений, стереть память о произошедшем, заменив памятью о себе.

Арин мягко отстранил Макса:

У меня нет времени — это раз, а два — он меня вымотал, ни черта не хочется.

Вымотал? Тебя?

Да, и такое тоже бывает, — нетерпеливо ответил Арин, — Хотя да, ты прав, это странно. Скорее всего, потому, что я не физически вымотался. Там что-то другое было…

Макс убрал руки с его плеч, вернулся к окну, взял запечатанную пачку сигарет, медленно потянул пальцами тонкую целлофановую оболочку:

Переодевайся.

Арин не заставил себя упрашивать, вышел из комнаты и вернулся через несколько минут, привычно затянутый широкими лентами ремней, исчерченный тяжелыми стальными цепями, наклонился, защелкивая металлические фиксаторы на ботинках:

Макс.

Что?

Если я подохну раньше, чем надо… В общем, что бы со мной не случилось, это не твое дело. Это моя жизнь. Какая бы ни была — моя. И ты не будешь виноват.

Знаю.

Арин выпрямился, застегнул молнию плаща, убирая под воротник легкую коробочку датчика:

И еще. Я… Я уже не такой, каким ты меня помнишь. И таким, какой я сейчас, я тебе не нужен. Забудь ты о Тейсо-Арине. Остался только Арин, и он тебе не нужен.

Ты просто этого не понимаешь.

Не учи меня, придурок, — ответил Макс, — Без тебя разберусь.

* * *

Узкие, шипованные шины взвизгнули, оставляя черные, дымящиеся следы на грязном асфальте, и горячая металлическая махина пролетела в нескольких сантиметрах от согнувшейся в

ужасе, девушки.

Автомобиль остановился, мигнул фарами, и из салона вышел высокий, молодой парень, окликнул:

Живая?

Шейла развела руками, покачнулась:

Живая, но думала, что все, конец. Даже успела пожалеть, что подохну пьяной.

Все хорошо, что хорошо кончается, — засмеялся парень, — Могу помочь успокоить нервы. Надо же загладить вину перед очаровательной девушкой. Как тебе предложение?

Шейла одернула руками задравшуюся юбочку, посмотрела в красивое бледное лицо, улыбнулась, успокоенная веселым, открытым взглядом синих глаз:

Ну, почему бы и нет. А то мне, правда, не по себе.

Садись, — приглашающе повел рукой парень, — Познакомимся. Имя я свое не люблю, а знакомые прозвали Мэдом. Приятно познакомиться.

Шейла, — отозвалась девушка, — Мэд? Многообещающе звучит.

Не то слово, — снова рассмеялся парень, — Ты не ошибешься в своих ожиданиях, милая леди.

Шейла улыбнулась, подняла с земли круглую, прозрачную сумочку на лиловой цепочке, подошла поближе, заглянула в машину.

Я один, — успокоил ее Мэд, — И я не страшный.

Я вижу, — кокетливо хихикнула девушка, потянула за ручку дверцы и влезла в салон.

Мэд кивнул, сел на свое место, повернул ключ зажигания:

Покатаемся.

Шейла пожала плечами, повернулась к окну:

Иногда приятные знакомства бывают такими неожиданными.

Да, — сказал Мэд, — А иногда очень даже ожидаемыми. И насчет приятности я бы тоже поспорил. Шейла Лойчек, двадцать один год, наркоманка, шлюха и просто тварь, единственное, что умеет — это трахаться и жрать таблетки. Иногда у нее, правда, бывают просветления, и она бежит сливать остатки денег на лечение своего брата, который третий год подыхает в небольшой больничке за городом. В общем, я бы не назвал это знакомство приятным. Но, по доброте душевной, помог бы ее брату упокоиться, чтобы у нее осталось больше денег на наркоту. Моя причуда.

Шейла повернула голову, посмотрела на четкий, бесстрастный профиль. Мэд отвел взгляд от дороги, взглянул в упор жутковатыми, потухшими синими глазами:

Перед тобой лежат фото двух человек, берешь фото и рассказываешь мне все, что ты знаешь об этих людях.

Девушка дрожащими пальцами взяла плотные квадратики фото, перевернула, сказала тихо:

Первый — Арин. Ему лет шестнадцать-семнадцать, не знаю, где он сейчас. Его все в Тупиках знают, можно спросить любого. Он, вроде бы, был у кого-то зверьком в детстве, но я не уверена, просто слышала, что у него шрам от ошейника. Он не наркоман… Просто живет и все. А второго я видела два раза, он искал Арина, как зовут, не знаю. У него машина серая… "пежо".

Нашел он Арина?

Думаю, да. Я сама подсказала, где его искать… Он раньше на кладбище автомобилей ночевал.

И после этого ты не видела ни одного из них?

Не видела.

Что знаешь о недавнем убийстве полицейских на Пятой Банковской?

Там тоже был серый "пежо"… Слышала от кого-то. Больше ничего не знаю.

Где ты видела второго парня?

Один раз в баре, в Тупиках, бар "Ловушка". А второй раз в банке, он деньги снимал… Много денег…

Мэд кивнул головой:

Спасибо, лапочка.

Останови, пожалуйста, машину, — тихо попросила Шейла, — И, пожалуйста, не трогай моего брата, я ничего не скрыла.

Мэд ленивым, медленным движением закинул руку за спинку сидения:

Молодец, молодец…

Шейла взвизгнула, закрыла лицо руками, но было поздно — пуля ударила точно в лоб, пробив аккуратную, черную дырку, из которой выплеснулась тугая струя густой крови.

Не глядя на бьющееся в конвульсиях, тело, Мэд вложил пистолет обратно в держатель, закурил:

Придется опять бросать машину. Ладно, дело того стоило. Это что ж ты творишь, брат-поисковик? По малолеткам прикалываешься? Дорогой мальчик попался? Нехорошо.

За такое наказывают… А за наказание некоторым платят.

Часть 12

Арин шел по улицам, не глядя по сторонам, обожженный серым туманом смога, побледневший, пряча глаза под россыпью обрезанной наискосок челки.

Кто-то из компании, веселящейся на углу, пьяной и шумной, окликнул его, но осекся, увидев вдруг внимательный, залитый пугающей бездной провал карих глаз.

Арин остановился, медленными шагами подошел ближе, обвел взглядом притихших подростков, явно ожидающих развлечения. Арин знал, чего им хочется — пьяным, обреченным, веселым, бездомным полу-детям, полу-мертвецам. Им хотелось драки, им хотелось бить, смеясь, им хотелось в очередной раз увидеть боль и порадоваться, что не они ее испытывают — это давало им короткие секунды счастья. Необходимого им счастья.

И сейчас они заинтересованы, ведь он подошел, а значит, бросил вызов, не захотел стать пугливо улепетывающей жертвой, и поэтому они ждут. Ждут первых его слов, кусая расползающиеся в улыбках губы, пробитые тяжелыми стальными проволоками.

Смотрят веселыми, жестокими глазами, медленно вытаскивают руки из карманов, распрямляют плечи.

Видимо, вечер удался, — не выдержав, тихо произнес кто-то.

Арин встретил внимательный взгляд окликнувшего его парня, молча протянул руку, забрал у него бутылку с водкой, развернулся и пошел прочь, на ходу откручивая пробку.

И чего мы стоим? — возмущенно выкрикнули позади.

Ну его на хрен. Если бы я сразу его узнал, даже связываться не стал бы. Те, кому осталось совсем немного, убивают легко. И, если все, что я о нем знаю — правда, он бы только обрадовался такой возможности…

Арин, не дыша, глотнул жгучую жидкость, оценивающе посмотрел на бутылку, в которой оставалось куда больше половины, подумал, засунул ее в карман плаща и опустился на колени, взявшись пальцами за проржавленный диск крышки люка.

Отодвинув глухо заскрипевшую крышку, он привычно соскользнул вниз, спрыгнул в провал липкой тьмы.

Под ногами хрустнул битый бетон и стекло, по тоннелю пронеслось эхо шепотом произнесенного ругательства. Выпрямившись, Арин прислонился к стене, прижался затылком к ледяной влажной поверхности, закрыл глаза:

В моем положении было бы логично ненавидеть прошлое, презирать настоящее и положить хер на будущее, — невесело

рассмеялся он, — Почему мне все равно?

По-моему, единственное, чего я боюсь в жизни — это опустевших бутылок. Но тут уж никуда не денешься.

Он сполз по стене вниз, в три приема допил водку, закурил, забивая табачной горечью жгучий, мерзкий вкус, ощущая, как поползло по телу привычное, обволакивающее состояние алкогольного опьянения, справился с подступившей тошнотой, поднялся, качнувшись.

Стены тоннеля поплыли перед глазами, пространство жутковато изогнулось, потеряв перспективу.

Кого я обманываю? — спросил Арин в темноту. — Отозвалась бы хоть одна тварь, я бы спросил, обману ли я кого-нибудь этим? Где бы только найти ту тварь, что захочет ответить…

Он пошел вперед, не остерегаясь, не прислушиваясь к шорохам, прямой, невысокий, гибкая, черная тень.

Пошел, глядя прямо перед собой, утомленно опустив голову, на поворотах осторожно касаясь пальцами покрытых липким мхом стен.

Оказавшись на платформе, он с удивлением осознал, что не помнит пройденного пути и поймал себя на том, что стоит, тупо разглядывая рванину выцветших вагонов на тускло светящихся стальных путях:

Черт…

Арин спрыгнул вниз, пролез внутрь поезда, схватился рукой за изогнутый поручень.

Поднял глаза, рассмеялся, увидев прямо перед собой цветной листочек старой рекламы:

Слушай, пацан, — обратился он к улыбающемуся ребенку на фото, — Давай поменяемся местами… Поброди здесь за меня, а я хочу стать забытым. Забытым отпечатком.

Давай? Только, чтобы я тоже мог вот так улыбаться, забери заодно мое прошлое, иначе все окажется напрасным. Выгодная сделка, как думаешь? Я готов отдать себя стенам, но не людям. А я ведь даже могу сказать, сколько ты будешь здесь стоить… До кеторазамина не дотянешь, но, если будешь вести себя хорошо и также улыбаться… Хотя нет, бессмысленно это. Ты мертв, пацан, да? Знаю, что мертв.

Жаль, что я не наркоман, а то мы могли бы поговорить, есть вещи, от которых заговаривают даже камни, не то, что бумажные лица, но боюсь, ничего нового бы я от тебя не услышал. Ни один из мертвецов еще не сказал мне ничего толкового.

На секунду пьяный туман рассеялся и Арин увидел, что фото прожжено сигаретой и вместо глаза у мальчика мутная, с обугленными краями дыра.

Он потянулся к карману, достал сигарету, щелкнул зажигалкой и опустил голову, прижав тлеющий жаркий огонек к обнаженной коже запястья, подождал несколько секунд:

Бессмысленно небольно, — проговорил он и пошел прочь.

Первую залу и коридор он миновал без происшествий, мельком успевая увидеть выплывающие из дрожащей мути лупоглазые, изуродованные лица, плоские пальцы и язвенные толстые языки, пробрался к тяжелой двери бывшего опорного пункта полиции, машинально набрал код и ввалился внутрь, задыхаясь от участившегося стука уставшего сердца.

Тори поднял на него глаза, сейчас безмятежные, приглушенно-фиолетовые, раскрашенные желтыми, яркими лепестками узорчатой радужки.

Арин остановился, прикусил губу:

Тори, я жутко пьяный.

В шкафу есть еще спиртное, — будничным тоном ответил Тори.

Это хорошо. Просто я попался. Я опять попался, Тори. Я тебе все расскажу, выпью еще и расскажу.

Я уже понимаю, — ответил Тори, следя за ним глазами, — Мне можешь не объяснять.

Арин кивнул, зубами открутил хрустнувшую пробку на толстостенной, кофейного цвета, тяжелой бутылке, вернулся к кровати, сел на пол, положил лохматую голову на округлые колени, обтянутые светлыми бежевыми джинсами.

Тори посмотрел в мучительно-ясные, карие, потемневшие почти до черноты глаза, наклонился, коснулся теплыми губами прохладных, с горьким привкусом табака, губ Арина:

Это не так уж и плохо. Когда-нибудь тебе пришлось бы выбирать. От тебя пахнет небом, значит, твой выбор правильный. Сегодня ты пришел последний раз?

Нет, — сказал Арин, с нежностью глядя в его лицо, бледное, с выражением тихого внимания. — Ты опять ничего не понимаешь… А как пахнет небо?

Водой и ветром. И взглядами.

Откуда ты знаешь?

Тори наклонил голову, прижался щекой к щеке Арина, провел пальцами по его волосам:

Есть вещи, которые нельзя заставить сделать, их можно только захотеть самому.

Людям было нужно, чтобы я захотел давать жизнь, и мне показывали фильмы. О старом мире. Там было настоящее небо — тугое, ширококрылое, синее, и на него смотрели дети и женщины, смотрели, веря ему. Тогда же я видел и траву, высокие, гибкие

шелковые зеленые стрелки. И солнце, тающее в алых лепестках. Видел настоящую воду, живую, говорящую, теплые волны, укрытые льном бликов.

Тори понизил голос, проводя пальцами по прикрытым векам Арина, продолжил:

Я видел белые, сияющие под морозным, жгучим ветром вершины гор и пенные валы расплавленного изумруда, тяжелые чаши алых маков — когда их много, они похожи на молодое вино. Видел скользящих на упругих крыльях, стремительных птиц. Видел лиловые сумерки и тонкий золотой горизонт. Мне сказали, что жизнь людей и все это взаимосвязано. Умирают люди — умер мир. И если я соглашусь стать богом, мир начнет оживать. Я согласился. Только это был обман. Тем, кто должен был мной пользоваться, был неважен мир и жизнь других.

Арин повернул голову, посмотрел внимательно в погрустневшие, мечтательные глаза:

Тори, где твой датчик?

Он мне не нужен.

Почему?

Потому что ему меня не понять. Теперь не понять. Теперь никто не сможет сказать, когда я умру.

Арин потянул тяжелую цепочку, приподнял свой датчик:

Я сегодня пытался себя убедить, что мне все равно. На самом деле, так и должно быть. У меня ничего нет и мне ничего не нужно. Почему же мне бывает страшно?

Ты не хочешь умирать? — спросил Тори, обнимая его за плечи.

Когда я сам ставлю себя на грань между жизнью и смертью, я не боюсь. А ждать смерти, считая дни и часы, надоедает. Я бы хотел прожить дольше, чем три месяца.

Вдруг когда-нибудь вырастет трава? Понимаю, что это глупость, но вдруг? Я бы хотел посмотреть. Никогда не видел ничего живого, что не таило бы в себе опасности.

Тори улыбнулся, отстранился, давая возможность Арину дотянуться до кармана, посмотрел, как он закуривает, откинулся назад, скривившись на секунду от боли в потревоженной движением ране:

Вот об этом мне и говорили. Говорили о том, что люди должны жить ради будущего.

Но оказалось, что они хотят жить ради настоящего. Я не знал, что ты хочешь жить ради будущего, иначе не упрекал бы тебя в том, что ты мной пользуешься, ничего не отдавая взамен. Я только недавно тебя понял. Ты ведь любишь меня, правда?

Арин ответил не сразу, задержал сигаретный дым в легких,

глотнул виски, качнул головой:

Если бы в любви была хоть капля правды, я бы счел ее отвратительной. В любви правды быть не должно. Правда — не всегда добро, а в нашем мире она и вовсе чистое зло, ее слишком много, поэтому я доверился бы только иллюзии. Если любовь иллюзия, то я готов ей верить, но я так и не понял, иллюзия ли она.

Значит, любишь? — тихо спросил Тори.

Наверное, да, — согласился Арин.

Впоследствии он так и не смог вспомнить, с чего все началось, но происходящее потом запомнил с поразительной четкостью.

Он помнил ласковые, чуть испуганные фиалковые глаза совсем близко, глаза человека, который видел солнце, помнил рождающееся в них изумленное счастье и болезненный, отчаянный свет.

Помнил мягкие, узкие края вертикальной открытой раны и металлический привкус крови, помнил, как осторожно, не дыша, проводил кончиком языка по распластанной скальпелем плоти, словно надеясь зарастить скованный стальными клепками разрез.

Помнил он и ласковое тепло его объятий, помнил, как, пряча внезапно выступившие слезы, гладил дрожащее, хрупкое тело, касался руками напряженных плеч, шептал что-то, путаясь в словах, вновь их забывая, стараясь сказать главное — извиниться за то, что смог преодолеть прошлое, что вырвался и сохранил рассудок и жизнь, но не смог ничем помочь другим.

Хотел извиниться за то, что не понимал, как важна и нужна была его ласка, за то, что приходил сюда, приходил и вновь уходил, не объясняясь, не желая признаваться в том, что давно доверился единственной в его жизни иллюзии.

Помнил он потом и вкус теплой кожи, помнил изгиб шеи, помнил тихое, взволнованное дыхание и сжатые судорожно руки на своей спине.

Помнил выступившее вдруг на чересчур красивом лице выражение боли, помнил свой утешающий шепот и короткие, нежные, тихие слова.

Помнил, что остановился в нерешительности, опустил голову, задыхаясь от тянущего, мучительного ощущения, помнил, как пытался что-то спросить и не мог понять, что именно хотел спросить…

А потом все почему-то стало намного проще, доверившись, Тори расслабился, и развел крепко сжатые колени, подался вперед, прижимаясь к его груди, и попросил тихо:

Не останавливайся, мне не больно, тебе кажется.

Я так не умею.

Неважно.

В комнате погас свет, и пространство сжалось до предела, оставив место только для медленных, глубоких движений и теплых темных струек крови.

Места хватило еще для внимательного, прикрытого ресницами, обреченного взгляда и звука прерывистого дыхания. Чтобы тьма не задавила своей огромной железной тушей, приходилось прижиматься крепче, приходилось пробиваться еще глубже, стараясь слиться воедино, забыть об одиночестве и противостоять жаром угасающих жизней проклятью многих лет.

Приходилось держаться друг за друга, глотать соленые слезы и сдерживать стоны, повинуясь темным чарам маленькой тайны, придавленной многотонными слоями породы.

И лучше всего Арин запомнил, как, не в силах уже сдерживаться, вздрогнул всем телом, и остановился, затаив дыхание, потеряв на мгновение ощущение мира вокруг, растерявшись, подавленный слишком острым, слишком непривычным наслаждением.

И помнил, как поднял глаза и увидел над расцветшим алым маком незаживающим разрезом благодарный свет заискрившегося усталого взгляда.

Потом он долго лежал рядом с Тори, забыв о времени, мучаясь от двойственного ощущения вины и осознания правильности произошедшего. Тори молчал, глядя вверх, на вновь затеплившиеся тусклым оранжевым светом лампы, обнаженный, тоненький, с почти прозрачной, белой кожей, по которой расползлись тонкие ниточки кровавых полосок.

Арин смотрел на его профиль, на пушистую, густую яркую челку, подрагивающие длинные ресницы и давился глубоким, яростным чувством мучительной нежности, отводил глаза.

Наконец, Тори повернул голову:

Жаль, что я не помню, каким ты был раньше.

Наоборот, — ответил Арин, — Хорошо, что ты не помнишь меня прежним.

Каким ты был?

Арин опустил руку вниз, на ощупь нашел свой плащ, достал из кармана сигарету, закурил:

Когда тебя привезли в резиденцию "КетоМира", я не понимал, как ты живешь без хозяина, чей ты. Тебя ведь для чего-то другого туда притащили. Вообще, питомцев нельзя держать вместе, у нас срабатывает что-то вроде стадного инстинкта, не знаю, как правильней объяснить, но он сработал, мне захотелось, чтобы ты тоже был чьим-то.

Твоим?

Получилось, что так. И этим я поставил себя на один уровень с этими мудаками, потому что никто и никогда не должен стараться подчинить себе другого, а я этого захотел. Так что, ничего хорошего я из себя тогда не представлял, пошел по тому же пути…

Разве это называется — подчинить? Разве ты не понял, что я сам тебя хотел?

Я тогда тоже много чего сам хотел, а оказалось, что мне просто вбили в голову, что я этого хочу… Подожди. Ты меня с толку сбил. По-твоему, я что-то понимаю неправильно?

Почти все, — ответил Тори задумчиво.

Мне пора, — помолчав, сказал Арин, — Тори, расскажешь мне когда-нибудь о том, что с тобой сделали?

Я думаю, придет время, и ты сам это поймешь. Иди, Арин, тебя ждут.

* * *

Макс услышал звук хлопнувшей дверцы за тонкой железной стеной ангара, повернулся, глядя на вошедшего человека, высокого, синеглазого, с умным, безукоризненно правильным лицом.

Человек остановился, окинул оценивающим взглядом махину мертвого истребителя, присвистнул:

Он будет летать?

Будет, — ответил Макс, — Как меня задолбали неизвестные рыла, которые в последнее время только и делают, что припираются, когда им в голову взбредет.

Я так и знал, что я не первый. Не такое уж я и неизвестное рыло. Зовут меня Мэд, и ты обо мне слышал.

Мэд протянул Максу пластиковую карточку с печатным текстом.

"MadKillaBee. 12343-3456-456" Вспомнил, — сказал Макс. — Ты наемник. Пару лет назад мы помогали тебе достать оружие, только сам ты не показывался.

Ага. Только не наемник, а поисковик. Приятно было с тобой работать.

Ладно. Допустим, я тебя помню. Что нужно? То же самое?

Да нет, — сказал Мэд, подходя к самолету, проводя пальцем по металлической обшивке. — Хочется оказать тебе услугу. По старой памяти и с надеждой на сотрудничество. Помню, еще тогда, когда я к тебе обращался, я обратил внимание на

парнишку, что вечно крутился рядом. Извини, что пришлось лезть в твою личную жизнь, но тогда я должен был знать о тебе все. Я так понял, парнишка этот та еще зараза, но тебе он был важен. И знаю, что и сейчас ты не хотел бы, чтобы он исчез из твоей жизни раньше, чем ему датчик отобьет все вплоть до нулей. Но на горизонте появляется некий Скай, верно? Что ему нужно, неизвестно, но мальчишка остается с ним. Я могу сказать, что нужно Скаю, а ты поможешь мне его найти. Как тебе предложение? Обманывать мне тебя нет смысла, потому что мы одной веревкой повязаны, поэтому даже объясню суть моего дела — за смерть Ская мне заплатят. У меня есть одно правило. Я никогда не возьмусь за убийство кого-то, кого хотят убрать лишь по чьей-то прихоти, сколько бы мне не пообещали, но я ненавижу всякую человеческую мразь — шлюх, наркоманов, уродов, которые за кеторазамин готовы душу продать и всякое прочее быдло. Я не взялся бы за этот заказ, если бы Скай из поисковика не превратился бы вот в такое дерьмо.

Макс внимательно выслушал Мэда, прикинул что-то в уме:

И каким же образом он превратился в дерьмо, по твоему мнению?

Ему доверили крупную сумму денег. Очень крупную. Он должен был вернуть эти деньги и сдать найденного им питомца — да, это я тоже знаю, но вместо этого он свалил в туман вместе с питомцем и деньгами. Соответственно, в моей шкале ценностей его личность опустилась ниже некуда.

С деньгами, говоришь? Кеторазамин?

Ровно на дозу.

Понятно, — Макс помолчал, что-то припоминая, сказал через паузу. — Так ты решил избавить мир от новоявленного быдла?

И получить за это деньги. Сочетание приятного с полезным. А теперь к делу. Заказ на поиск питомца меня никаким образом не касается, поэтому твоего парнишку я тебе верну в целости и сохранности, а ты поможешь мне узнать, где их искать.

Скай не дурак и просто так его не выловишь, а время не ждет. Я не люблю тратить минуты и часы попусту, датчики — очень удобное изобретение, их контроль помогает мне принимать верные и быстрые решения, а не разбазаривать жизнь попусту. Что скажешь?

Макс неопределенно качнул головой, задумавшись.

Мэд отошел от самолета, окинул взглядом ярко освещенный ангар, подождал несколько минут, повернулся к Максу:

Нужно еще что-то добавить?

Нет, я все понял, — ответил Макс. — Просто тоже не хочется стать сукой.

Теперь я не понял.

И не поймешь. Ладно, посмотрим, оставляй координаты, вечером я дам тебе ответ.

Договорились, — кивнул Мэд. — Но не тяни, я не люблю тратить время попусту.

* * *

Скай отвел взгляд от монитора, посмотрел в потемневшие, пьяные, вызывающие глаза, скользнул взглядом по влажному от тумана черному плащу, захлопнул ноутбук.

Есть что-нибудь…спиртное? — спросил Арин, скидывая плащ с плеч, расстегивая металлические застежки ремней.

Ты и так в хлам, — раздраженно ответил Скай, думая о том, намеренно ли он избавился от маячка или это была случайность.

Зато я многое понял, — рассмеялся Арин. — Знаешь, что мы такое?

Ляг спать.

Не хочу.

Арин разочарованно погремел бутылками в баре, скривился:

Придется пить вино… Ты думал о том, что мы такое?

Нет.

А зря. Это интересно. Я сегодня общался с одной фотографией… Рекламой, точнее.

Ты идиот? — не выдержал Скай.

Так вот, — невозмутимо продолжил Арин, наливая вино в стакан. — И пришел к выводу, что мы алименты, которые Сатана платит по привычке, переводя нас на давно закрытый счет умершего бога.

Все, открытия на этот день завершены? Иди спать.

Не завершены. Оказывается, я могу быть активом… И вроде, неплохим… Будешь пить?

Шлюха ты чертова, неисправимая, — тихо сказал Скай, беря второй стакан. — Если бы ты знал, что ты творишь, что меня из-за тебя ждет.

Арин обернулся, посмотрел через плечо:

Я сейчас понимаю, как небо может пахнуть взглядами. Смотрю на тебя и понимаю.

Смотря, что чувствовать, когда смотришь.

Сумасшествие, — осторожно сказал Скай.

Арин кивнул:

Неудивительно. Эти слова сказал именно сумасшедший, поэтому и странно, что я их понял. Может, я тоже псих?

Ты пьяный просто, — задумавшись о чем-то другом, ответил Скай. — Не знаю, как ты еще на ногах держишься. Сумасшедших не бывает.

Бывают. Если у человека нет датчика, то все может быть.

Арин допил вино, отставил стакан, потянул вверх тонкую синтетику черной водолазки.

Скай опустил глаза, скользнул взглядом по подтянутому животу, заметил размытые подтеки крови на его коже. Арин откинул водолазку, тоже посмотрел на кровь:

Надо смыть… Не хочешь помочь?

Нет. Давай быстро в ванную, потом поговорим.

Оставшись в комнате один, Скай вновь открыл ноутбук, посмотрел на зеленый неподвижный огонек маячка на мониторе, прикинул что-то в уме, вспомнил все сказанное Арином за вечер и сжал виски руками, похолодев от невероятной догадки.

Да не может быть…

Часть 13

Арин вернулся из ванной довольно быстро, тряхнул мокрой головой, рассыпав вокруг веер теплых брызг, влез на кровать позади сидящего Ская, прижался к его спине обнаженным влажным телом, наклонил голову и посмотрел в монитор открытого ноутбука:

Метод незаживающих ран… — прочитал он вслух.

Сиди молча, — тихо сказал Скай. — Вино допивай.

Подожди, — перебил его Арин. — Мне интересно. Ты в этом что-нибудь понимаешь?

Скай неопределенно качнул головой:

Арин, ты жить хочешь?

Арин отстранился, лег на спину, дотянулся до бутылки, промолчал. Скай повернул голову, скользнул взглядом по подтянутому, обнаженному торсу, розовой полоске придавленной ремнем кожаных штанов, кожи:

Не делай вид, что тебе стало все равно. Я-то тебе могу рассказать, что из себя представляет результат единственного удавшегося эксперимента в сфере методов незаживающих ран, но оговорюсь — расскажу только при условии, что ты скажешь мне, где можно найти человека с такой раной. Ты просто сам не понимаешь, что это такое. Этого твоего парнишку надо вытаскивать, где бы он ни был и прятать так, чтобы до него не смогли добраться. Если его найдут, разберут на запчасти — никого из проводивших эксперимент в живых уже нет. И никаких данных не сохранилось — лаборатория была уничтожена взрывом. А чтобы понять, как работает игрушка, ее обычно разбирают.

Ты вообще о чем? — лениво спросил Арин. — О чем ты, а?

Он приподнялся на локтях, подался вперед, обхватил Ская за плечи, привлекая к себе, продолжил:

Я хочу секса. И все.

Скай посмотрел на него, отметив про себя, что вкрадчивый тон никак не вяжется с обжигающей ненавистью, вспыхнувшей внезапно в засверкавших карих глазах, и сам ощутил прилив неконтролируемой злобы.

Если верить данным о методе незаживающих ран и сложившимся обстоятельствам, то за это дело можно не только расплатиться за долг перед первыми заказчиками, но и вытрясти сверху еще на пару доз кеторазамина. Слишком уж все это серьезно, и не один человек отдал жизнь за то, чтобы добиться такого результата. А рядом со смертями всегда крутятся деньги.

Если не получается убедить парня так, напугав открывшейся перспективой потери этого его психа, то информацию придется добывать, неважно каким способом. Прости, пацан, за это я расплачусь с тобой кеторазамином. Обещаю.

Больше ничего не хочешь? — тихо спросил Скай.

Арин отрицательно качнул головой.

Скай внимательно посмотрел на него, поднялся, щелкнул по крышке телефона, быстро набрал короткий номер, сказал несколько слов и отключил аппарат.

Арин перевернулся на живот, устало прикрыл глаза.

Не вздумай спать, — резко сказал Скай. — Сам напросился. Хрен ты этой ночью поспишь. У меня к тебе разговор.

Он отвлекся на легкий стук, снял со стола легкий приборчик, похожий на фонарик, щелкнул кнопками, взглянул на монитор и только после этого открыл дверь.

Арин недовольно открыл глаза, услышав легкий звон:

Опять пить…

Он приподнялся, протянул руку, забирая стакан, почти до краев заполненный чистым виски:

Ладно, это хоть не вино.

Скай отнял у него опустевший стакан, признался честно:

Я просто хочу, чтобы ты как можно меньше запомнил. Тебе придется побыть собой.

Тейсо.

Нет, — быстро сказал Арин. — Не надо. Не надо.

Он выпрямился, закрылся руками, но недостаточно быстро для того, чтобы защититься — сказалась усталость и тяжелое алкогольное опьянение.

Скай развел его запястья, прижал спиной к стене:

С тобой по-другому не получается.

Подожди. Не надо. Я мог не понять, что ты от меня хотел.

Неважно, — нетерпеливо ответил Скай. — Бесполезно. Мне надоело.

Я же потом тебя убью, — устало и злобно проговорил Арин. — Убью же. Или…

Он вдруг поднял голову, и Скаю показалось, что в глубинах дрожащих зрачков родилась вновь знакомая стальная насмешливая искорка:

Или сейчас.

Неожиданным сильным движением, изогнувшись, Арин вывернулся, скатился с кровати и Скай понял, что не успевает отреагировать — такого от пьяного в хлам парнишки он не ожидал. Он успел только обернуться и сжать руки перед собой, смягчая тяжелый удар, от которого на незащищенной коже

запястий моментально вспыхнули тугим багрянцем саднящие раны.

Этот же удар помог ему перекатиться назад и подняться на ноги. С удивлением Скай увидел, что Арин стоит в той самой стойке, в которой изображались на агитационных плакатах военные пехотинцы — элита действующей армии.

Ну, давай, урод, — зло сказал Арин. — Посмотрим, успеешь ли ты вспомнить свои сорокатысячные коды.

Скай проследил глазами плавное движение его руки, скользнувшей вдоль бедра к стальным вставкам высокого шнурованного ботинка, увидел тонкий режущий блеск рассыпавшихся в воздухе игл, успел отшатнуться и услышал визг вонзившихся в бетон стен клинков. Арин, не глядя на него, легко перепрыгнул кровать, развернулся, улыбаясь.

Макс? — спросил Скай.

Мы быстро учимся, — пожал плечами Арин. — А я один из самых обучаемых.

Он расслабился, отодвинул ногу чуть назад, принимая прежнюю стойку.

Ладно, — согласился Скай. — Посмотрим. Посмотрим, чему научился котик, кроме как подставлять задницу.

Арин не стал отвечать, подавшись назад, распределив свой вес, он оттолкнулся от пола, перевернулся, на доли секунды упершись руками о холодный серый пластик покрытия, качнулся вперед и ударил обеими ногами в грудь Ская.

Скай задохнулся, услышал предательский хруст ребер, ощутил всплывшую откуда-то из глубины горла теплую, вязкую кровь, на мгновение мир рассыпался на рваные режущие квадратики и прояснился лишь на долю секунды, которой хватило, чтобы прижать к себе потерявшего после удара равновесие, Арина.

Арин поднял голову, внимательно посмотрел в затянутые дымкой боли серые глаза:

Не удержишь, — сказал он.

Скай медленно потянул руку вверх, преодолевая его сопротивление, дотянулся до изуродованной шрамом шеи:

Тебе стоит только глотку прижать, и ты опять просто питомец.

Нет, — коротко ответил Арин. — Нет. А тебе конец, сука.

Конец твоему психу, — с трудом проговорил Скай. — Которого ты прячешь где-то, как любимую зверушку. Это тебя надо убивать, а не меня. Такие, как ты жить не должны. Вылез из своей конуры и занимаешься тем же самым — пользуешься человеком, который ничего не осознает, который свихнулся от

боли незаживающей раны. Чем ты лучше своего хозяина?

Арин вызывающе вскинул голову:

Я не… — он осекся, вспомнив что-то. — Я не поэтому.

Да ладно тебе. Что ты для него сделал, а? Что ты ему дал? Секс? А он ему нужен?

Ему нужно, чтобы его трахали? Ты спрашивал? И если даже спрашивал, уверен в том, что он сам понял, что именно тебе ответил?

Скай понял, что Арин отвлекся, и осторожно приподнял руку повыше, уже ощутимо придавливая его шею.

Арин медленно коснулся пальцами его предплечья, но не сделал попытки освободиться.

Ты сделал неправильно.

Арин молчал, опуская голову, задыхаясь.

Ты сделал неправильно, — повторил Скай, отводя его руки, усиливая нажим. — Что с тобой нужно делать, если ты поступаешь неправильно?

Наказывать, — бесцветным голосом проговорил Арин.

Хорошо, — облегченно выдохнул Скай, — Драться ты умеешь, а вот нервы у тебя ни к черту. Ладно. К сожалению, я не в курсе, как тебя там наказывали, но для чистоты эксперимента поступим так. Давай-ка разберись со своей виной сам. Ты виноват, понял? Ты сильно виноват.

Арин вопросительно взглянул в глаза Ская, осторожно тронул пальцами его руку.

Скай понял его, опустил ладонь вниз, расстегнул застежку ремня на его штанах, с шелестом выдернул широкую кожаную ленту, накинул ее на шею Арина, затянул крепче:

Свободен.

Арин шагнул к стене, легко выдернул из нее узкие лезвия клинков и, прежде чем Скай успел что-то сделать, легко и умело полоснул стилетами по обнаженной коже запястий — поперек.

Явно не самоубийство, ему просто нужна кровь. Зачем?

Можно так, чтобы Тейсо было больно, а Хозяину интересно? — спросил Арин, разглядывая стекающую на пол густую кровь.

Можно. Выбери для себя наказание сам. А мне расскажи, за что ты себя наказываешь.

Спасибо.

Побелевшими, негнущимися пальцами Арин расстегнул молнию штанов, выбрался из одежды, лег спиной на кровать, опустил руки вниз.

Скай присел рядом, положил ладонь на его лоб, закрытый растрепавшимися прядями ярких волос, посмотрел сначала, как

ложатся мягкие теплые струйки из разрезанных запястий на светлую кожу бедер, стекая между расставленных ног, потом в блестящие, отрешенные глаза.

Рассказывай.

Тейсо ошибся. Тейсо думал, что любит Тори. Но Тейсо им тоже только пользовался.

Скай отметил про себя имя, вздрогнул, увидев, как Арин дотянулся до пустой бутылки, тяжелой, толстостенной, но не стал прерывать, боясь, что тот собьется с мыслей:

Где ты его нашел?

Его привели к Хозяину, но он был ничей. И Тейсо захотел его себе. Тейсо думал, что станет нужным Тори. Тейсо ошибся, — голос Арина прервался, Скай опустил глаза и прикусил губу, увидев, как направляемое окровавленными руками горлышко бутылки проникает внутрь, растягивая сжавшееся судорожно колечко мышц.

Дальше.

Арин закрыл глаза, перевел дыхание:

Потом Тори разрезали, и Хозяин начал его любить. Потому что его было интересно наказывать. У него была рана.

Скай вспомнил истинное предназначение этой раны и про себя пожелал скорейшей смерти тому идиоту, которому вздумалось совать туда свой член:

А ты что делал?

Арин не ответил, явно не понимая вопроса, выгнулся, застонал. На лице его и груди выступили легкие светлые капельки пота. Скай мельком взглянул на почти целиком вошедшую в него бутылку, увидел кровавые стрелки лопнувшей кожи, сжался внутренне, но, вспомнив о своем обещании, не стал его останавливать, опустил голову на лохматый затылок Арина, сказал тихо:

Что сделал Тейсо?

Тейсо понравилось, что Хозяин тоже любит Тори. Но Тори не дали остаться с Хозяином. Его забрали.

Скай сжал зубы, ощущая все телом дикое напряжение каждой мышцы его тела, слушая рваное, судорожное дыхание. Он уже боялся посмотреть вниз, потому что рукой ощущал под влажной кожей впалого живота очертания твердого предмета.

Быстрее бы все кончилось, остается узнать, где сейчас этот Тори… И все. А дальше, хочешь-не хочешь, но, получив деньги, я вкатаю тебе этот кеторазамин, я обещаю…

Что Тейсо сделал дальше?

Тейсо стало больно… — с трудом проговорил Арин. — Больнее, чем сейчас. Он захотел найти Тори. И нашел.

Нашел?

Да. Тори стал богом Братства Воды. Но все равно питомцем. И Тейсо стал вести себя, как Хозяин. Тейсо думал, что любит Тори. Но Тейсо ошибся. Он его просто держал для себя. Тейсо виноват. Хорошо, что Тейсо позволили себя за это наказать.

Арин вдруг открыл глаза и улыбнулся — спокойно и дружелюбно.

Скай увидел в его руке тусклый свет стального стилета, вскочил, готовый защищаться, то сразу понял, что защищать надо было не себя.

Арин с силой опустил стилет, пробив живот, согнулся, вдавливая клинок глубже, и Скай услышал жуткий хруст стекла, увидел вспарывающие его изнутри краеугольные осколки, разрывающие кожу. Кровь потекла не сразу, сначала набухли черными каплями острые грани разбившихся стекол, с розовыми лохмотьями лопнувших тканей, и лишь потом заскользили яркие алые ручейки.

Твою мать… — только и смог сказать Скай. — Твою мать.

* * *

Макс мрачно смотрел на сидящего напротив Мэда. Как ни крути, этот наемник ему не нравился, несмотря на то, что был единственным способом вернуть Арина. Макс знал о его славе в теневом мире, знал о том, что не зря он носит имя сумасшедшего убийцы — на его счету было немало смертей. Мэд убивал не только по заказу — от него не уходила живой ни одна проститутка, ни один попавшийся под руку торговец наркотиками или малолетний вор. Объяснение такому поведению было найдено — Мэд ненавидел "растратчиков жизни", имея свои представления о том, как люди должны жить в эпоху датчиков и считал, что имеет полное право очищать от "растратчиков" город. Под эту категорию у него попал и Скай — человек, который по его мнению, спер деньги для того, чтобы наслаждаться обществом смазливого парнишки-питомца.

Макс прекрасно помнил историю о том, что от денег Ская "освободил" Арин, скинув их с балкона и понимал, что для такого принципиального поисковика, как Мэд эта история автоматически послужила бы "откатом" от взятого заказа.

Именно поэтому Макс и не смог дать ответ сразу. Живущее в нем своеобразное чувство справедливости не давало покоя.

Он раз за разом вспоминал свои встречи со Скаем и оценивал его со всех сторон, опираясь на свой немалый опыт общения с

людьми. Но только к вечеру ему, наконец-то удалось понять, кем на самом деле является Скай.

Картина вырисовывалась паршивая. Ясно было, что человек он необычный, и, что самое хреновое — не хороший и не плохой. Серость, что ли. Нет, скорее, сталь.

Один из тех клинков, что остро отточены с одной стороны и прохладно-плавные с другой. Задавить в себе эмоции, жалость, да вообще все человеческое для таких раз плюнуть. Как они умудряются это делать, никому неизвестно, ведь и чувствуют они острее, чем остальные. Но факт остается фактом — никогда Скай не переступит через себя, для этого он слишком правилен, слишком многое знает об этом мире и самом себе. А значит это только одно — Арин в серьезной опасности.

Так что, виноват он или нет, неважно. Придя к такому выводу, Макс набрал номер с оставленной ему карточки и сказал несколько отрывистых слов.

Мэд появился почти сразу же, словно этого и ждал, и теперь сидел напротив, разглядывая серую мешанину смога за окном.

Ладно, — сказал Макс, вытягивая из пачки сигарету. — Я помогу тебе найти Ская.

Но пока что я сам не имею связи с Арином. Телефоном он не пользуется. Мне остается только ждать, когда он придет сам и узнать, где их искать. Тогда я сообщу тебе. Мое условие — все будет происходить под моим контролем, я хочу быть уверен, что ты не поддашься своим принципам и не прикончишь и Арина тоже.

Хорошо, — скучающе ответил Мэд.

Макс посмотрел в пустые, спокойные синие глаза:

Ну и урод же ты все-таки.

Да, — согласился Мэд. — Стараюсь.

Он поднялся, вежливо улыбнулся и вышел из комнаты.

Макс щелкнул зажигалкой, закуривая. Что-то тревожило его этой ночью, что-то похожее на старое, полузабытое чувство тревоги за напарников, что ли…

Инстинктивное, интуитивное, привитое войной.

Арин, если бы ты понимал, что я несу ответственность за твою жизнь… Если бы ты понимал, что опасность может идти в первую очередь от тебя самого — с твоим прошлым, с твоим характером, с твоей неуемной жаждой свободы.

И с тем, другим, что ты упорно пытаешься скрыть — с ранимой, чуткой душой, той, которую ты так и не смог в себе убить, как ни пытался.

* * *

Скай придвинул пепельницу Лие, не поднимая головы.

Крупная, высокая полногрудая женщина с пронзительным взглядом черных, густо накрашенных глаз, опустилась на кресло, закурила, сказала жестко низким, грудным голосом:

Это что такое было, Скай?

Скай посмотрел на дрожащую в ее белых пальцах тонкую сигаретку со следами алой помады на фильтре, промолчал.

Нет, ты на меня посмотри, — продолжила Лия, раздраженно выдыхая клуб пахнущего ванилью дыма. — Я оперирую уже двенадцать лет и такого еще не видела! Ты понимаешь, что это значит? Я оперирую двенадцать лет. Я оперирую нелегально! Я видела такое, что в страшном сне не приснится, но почему-то даже я в шоке.

Объяснишь, почему? Или мне самой тебе объяснить? Что ты с ним делал?

Лия, — сказал Скай. — Ты можешь привести его в сознание?

Я тебя сейчас убью, — мрачно ответила Лия. — Ты слышал, что я тебе говорю?

Сначала ты просишь у меня биопластик, потом ты привозишь ко мне пацана, разорванного изнутри. Причем того же пацана, в которого заливал биопластик. А теперь тебе надо, чтобы переживший все это ребенок после операции пришел в сознание и рассказывал тебе об ощущениях? Или что ты от него хочешь?

Я должен знать, что он запомнил. Я не хочу, чтобы он это помнил.

Лия затушила сигаретку в пепельнице, сразу же взяла новую, внимательно посмотрела в знакомое лицо Ская — того, кого она помнила еще малышом, братом лучшей своей подруги. Что же с ним случилось, как из того улыбчивого мальчишки вырос такой скрытный, замкнутый и непонятный ей сейчас человек?

Скай, — сказала она, забрасывая ногу за ногу, поправив яркую, в пушистых фиолетовых шарах, юбку. — Ты меня знаешь. Для меня важно только одно — чтобы этот ребенок выжил…

Скай поморщился.

Да, — заметив это, повысила голос Лия. — Ребенок, Скай! Это еще ребенок! Ты видел, сколько у него шрамов? Ты представляешь, какая у него психика?

Представляю.

Хреново представляешь! Есть мнение, что в нашем мире люди не сходят с ума. Так вот. Я тебе, как медик скажу — сходят. Просто нам не дают об этом узнать, не дают этого понять. И этот мальчик — не исключение. У меня вообще ощущение, что у него тяжелое расстройство личности. Ты бы слышал, что он говорил под наркозом.

Но это не имеет особого значения. Для меня важно вот что — если то, что с ним случилось, связано с твоей работой или ты сам его до этого довел, я не побоюсь сдать тебя ментам ко всем чертям и буду рада, что больше никогда тебя не увижу.

И я сделаю это, несмотря на то, что сама попаду в колонию за нелегальные операции! Понимаешь меня?

Лия, приведи его в сознание, потом я тебе все скажу.

Лия подумала немного, кивнула крупной головой с тугими кольцами иссиня-черных волос:

Под моим присмотром.

В небольшой, хорошо освещенной комнате была собрана вся новейшая аппаратура — тихо мигали разноцветные огоньки, сияли никелем металлические трубки. Скай подошел к кровати, посмотрел на бледное, с резкими черными тенями у уголков глаз, спокойное лицо, протянул руку, тронул пальцами прядь сиреневых волос, отводя челку с влажного лба.

Стоящая за спиной Лия бесшумно повернула какой-то кран и в прозрачную жидкость, наполняющую капельницу, потекла бурая струйка.

Через несколько минут ресницы Арина дрогнули, и Скай увидел измученный, потускневший взгляд. Арин опустил глаза, внимательно посмотрел на белый экран, закрывающий его тело чуть выше груди, спросил тихо:

Что я с собой сделал?

Скай не нашелся, что ответить, и отстранился, пропуская Лию.

Та наклонилась над Арином:

Я то же самое хотела у тебя спросить, борясь с желанием ампутировать тебе за это голову.

Арин свел тонкие брови, припоминая что-то, потом посмотрел в смеющиеся черные глаза Лии. Губы его дрогнули.

Я же говорил — не надо.

А вот это уже к тебе, — резко сказала Лия, притягивая Ская за рукав куртки.

Я теперь понял, — сказал Скай. — Я не знал, что ты на такое способен.

Что ты обо мне вообще знаешь? — с тоской проговорил Арин. — Что ты вообще о нас знаешь? Мы готовы на все… Ради хозяина.

Я не знал, — повторил Скай.

Арин посмотрел за его спину, встретил ободряющий взгляд Лии, слабо улыбнулся:

Ты меня вытащила?

Ага. С тебя шоколадка.

Две. Вторая за вразумительный ответ на вопрос, что мне светит в ближайшем будущем.

Лия удивленно наклонила голову, помедлила, ответила:

Я тебе все расскажу попозже. Но собрать тебя удалось, не беспокойся. Дальше дело решится биопластиком, только на этот раз под моим контролем. Кстати, хочешь что-нибудь?

Арин закрыл глаза, прикусил губу:

Нет. То, чего хочу я… Этого не произойдет. Я это понял совсем недавно.

Скай присел рядом с кроватью, наклонился, прижался губами к сухим горячим губам и замер, положив ладонь на затылок Арина.

Лия сложила полные руки на груди, задумчиво приложила палец к губам. Так можно узнать того Ская, Ская, который рос на ее глазах — теперь, застывший над мальчиком, забывший о созданной между ним и людьми стене, он понятен. Даже слишком понятен.

Он потерял сознание, — тихо произнесла Лия. — Так что ты мне скажешь?

Скай выпрямился:

Это из-за меня. Делай, как собиралась.

Да пошел ты, — презрительно-насмешливо сказала Лия и, не удержавшись, добавила.

— Такой мальчик хороший… Раскрой глаза, Скай, ты пошел не по тому пути.

Часть 14

Арин вышел из дома, медленными шагами спустился по ступеням и остановился, удивленный. Такого ему еще видеть не приходилось. Дом окружал огороженный высоким пластиковым забором сад. Яркая, низенькая зелень устилала землю, золотистым ореховым цветом сияли стволы стройных деревьев в легких пышных шапках бледно-розовых цветов.

Лежащая на пестром покрывале Лия подняла голову, отложила в сторону истрепанную книгу:

Чего встал?

Арин присел на корточки, провел ладонью по колючим стрелочкам полиэстровой травы:

Она похожа на настоящую?

Нет, — отозвалась Лия. — Не похожа.

Тогда зачем она тебе?

Иди сюда, — сказала Лия, поднялась с покрывала, отступила на несколько шагов и села на широкую доску качелей, привязанных к ветви искусственного дерева.

Арин посмотрел на нее — полную, крутобедрую, увидел насмешливые искорки в черных проницательных глазах и улыбку на ярких губах, улыбнулся в ответ, но сразу подходить не стал. Прошел по песчаной дорожке, касаясь ладонями свисающих отовсюду тонких пластиковых вьюнков.

Почему растения погибли?

Ты разве не знаешь?

Нет. Такому нас не учили, а потом мне уже не хотелось об этом спрашивать.

Люди-то выжили. Собаки… — Арин остановился, запнувшись, но продолжил. — Собаки и крысы выжили, а растения и остальные животные нет.

А что ты вообще знаешь о прошлом нашего мира? — спросила Лия, протягивая руку.

Арин вложил зажигалку в ее раскрытую ладонь, подождал, пока она закурит, пожал плечами:

Мало. Знаю, что разнесло защитный купол и все излучение досталось нам. А зачем на орбите стояли эти излучатели, я не знаю.

Да, — согласилась Лия. — Так у нас не стало неба.

Она подняла голову, выдохнув сигаретный дым тонкой струйкой, посмотрела в провисшую плавленую рванину купола:

Излучатели внедряли механизм самоликвидации в клеточную структуру военных, уходивших с орбиты в открытый космос.

Каждый солдат становился смертником.

Каждому было отведено свое время, в зависимости от длительности миссии, которую нужно было выполнить.

Почему им не давали возможности выжить?

Понимаешь, — сказала Лия. — Люди странные существа. Они готовы начинать разрушать то, в чем еще и не разобрались. Так же произошло и с космосом — там мы еще как слепые котята, но уже затеяли войны. Сначала бойцам было разрешено возвращаться, но были случаи, когда вместо них, в их телах, на Землю приходило что-то другое. Бывали случаи таинственных эпидемий, от которых нет спасения, кроме как уничтожение целых городов и объявления их навечно закрытыми зонами. То есть, выполнив свое задание, захватив планету, военные должны были умереть из соображений безопасности остального человечества, а все остальное доделывали роботы — собирали необходимые ресурсы и ископаемые, набивали ими корабли, и автопилот вел их назад, на Землю. По сути, это были обычные грабительские набеги на маленькие планеты с небольшой плотностью населения. Для того, чтобы тайна местонахождения Земли не была раскрыта — регистрироваться в Межпланетном сообществе наше правительство не посчитало нужным, — в военные чипы были встроены деструкторы. То есть, если раненого солдата пытались вылечить местные жители, он погибал почти сразу, не успев дать показания. Биопластик и многие другие лечебные вещества автоматически активируют деструктор. Поэтому я и вытаскивала твой чип, прежде чем залить биопластиком. Так же, солдат, попавший в плен, был обязан активировать деструктор воспроизведением своего личного кода самоуничтожения. Поэтому с войн никто не возвращается.

Ладно, эту хрень делают с военными. А мы-то при чем?

Лия подняла голову, указала глазами на мутные осколки купола:

О мелких воришек не хочется пачкать руки. На нас не стали нападать в ответ, нам не стали объявлять войну. Просто наши же излучатели усилили в несколько миллионов раз и развернули в сторону нашей же планеты, предварительно разбив купол. Карательный отряд ушел, не пролив ни капли крови и никогда не вернется.

Кому нужна умирающая Земля? Первым делом погибли растения, потом насекомые и птицы. Потом практически все животные. Потом начали умирать люди. Дети, женщины, старики — умирать так, как умирали военные, с четкой зависимостью от степени интенсивности заложенного в них процесса. Кому-то досталось больше, кому-то меньше… Созданная излучателями

генетическая конструкция не подлежит изменению и передает информацию по наследству, так что очиститься от этого невозможно.

Довольно быстро был найден выход из ситуации, ученые собрали первые образцы датчиков, в спешном порядке забили головы людей аналогами военных чипов — некоторым же вообще впихнули те самые военные чипы, оставшиеся на складах, как тебе, например. Соединили чипы и датчики и объявили, что высшее счастье — это знание точного времени своей смерти. Под предлогом того, что безумно приятно использовать каждую минуту своей жизни на какое-нибудь общественно-полезное дело, а не тратить время зря. Понял?

А потом?

А потом появился кеторазамин и купил наши жизни. Все просто.

Арин вытащил сигарету из предложенной Лией пачки, закурил, прикрыв трепетный огонек зажигалки рукой:

Да уж… Кеторазамин страшная штука. Я видел людей, которые продлевают себе жизнь тем, что пьют отходы с фабрик. Разлагаются, но живут дольше.

Лия удивленно вскинула на него глаза:

Такого быть не может, то, что представляют собой отходы, жизнь не продлевает.

Может, — ответил Арин. — Я сам видел, как меняются цифры на их датчиках.

Значит, им продлевает жизнь что-то другое — упрямо возразила Лия. — Не спорь, я лучше знаю.

Ты знаешь, а я видел. Я прав.

Ты кому это говоришь? — возмутилась Лия. — Я прекрасно знаю химический состав этой дряни, кроме мутаций, она ничего не вызывает!

А что еще может продлевать им жизнь? — в свою очередь, повысил голос Арин. — Кроме кеторазамина больше таких лекарств нет!

Ладно, — сдалась Лия. — Расскажешь мне потом подробнее, это интересно. К тому же, у тебя самого с процессом самоликвидации такая чертовщина творится, что, думаю, есть смысл тебе поверить и тебя послушать. И проверить заодно.

Что творится? — насторожился Арин, неосознанно берясь рукой за висящий на шее датчик.

Потом, потом, — досадливо отмахнулась Лия. — Тебе сейчас вредно выслушивать плохие новости. Видишь, как я забочусь о твоем здоровье.

Арин непонимающе свел брови, прикусил губу, но вдруг

рассмеялся, легко повернулся, присел, положив локти на полные белые колени Лии, посмотрел ей в глаза:

Чертова тетка, — проговорил он со странной нежностью в голосе. — Мне твои новости безразличны, поэтому можешь даже оставить их при себе.

Невоспитанный ребенок, — в тон ему ответила Лия. — У тебя же руки дрожат от любопытства, так что не пытайся меня задеть. У тебя действительно очень активный процесс самоликвидации, твой датчик не ошибается ни на секунду. У меня даже создалось впечатление, что твой организм пытается ускорить процесс. У тебя не было изменений его интенсивности?

Арин положил голову на скрещенные на ее коленях руки, припомнил что-то:

Было. Если я все правильно помню, то это случилось четыре года назад. За одну ночь датчик скинул сразу восемь лет и установил новые сроки. Только я не стал расстраиваться по этому поводу, знаю, что такое, хоть редко, но бывает. Так что, никакие это для меня не новости. Сам знаю, что осталось совсем мало.

Лия откинула окурок, обняла его за плечи, наклонилась, зарылась лицом в растрепанные сиреневые волосы, глубоко вдохнула легкий запах сигаретной горечи, смешанный с мягкой шелковистой ноткой давно забытого ею запаха, о котором она старалась уже и не вспоминать.

Арин не стал отстраняться, прикрыл глаза, удивленный тем, что мягкое ее тепло, хоть и не вызывает сексуального возбуждения, но приятно и отрываться от него не хочется.

Странное ощущение у него вызывала эта большая, немолодая уже женщина с низким грудным голосом, крупными блестящими кольцами черных волос, яркая, грубоватая.

За то время, пока она возилась с его ранами, накладывала аккуратные швы на живот и латала биопластиком, внимательно следя за обезболиванием, они поссорились раз двадцать. Арина сначала раздражало ее покровительственно-насмешливое к нему отношение, привыкнув отвечать на насмешки насмешкой, привыкнув огрызаться и ненавидеть, он терялся перед невозмутимостью, с которой она реагировала на любые выпады. Потом понял, что не может не улыбаться в ответ, понял, что спорить с ней бесполезно и смирился с удивительной легкостью, словно так и должно было быть.

Впервые ему захотелось оставить все, как есть, а не отстаивать свои права, что-то подсказывало ему, что Лия знала об этих правах куда больше, чем он сам.

Удивляло его и то, что при Лие изменился и Скай, с которым первые дни Арин не мог общаться вообще.

Холодная, жестокая ненависть мешала даже поднять глаза на по-прежнему спокойного поисковика, который держался поодаль, не настаивая на общении.

И этот возникший барьер опять же начала разрушать Лия.

Не терпящим возражений тоном она заставила Ская разобраться в какой-то забарахлившей аппаратуре и заставила Арина сидеть рядом и смотреть на то, как Скай возится с программным обеспечением ее компьютеров.

Арин сначала сидел, демонстративно смотря куда-то в стену, но потом понял, что это надолго, и, чтобы убить время, начал приглядываться к работе Ская, незаметно для самого себя заинтересовавшись процессом.

Спустя полчаса он не выдержал и задал первый вопрос, на который Скай ответил, не отводя глаз от монитора.

Находившаяся в комнате Лия на секунду отвлеклась от своих дел, оценивающе осмотрела их обоих, удовлетворенно качнула головой, а потом и вовсе вышла, оставив их на грани ссоры из-за подбора цифровых кодов для установки какой-то программы.

Она же, чисто по-женски незаметно выведав у Ская всю ситуацию, заставила его научить Арина водить машину — на это Арин долго не соглашался, пока не выслушал поток таких выражений, что даже не смог найти слов для ответа и послушно взял из рук Ская ключи.

День за днем она сближала их сотней придуманных совместных дел, заботясь о том, чтобы картины прошлого больше не всплывали. Арин сначала противился этому, но потом сдался, обнаружив, что Скай, если было бы нужно, извинился бы за произошедшее. Но требовать такого Арин не стал, большую часть вины он переложил на себя, давясь осознанием собственной беспомощности перед ошейником, разочарованный в себе самом. Дни выздоравливания сменились жесточайшей депрессией. Его мир снова рухнул, все достигнутое оказалось шелухой, обманкой, страшный призрак Тейсо появлялся все чаще, насмехаясь над той личностью, что так отчаянно отстаивала свои права на свободу. В это время Арин не отрывался от сигарет, закуривая одну за одной, бродил по дому, пряча глаза и радовался предстоящему избавлению, которое в скором времени сулил ему датчик.

Скай наблюдал за ним со смешанным чувством злости и вины, но не вмешивался.

Вмешалась опять же Лия.

Однажды вечером она втащила Арина в уютную библиотеку, усадила напротив себя, подвинула почти полную бутылку бренди и принялась его экзаменовать. Задавая вопросы, на которые Арин не мог ответить, она разжигала в нем присущее ему упрямство и

желание исправить ситуацию.

Ты же ни черта не знаешь о мире, — презрительно бросила она в конце разговора. — Ты даже толком не понимаешь, откуда дети берутся, при твоей-то жизни.

У меня их в любом случае не будет, — огрызнулся Арин. — И с женщинами я не сплю — зачем мне это тогда нужно?

Ладно, — кивнула Лия. — Черт с ними, детьми. Это слишком сложно, не спорю. Но ты и простых вещей не знаешь. Ты знаешь, например, по какому принципу у тебя зажигалка работает?

Зачем мне это нужно? — злился Арин. — Горит и хер с ней. Какую это для меня играет роль? Я, по-твоему, должен последние месяцы жизни убить на изучение зажигалок?

Дурак, — ласково сказала Лия. — По крайней мере, даже мысли о зажигалках куда лучше, чем те, которые ты крутишь в своей голове сейчас. Используй свои последние месяцы жизни на что-нибудь для тебя новое, вот что я пыталась тебе сказать.

Она встала, затушила сигарету и вышла, оставив Арина одного. Он долго сидел в полутьме, размышляя, потом поднялся, прошел вдоль ряда аккуратно расставленных книг, выбрал одну наугад, открыл на середине, прочитал несколько строк и остался на эту ночь в библиотеке. Это была первая ночь, которую он провел, не видя перед собой призрак Тейсо.

Утром, дочитав книгу, Арин выбрался из библиотеки и пошел по коридору, хорошо ориентируясь в темноте. Остановился перед узкой полоской света, выбивающейся из-под закрытой двери, постоял немного, толкнул дверь, вошел внутрь.

Скай обернулся не сразу, сначала аккуратно свернул открытые на экране монитора окна, и лишь потом повернул голову.

Арин долго смотрел в спокойные, со стальным отливом, серые глаза, усталое, неброской красоты лицо.

Скай поднялся, подошел ближе, поставил руки по обе стороны его головы, упершись о стену, наклонил голову, легко нашел приоткрывшиеся навстречу губы, почувствовал, как легли на его плечи теплые ладони.

Арин долго не позволял от себя оторваться, прижимаясь гибким телом, разрешая гладить разгоряченную гладкую кожу живота и груди под тонкой тканью легкой футболки, но потом вывернулся из рук Ская и вышел, не оборачиваясь, пряча глаза.

На следующее утро он впервые вышел на улицу и сейчас сидел на корточках, положив голову на колени удивительной женщины, голос и слова которой давали ему надежду на скрытую от него до сих пор истину о самом себе:

Так зачем тебе эта трава, если она не похожа на настоящую?

А зачем тебе то ненастоящее, что так не похоже на тебя? — тихо спросила Лия.

Не ставь меня в тупик такими вопросами. Я не всегда понимаю, о чем ты.

Лия рассмеялась:

Тогда, когда найдешь ответ на этот вопрос, считай, что это мой тебе подарок.

Ладно, — согласился Арин. — Пусть будет так. Интересно, что чувствуешь, когда получаешь подарок.

Наверное, понимаешь, что тот, кто тебе его подарил, тебя любит, — лукаво улыбнулась Лия.

Арин, не глядя, щелкнул зажигалкой, и Лия наклонилась к его руке, закуривая:

Думаю, тебя можно отпускать отсюда, Арин. Хорошенького понемножку. Тем более, ты мне надоел.

Ты мне тоже, — лениво отозвался Арин. — Я из-за тебя вторую неделю трезвый.

* * *

Скай вовремя поборол в себе желание спуститься вниз и дать этому идиоту по голове, но вовремя остановился, поняв, что прикосновение Арина к Лие не носит сексуального характера и что прижимается он к ней по другой причине.

Наблюдая за происходящим в садике из окна, он не мог слышать разговора, но хорошо видел, как ведет себя Лия и как ведет себя Арин.

Лия напомнила ему детство, точно также когда-то она подолгу рассказывала свои истории ему самому, тогда еще мальчишке. Рядом сидела, поджав ноги, Дея и изредка поднимала голову от книги, смеясь над ее тоном и манерой рассказывать.

Скай хорошо помнил эти вечера, хорошо помнил, что приходила она всегда около восьми часов вечера и устраивалась в широком кресле, закинув ногу на ногу, подтягивая к себе пепельницу — после ее ухода она всегда была полна окурков.

Помнил Скай, как она пришла в последний раз — осунувшаяся, с кривой растерянной улыбкой, села на свое обычное место и пыталась что-то сказать, но не смогла, закрыла лицо руками и долго сидела молча, придерживаемая за плечи ласковыми руками Деи.

На следующий день Скай узнал, что ее сына отказались оперировать в одной из городской больниц и он не выжил. Детей, имеющих право на оплаченный из бюджета государства

кеторазамин, часто отказывались оперировать в сложных случаях — слишком дорого обходились государству льготные дозы кеторазамина, чтобы еще оплачивать льготникам дорогостоящие операции. В таких случаях врачи разводили руками и говорили — судьба.

Мальчик останется калекой, сказали Лие, нет смысла поддерживать его жизнь. Пусть кто-то другой, физически здоровый, получит право на жизнь за него.

И теперь, глядя на нее, Скай вспомнил прежнюю Лию и в душе даже позавидовал Арину. Она, как никто, умеет возрождать в человеке угасшие надежды.

Арин, видимо, это понимает, раз так спокойно и бездумно доверился ей, слушает внимательно, улыбается в ответ.

После операции он похудел и выглядит совсем другим — беззащитным, что ли… В обычных синих джинсах и белой футболке, которую Лие пришлось натягивать на него с боем, он кажется новым, только начинающим жить по-настоящему человеком.

Скай отошел от окна, вытащил из кармана датчик, втавил его в гнездо-приемник сбоку системного блока, постоял, наблюдая, как бежит тонкая зеленая стрелка скачиваемой с компьютера информации. Чтобы выяснить, где именно скрывается это Братство Воды, пришлось перерыть все известные базы по Мертвому Метро, но поиск увенчался успехом. Намеренно или случайно Арин выбирал те люки, даже зная расположение которых вообще невозможно было понять, в какую сторону он шел потом, поэтому все это и заняло так много времени.

Теперь остается лишь спуститься вниз и найти Тори. И выбить деньги на погашение долга и на кеторазамин. Обещания надо выполнять, а я обещал себе, что заставлю этого парня жить дальше.

* * *

Арин вернулся в дом, прошел в библиотеку, забрался на стеллаж, нащупал рукой маленький телефонный аппарат — его он спрятал здесь давно, еще тогда, когда смог подняться с постели в первый раз. Лия посетовала на потерянный телефон, но быстро о нем забыла, купив другой в тот же день.

Спрыгнув вниз, Арин одной рукой проверил, тщательно ли заперта дверь, второй щелкнул по кнопке быстрого вызова — он предусмотрительно установил номер Макса на одну из кнопок тогда же, когда прятал телефон.

Послушав несколько секунд переливчатые гудки, он, наконец, услышал знакомый голос, сказал тихо:

Макс.

Макс помолчал немного, ответил:

Что хотел?

Почти ничего. Макс, мне кажется, ты мне должен многое рассказать, если только я все правильно понял, и ты не будешь отнекиваться.

Арин, где ты? — устало спросил Макс. — Что ты несешь? От чего отнекиваться?

Потом, — нетерпеливо сказал Арин. — Просто это важно. Мне очень важно, чтобы ты сказал правду. Просто подумай над этим и пойми — мне это очень важно.

Услышав легкий шорох за дверью, Арин сжал хрупкий телефончик в пальцах, разломав тонкий пластик и чуткие микросхемы на кусочки, засунул остатки прибора в карман, быстро отщелкнул старинный замок, вышел в коридор навстречу Лие.

Та осмотрела его с ног до головы:

Ты чего весь в пыли? Где лазил?

Какая разница, — отмахнулся Арин и проскользнул мимо нее, досадуя на то, что не успел сказать самого главного — он понял, что Макс может избавить его от контроля Ская, стоило только ему об этом сказать…

* * *

Мэд еще раз ввел присланный ему Максом телефон в базу данных, поморщился.

Интересно, кому принадлежит номер, который так сложно найти… Явно не нормальному человеку, ведущему правильный образ жизни — такие свои номера не скрывают. Значит, Скай опять связан с каким-то человеческим отродьем, которое не ценит свою жизнь и не умеет ей пользоваться.

Как же их много, тех, кто забивает своими телами этот город — мразей, которые не умеют ценить секунды и минуты своего существования и тратят этот бесценный дар на всякое дерьмо.

Поищем в теневых базах, составленных поисковиками и полицией.

Через полчаса поисков Мэд наконец-то нашел интересующее его досье, вчитался, хмыкнул. Интуиция меня никогда не подводит. Незаконно практикующий хирург — один из самых недостойных жизни сволочей. В их таланте нуждаются

нормальные люди, медиков не хватает, а они лечат наркоманов, абортируют шлюх и латают подстреленных ублюдков.

Удачное дело. Сначала я нашел Шейлу — одной тварью меньше, потом эта Лия.

Мэд потянул из ящика стола пистолет, послал патрон в патронник, сунул оружие в карман.

Те, кто не умеет жить правильно, жить не должны, верно?

Верно. Вернее не бывает.

И, как награда за старания, сбившийся с пути поисковик. С которого все началось.

Часть 15

Скай опомнился, поняв, что время давно перевалило за полночь, потянулся за пачкой сигарет, закурил, щелкнул мышкой, сворачивая открытые папки на экране монитора. Плотные жалюзи и закрытые двери заперли темноту в его комнате, а лампу включать он не стал, мерцающего света от монитора вполне хватало. Теперь к этому свету добавился оранжевый огонек сигареты.

Тишину нарушало только мерное гудение системного блока, очертания мебели потерялись во тьме, остался лишь маленький клочок света, дрожащий на гладкой поверхности стола.

Скай хотел было подняться, но передумал, дотронулся до мышки, открыл скачанную с флешки папку, долго смотрел в смеющиеся бесхитростные глаза Деи на фото.

Открытые, ясные мертвые глаза.

Легонько стукнула дверь, и, обернувшись, Скай увидел знакомую гибкую фигурку, светлое пятно белой футболки и голубоватые огоньки в глубине темных зрачков.

Арин подошел неслышно, посмотрел на монитор:

Похожа, — тихо сказал он.

Скай свернул фото:

Какого черта ты не спишь?

Не хочу. Я за это время выспался на год вперед. Если бы… если бы у меня был этот год. У тебя есть что-нибудь спиртное?

Ты алкоголик, — сказал Скай, поднимаясь, задевая плечом крепкое плечо Арина под легкой тканью футболки.

Неверно, — отозвался Арин, заглядывая под стол. — Так мне будет проще и все.

Что проще?

Арин выпрямился, вытаскивая узкую высокую бутылку:

Я сегодня не хочу спать один.

Ты озабоченный, — устало ответил Скай. — После твоих операций…

Я не это имел в виду, — перебил его Арин, разгрызая плотный пластик пробки. — Спать я один не хочу, понимаешь? Спать. Кто еще из нас озабоченный.

И на черта мне с тобой спать? — не выдержал Скай.

Арин ответил не сразу, забрался с ногами на кресло, дотянулся до сигарет, закурил:

Скай, я тебя потом спрошу об одной вещи, не считай меня за дурака, но мне, действительно, интересно. Вообще, тебе покажется, что я странное что-то говорю.

Арин остановился, посмотрел на яркую звездочку тлеющей сигареты, и Скай с удивлением увидел, как на долю секунды, будто от страшной боли, скривились его губы.

Темнота потяжелела и легла на сердце свинцовой перчаткой, тягостное ощущение усилилось, когда Арин, улыбнувшись, качнул головой, словно сам себе удивляясь.

Будешь пить? — тихо спросил он.

Что у тебя опять не так?

У меня все так, за исключением того, что сегодня я буду говорить странные вещи.

Тогда разбудишь меня, когда соберешься их говорить, — ответил Скай, повернулся, стянул через голову плотную синтетическую стального цвета футболку, расстегнул молнию джинсов, помедлил, посмотрел через плечо. Арин все так же сидел на кресле, глядя прямо перед собой, не шевелясь.

Скай не стал снимать джинсы, отвернулся, лег на кровать, закинул руки за голову, закрыл глаза.

Медленно потекло вязкое, ядовитое время, наполненное тьмой и звуком тихого дыхания.

Минуты скользили по телам, выжимая жизнь из отравленных клеток, неумолимо, безостановочно. Слабый свет монитора стал казаться мертвым, и резал глаза даже сквозь закрытые веки, Скай знал, что заснуть не сможет, но не показывал виду, слушая, как изредка тишину разрывает щелканье зажигалки, и от нечего делать считал, сколько раз Арин брался за сигарету. Двенадцать. Двенадцать раз за час.

Легкий шорох заставил Ская чуть повернуть голову и все-таки присмотреться.

Арин перебрался с кресла за компьютер, отставил наполовину опустевшую бутылку, тронул пальцами мышку, открыл свернутое фото Деи, замер:

Видно, что ты умерла, — шепотом сказал он. — Тебе уже не хочется смотреть на нас, верно? Но ты позволяешь смотреть на себя. Я бы хотел у тебя спросить, что со мной будет дальше… Но вы никогда не отвечаете. А потом мне самому будет неважно.

Он вдруг опустил голову, склонил ее на сложенные на столе руки, и Скай увидел, как дрогнули его плечи под легкой тканью футболки.

Шепот стал невнятным, но отдельные фразы все еще можно было разобрать:

Интересно, когда я родился… И еще мне хотелось бы кому-нибудь что-нибудь отдать… Не знаю… Все слишком быстро… не страшно. Просто некогда… Все было верно, я вырвался… Зачем… Лучше бы я не знал… Хотя бы знать, сколько мне лет…

Тебе семнадцать, — сказал Скай. — Я точно знаю. Дай сюда датчик.

Арин повернул голову, и Скай увидел блестящие, наполненные слезами, страдающие глаза — знакомые и незнакомые одновременно. Но боль быстро ушла, и взгляд прояснился, снова став привычно-вызывающим.

Не дождавшись ответа, Скай вздохнул, поднялся, подошел ближе, потянул пальцами тяжелую цепочку, вытаскивая небольшой приборчик из-под футболки Арина.

Мельком взглянув на экранчик, поисковик отложил датчик в сторону:

Когда это ты так?

Часа три назад, — тихо сказал Арин. — У меня уже было такое однажды, но тогда датчик скинул гораздо больше. Теперь больше половины. Осталось шестнадцать дней.

Я вижу, — ответил Скай. — Иди сюда, нечего рассказывать мертвым о своих проблемах. Расскажи мне.

На эту ночь Скай забыл о том, чем жил и чего желал сам, полностью растворившись в нелегких мыслях семнадцатилетнего парнишки, обреченного на скорую смерть.

Обнимая его за округлые плечи, он слушал странные, произносимые шепотом, простые по сути, но жуткие сейчас слова. Арин, приняв молчаливую поддержку, прижимался крепче и рассказывал о себе так, что все принятые Скаем правила рушились в мутное крошево, раня душу.

Я не брался за наркоту, потому что боялся, что в реальном мире может случиться что-то необычное, а я не увижу этого… Не хотел подменять миры…

Чего же ты ждал, что ты хотел увидеть?

За аэродромами есть вымершие леса, сухие деревья. Я иногда ночевал там. Знаю одно дерево, на котором кто-то вырезал два имени. Их нет, а имена остались. Я бы так не сделал. Зачем пустоте имена?

О чем ты думал, скитаясь один по мертвым лесам? От чего пытался избавиться и что нашел?

Мне иногда снились нормальные сны, особенно в детстве. По-моему, в какой-то больнице была женщина, которая со мной играла, что ли… не помню точно. Но она мне снилась потом. Не лицо, а голос.

Лучшее твое воспоминание?

И еще… По-моему, я себя обманул. Или я ничего не понимаю или в нем я любил тот мир, который он видел… Не могу сказать точно, но с недавнего времени я начал сомневаться.

Тори. Успею ли я получить за него деньги? И смогу ли

завысить цену? А главное — не ускорится ли процесс самоликвидации Арина снова? Еще один такой скачок, и, скорее всего, он умрет мгновенно.

Я так ничего и не сделал. Я не смог справиться с собой. Я животное, которое добилось только осознания смерти.

Скай повернулся, притянул его ближе, нашел губами теплые губы, положил ладонь на его затылок:

Что ты у меня спросить хотел?

Арин закрыл глаза, тепло и нежно скользнул языком по его шее:

Ты только мне больно не делай.

Скай внимательно посмотрел на него, на влажную полоску на приоткрытых губах, на опущенные пушистые темные ресницы:

Хорошо.

Какие бы ни были шансы дать ему возможность прожить дольше, но тело его сейчас пропитано мягкой, ощутимой обреченностью, и оттого прикасаться к нему можно только так — осторожно, чертя кончиками пальцев по тонким свежим шрамам на подтянутом животе, по нежной коже сосков и узким бедрам. И целовать его можно только так — мягко, встречая движениями языка его движения, прижимая к себе гибкое тело.

И желать его можно только так, как желают самое необходимое, нужное, без чего невозможно дышать.

Отступает тьма, остается лишь выжидающий свет карих, усталых глаз, слова становятся лишними, они ему не помогут. Болью, сладко-мучительной, отдаются в душе его стоны, звук сбившегося дыхания.

В нем еще живет страх — он не может пойти навстречу сразу, приходится долго успокаивающе гладить его живот, грудь, руки, сдерживаясь, зная, что он возбужден, но инстинктивно защищается, боится.

Но эта задержка не мешает, наоборот, приятно ощущать его гладкую кожу, линии мышц, приятно видеть дрожащие ресницы и россыпь ярких повлажневших волос на светлой коже лба.

Угасающее тепло жизни, трогательная, отчаянная нежность, неосознанное доверие, искристые капельки слез.

Так поздно пришедшее к нему желание любви.

Арин вдруг отстранился, улыбнулся:

Да сделай же ты со мной что-нибудь… мне сейчас нужно.

Тогда прекрати сжимать колени.

Арин опустил глаза вниз, коснулся пальцами груди Ская:

Сам не понимаю, что мне мешает.

Я приблизительно понимаю, что тебе мешает, — признался Скай. — И не знаю, что с этим делать.

Арин недовольно поморщился:

Я себя чувствую девственником.

Ты себе льстишь, — отозвался Скай. — Ты просто научился нормально реагировать на боль.

Он почувствовал, как под его руками дрогнули узкие плечи, провел ладонью ниже, коснувшись возбужденного члена, подался назад, коснулся губами крепко сведенных колен.

Арин чуть расслабился, приподнялся, позволив положить руку под свою спину, сжал зубы, почувствовав ласкающую влажность языка, прошедшегося по чуткой коже внутренней стороны бедер.

Скай развел его ноги, осторожно, но настойчиво; потянул ладонь из-под его спины, провел пальцами по жаркой впадинке между ягодиц, услышал несдержанный, громкий стон:

Все?

Иди ты… — резковато бросил Арин. — Я тебя хочу, и так ясно.

Скай наклонил голову, сдержал улыбку, снова коснулся языком округлого колена, нажал пальцами, заставляя растянуться тугие мышцы, заставив Арина приподняться, вцепившись руками в его плечи.

Арин прижался к его груди головой, застонал.

Скай почувствовал теплое дыхание на своей коже, обнял его крепко и замер, давая ему возможность двигаться самому.

Медленно, нерешительно, сжимая зубы, Арин опустился ниже так, чтобы головка члена Ская уперлась в приоткрывшуюся дырочку, помедлил, задыхаясь, развел бедра, разрешая ему проникнуть глубже.

Больно? — спросил Скай, сдерживая сбившееся дыхание.

Арин мотнул головой:

Да все равно.

Тогда осторожно, стараясь не делать лишних движений, Скай уложил его спиной на кровать, поставил руки по обе стороны его головы, качнулся вперед, глядя в затуманенные, широко раскрытые карие глаза:

Шлюха ты чертова, неисправимая, — мягко сказал он.

Очень вовремя, — с трудом проговорил Арин. — Спасибо за комплимент.

Ночная тьма сменилась легким прозрачным дымчатым светом утра, смешивающиеся звуки тяжелого дыхания пропитали этот робкий свет насквозь, растворяясь, тая, Разметались и исчезли ночные призраки, погас монитор, свет лежащего на столе датчика мерцал приглушенно, лишь быстрый бег цифр напоминал о том, что его владелец еще жив.

Арин на мгновения забыл о ломких цифрах на экранчике прибора, забыл, выгнувшись в сильных руках Ская, царапнув его спину, оставив на ней яркие алые полосы, застонав в голос.

Теплые судорожные волны накрыли его с головой, перед глазами метнулась рассыпающаяся на искорки пелена, и лишь потом он почувствовал ласковые губы на своих губах и, приподняв руку, осторожно провел пальцами по татуировке на виске Ская, очертив четкие линии посеребренного скорпиона.

Скай приподнялся, лег на спину, притянул Арина к себе:

Знаешь, что я хочу?

Сигареты еще есть.

Верно мыслишь.

Арин поднялся с кровати, прошел по комнате, взял со стола пачку сигарет, остановился, глядя на лежащий рядом датчик.

Скай сквозь прикрытые ресницы посмотрел на его побледневшее лицо, позвал:

Арин.

Арин перевернул датчик, вернулся на кровать, вытащил сигарету, крепко прижал фильтр губами, закурил.

Скай некоторое время молча наблюдал за ним, скользя взглядом по хитросплетению угловатых сиреневых узоров, бегущих от виска к скуле.

Ты обещал мне странные вещи, — сказал он наконец, забирая у Арина сигарету.

Я все странное уже и сказал, и сделал, — огрызнулся Арин. — Куда дальше? И, к тому же, я черт те что говорил, просто не в себе был от этого датчика. Это прошло.

Скай приподнялся, затушил окурок в пепельнице, лег обратно, обнял его за плечи:

Дрянь ты мелкая, — лениво сказал он. — Но я тебя люблю.

Утром Лия, не найдя Арина в комнате, быстро определила, где он может быть, так и не решив для себя, хорошо это или плохо, заглянула к Скаю. Увидела прикрытые ресницы Арина и его спокойное лицо, свежие припухшие царапины на спине Ская и то, как властно, словно защищая, сомкнул он руки вокруг плеч подростка, закрыла дверь и остановилась в коридоре, раздумывая.

Потом улыбнулась снисходительно и пошла прочь, стараясь не стучать каблуками по пластиковому покрытию пола.

* * *

Когда Арин проснулся, Ская рядом уже не было. Жалюзи

были открыты, и сквозь окно струился мягкий серебристый свет, выключенный компьютер тревожно мигал зеленым огоньком.

Арин поднялся, сбросил тонкое одеяло, прижал ладонь к ноющему боку, поморщился.

Ага, — мрачно сказала вошедшая Лия. — Болит. Иди сюда, сволочь. Тебе кто разрешал?

Я еще разрешения должен спрашивать? — огрызнулся Арин, ища глазами зажигалку.

Было бы неплохо! — ответила Лия. — Если бы ты знал, сколько у тебя швов, ты бы письменные заявки мне писал по этому поводу.

Мне уже все равно, — ответил Арин, протягивая руку. — Дай зажигалку.

Ладно тебе, — примирительно сказала Лия, подходя к окну, поднимая жалюзи выше. — Раз в процессе не сдох, значит, положенное тебе отживешь, — она вдруг остановилась, темные глаза посерьезнели.

Арин щелкнул зажигалкой, пожал плечами, поднялся, натянул джинсы, подошел к ней, тоже посмотрел в окно, на медленно сворачивающий по проулку тяжелый черный "лендровер":

Это что за хрень?

Не знаю. Я таких машин здесь не видела. И сюда без предварительного звонка не приезжают. Арин, где Скай?

Арин прикусил зубами фильтр сигареты:

Мне он не отчитывался.

Машина остановилась напротив ворот, дверца открылась, и из нее вышел высокий, черноволосый человек, одетый с подчеркнутой небрежностью, дорого и аккуратно.

Арин, — быстро сказала Лия. — Стрелять ты умеешь. Правый нижний ящик стола — там оружие. Ключи там же, Скай оставил машину. Бери все это и попытайся выбраться через заднюю дверь.

Арин мельком глянул на человека внизу — тот повернулся, вытаскивая что-то из салона "лендровера", кивнул:

Пойдешь со мной.

Лия глянула через плечо, улыбнулась:

Старая тетка тебе не компания.

Пойдешь со мной, — повторил Арин, наклоняясь, затягивая шнурки на высоких ботинках.

Оглушительный треск стекла не дал ему договорить, подняв голову, он увидел, как искристым шквалом ринулись вниз сверкающие осколки, а Лия, беспомощно цепляясь руками за жалюзи, медленно сползает вниз.

Пригибаясь, Арин кинулся к ней, перевернул обмякшее тело

и задохнулся, попав ладонью в мягкое месиво развороченных мышц шеи. Кровь хлынула потоком, заливая его футболку и дрожащие руки:

Лия!

Лия виновато опустила ресницы, и Арин понял, что говорить она не может:

Лия! Что с тобой делать?

Женщина с трудом отрицательно качнула головой, и глаза ее помутнели, угасая, с губ сорвался тяжелый рокочущий предсмертный хрип.

Сука! — только и смог сказать Арин, чувствуя, как закрутился внутри горячий давящий ком слез, отравленных ненавистью. — Тварь.

Осторожно опустив Лию на пол, он рванулся к столу, с грохотом выдернул ящик, подхватил выпавший пистолет и ключи.

Выбегая в коридор, он услышал треск разбитых стекол и рухнувших карнизов.

Проверив на ходу обойму, он взбежал вверх по лестнице, выбил ногой люк, ведущий на крышу, упал на живот, сдерживая тяжелое дыхание, стирая с лица льющиеся, мешающие сейчас слезы.

Выстрелов больше слышно не было, и, выждав некоторое время, Арин медленно пополз по шершавому пластиковому покрытию.

Подобравшись почти к самому краю, он увидел, что человек, закинув на плечо винтовку, идет по дворику, небрежно отводя руками свисающие над дорожкой ветви искусственных деревьев.

Сука, — прошептал Арин. — Сука. Ненавижу. Я. Вас. Ненавижу.

Вытянув руки, он прицелился, плавно нажал на курок, но в последний момент отвлекся, с ужасом увидев на своих ладонях свежую кровь той, что спасла ему жизнь, и пуля ударилась в полутора метрах от убийцы.

Практически мгновенно ответная длинная очередь пробила покрытие крыши и острые, как лезвия осколки накрыли Арина с головой. Закрывшись руками, он скатился вниз, на секунду потеряв сознание от тяжелого удара о землю, но почти сразу поднялся, застонал, услышав режущий визг сломанных ребер, огляделся и понял, что упал с другой стороны дома, туда, где Скай ставил машину, не желая оставлять ее на виду.

Черный "пежо" был на месте, всего в нескольких метрах. Прикинув, сколько времени нужно на то, чтобы обогнуть дом, Арин понял — можно успеть добраться до машины, если не отвлекаться на раны.

Собрав все силы, сжав зубы, стараясь не дышать, держа пистолет наготове, пригнувшись, он пробежал по двору наискосок и, почти теряя сознание, открыл дверь автомобиля.

Знакомый салон встретил его запахом озона и хвои, перед внутренним взглядом появилось лицо Ская, серые спокойные глаза, потом выплыли черные кольца блестящих волос и насмешливо-понимающая улыбка Лии.

Дальше показалась какая-то муть, оскаленные пасти псов, стеклянное крошево, быстрый бег цифр на экране датчика и печальные глаза Тори.

Потекли кровавые струйки, раскрашивая светлую кожу, послышался чей-то смех, и раздался тихий звон разбиваемой ампулы.

" Это бред, болевой шок", — понял Арин. — "Значит, конец. Я не успел" Откуда-то вынырнул ком тугой колючей проволоки, рванул кожу, и Арин вдруг, вернувшись в сознание, понял, что все-таки успел завести машину и как-то смог выбраться со двора.

Но перед машиной не было видно дороги, впереди появилась, распухая, видная вплоть до мельчайшей детали, бетонная выщербленная стена.

Он успел услышать визг сминаемого железа, нестерпимый грохот, что-то с силой сжало его, перебив дыхание, и мгновенно навалилась чернильная тьма.

Часть 16

Арин почувствовал легкое, почти невесомое касание на своем животе, приоткрыл глаза и увидел близкий, знакомый ласковый взгляд.

Макс еще раз тронул нежную полоску кожи под линией туго завязанных бинтов, сказал тихо:

Вот и все. Можешь поставить на этом точку.

Арин поморщился от боли в сломанных ребрах, обвел взглядом комнату, что-то припоминая.

Но среди уютной тьмы спальни, обставленной мебелью тяжелого черного дерева, запаха табака и тепла синтетических одеял, мысли разбредались, а память и вовсе не желала пробуждаться, будто окно в прошлое было забито плотным комом старой ваты.

Макс провел губами по сухим, обветренным губам Арина:

С тобой все в порядке, с головой в том числе. В той машине была уникальная система безопасности, тебя просто сильно прижало, и ты потерял сознание от боли.

Пройдет действие лекарств, тумана не будет.

Арин приподнял руку, провел ладонью по лицу и удивленно посмотрел на дрожащие капельки на коже:

У меня слезы текут. Это тоже от лекарств?

Не знаю. Пока ты лежал в отключке, тоже плакал.

Охренеть. Чувствую себя нормально и плачу.

Потом разберемся, что с тобой сделали. Когда все вспомнишь. Шрамов у тебя добавилось, о датчике вообще лучше не вспоминать, но это поправимо. Не думай пока об этом. Хочешь меня?

Арин, бессознательно гладивший зататуированную широкую грудь Макса, вздрогнул, поднял глаза:

Подожди, я не понял, что за машина?

Давай потом, — нетерпеливо сказал Макс, переворачивая его с бока на спину. — Я устал без тебя… Пока ты просто где-то шатался, я был более-менее спокоен, но за это время понял, что тебя нельзя бросать одного. Арин, давай поменяем твою жизнь. Тебе осталось всего четырнадцать дней, но я не могу позволить тебе умереть. Может, хватит приключений? Я знаю о тебе то, что никто не знает, я был с тобой с самого начала. Останься со мной. Не рискуй так больше. Мне без тебя жить невыносимо. Останешься? Закроем эту твою жизнь, начнем новую?

Арин не успел ответить, разомкнул губы, впуская его язык, закрыл глаза, отдаваясь чувству защищенности и ласке сильных

рук, скользящих по его обнаженному телу.

Я никогда не видел раньше твоих слез.

Я никогда раньше и не плакал. И сейчас не плачу, они просто текут.

Арин приподнял ладони, посмотрел на легкую дрожь пальцев:

Да что со мной…

Успокойся, — проговорил Макс, притягивая его ближе, заставляя раздвинуть ноги, гладя узкие бедра. — С тобой больше ничего не случится.

Арин сжал зубы, запрокинул назад голову, простонал:

Больно…

Макс сам почувствовал, что тугие мышцы внутри него напряжены и не поддаются давлению члена, не пропуская глубже. Но удивило его не это, а то, что Арин впервые в жизни пожаловался на боль, раньше он ее не замечал вовсе, чтобы с ним ни делали.

Но отступить Макс уже не смог, слишком сильным было вспыхнувшее желание обладать им снова, сводила с ума давно желанная близость его гибкого тела, его мягкого тепла. Возбуждало выражение его лица — такого Макс еще не видел, — Арин закусил губу, обреченно-ожидающе прикрыл лиловые влажные от слез ресницы. Возбуждало то, как он безуспешно пытается сдвинуть колени, то, как тесным горячим кольцом сжимают член напряженные мышцы.

Тяжелая, неприятная мысль пришла внезапно и заставила Макса, наклонившись, упершись на руки, сильным ударом войти до упора, не обращая внимания на то, что Арин судорожно сжал руки вокруг его плеч и задохнулся от боли.

Только не говори мне, что ты теперь под один член подточен, — глухо сказал Макс ему на ухо. — Раньше тебя устраивало все.

Арин закрыл глаза, разжал руки. Макс увидел, что выражение его лица изменилось — теперь на нем осталась лишь спокойная сосредоточенность. Но о чем бы он ни думал, он здесь, он рядом, его можно целовать, гладить, так же, как было и раньше, когда он был еще худеньким, белокожим мальчиком, умелым и опытным в сексе, доверчивым в душе.

Можно быть с ним… Избавиться от видения скользящих по его телу рук Ская, забыть о том, что в бреду Арин терзался мыслями о нем, часто произносил его имя, спрашивая что-то. Стереть это все, начать новую жизнь с новой ампулы кеторазамина.

С ним что-то не так, это ясно, шрамы на животе, боль,

которую он ощутил от привычного проникновения, — это странно, но узнавать причины не хочется. Иначе он может рассказать что-то такое, что отнимет последнюю надежду на то, что он может быть рядом всегда. А ведь она только появилась, эта надежда. Четырнадцать дней. Его датчик. Кеторазамин.

Его тело под ладонями, затвердевшие соски, влажность гладкой кожи, полувздох-полувсхлип.

Арин, останься со мной…

Останься, дерзкое, неуправляемое чудовище, ироничный, глупый мальчишка, да останься же ты со мной… Зачем тебе боль этого мира, чего ты ищешь? Останься со мной, за мной…

Если я вытащил тебя из резиденции КетоМира, то я обязан нести ответственность за твою жизнь. Я сделал все, чтобы ты умел защищать себя — с тобой не справиться и троим, я учил тебя законам этого чертового города, ты подолгу лежал вечерами рядом со мной, читая что-нибудь, изредка поднимая лохматую голову, задавая вопросы.

Я обдумывал свои ответы, потому что знал, что не имею права солгать, а тебя интересовало слишком многое. То, что касалось людей, их чувств, их судеб.

Самые сложные вопросы в этой жизни — чем живет человек?

Я пытался объяснить, но не смог. Для тебя это было важно, да, Арин? Ты хотел знать, что ты такое, пытался найти в себе черты других людей, создать себя, а в итоге стал таким, какой есть.

И за это я тоже несу ответственность, я не смог указать тебе нужный путь. Я помню тот момент, когда я осознал, что обязан попробовать начать все сначала, дать тебе возможность прожить вторую жизнь, исправить свои ошибки.

Ты пришел домой, небрежно захлопнул дверь, сбросил куртку:

Макс, я тут понял одну вещь. Хочешь, скажу? Пока за секс со мной выкладывают такие деньги, я могу обойтись и без тебя. Все-таки, я не для того вырывался из КетоМира, чтобы остаток жизни провести у тебя под боком. Я хочу чего-то другого, Макс.

Ты лег на кровать, закинув на тумбочку ноги в высоких шнурованных ботинках, заложил руки за голову, повторил тихо:

Я хочу другого…

И тогда я понял, что просчитался, что так и не смог тебе объяснить, для чего ты живешь. А ведь ты просто хотел любви.

Поэтому, останься, Арин… останься… Я еще могу исправить то, что сделал с тобой, я смогу.

Макс сжал зубы, ощутив, как разрывает низ живота жар приближающегося наслаждения, схватился руками за округлые

плечи Арина, подтянулся, входя так глубоко, как это только возможно, прижался губами к гладкой щеке:

Я тебя люблю…

Арин мотнул головой, пряча глаза под яркой россыпью сиреневых волос, и Макс увидел, как потекла тонкая струйка крови из закушенной губы.

Макс не смог увидеть тронувшую эти окровавленные губы снисходительную, жесткую улыбку, его захлестнул тяжелый, пронизывающий насквозь оргазм, заставивший закрыть глаза, содрогнуться и замереть, слушая тяжелые удары собственного сердца.

Арин почти сразу выскользнул из-под тела Макса, поднялся, огляделся, ища свою одежду:

Я возьму что-нибудь из твоих шмоток?

Макс промолчал, наблюдая за ним. А Арин взял со стола сигареты, закурил, продолжил:

Вспомнил. Я все вспомнил. И очень вовремя. Макс, скажи, как ты смог меня найти?

Если я взялся тебя искать, то нашел бы рано или поздно. Ты сам звонил и настаивал на разговоре.

Да, — согласился Арин. — Я хотел, чтобы ты помог мне разблокировать чип. В прошлый раз я не все тебе сказал. Я ушел, потому что был под контролем Ская — ему удалось скачать мой индивидуальный код. Но потом я узнал, что ты один из тех, кто вернулся с последней войны. То есть, справился со своим чипом. И я думал, ты поможешь и мне.

Помогу, — сдержанно ответил Макс.

Не поможешь, — резковато сказал Арин. — Я вспомнил все произошедшее очень хорошо, вплоть до последней детали. И знаешь, что я вспомнил? Я вспомнил того парня, который расстрелял мою… Лию. Два года назад я видел его морду, через тебя он брал оружие. На это тебе вообще будет сложно ответить, любой ответ будет признанием. Так вот, тогда, два года назад, ты сам этого парня не видел, а я видел. Обстоятельства я тебе не расскажу. Я скажу только одно — вы убили человека, который научил меня понимать себя. И я не дам тебе возможности разблокировать мой чип. Я не разрешу тебе продлять мою жизнь. Мне не нужна помощь таких, как ты. Я не собака, чтобы лизаться и визжать от радости при виде гнилых костей. Я просил не лезть в мою жизнь, но ты не стал меня слушать. Тогда мне придется сделать по-другому — я уйду сам и если ты примешься меня искать, залезу в какой-нибудь бункер и проведу там все оставшиеся четырнадцать дней моей жизни. Так что, если не хочешь, чтобы все закончилось так, не пытайся меня искать.

Мне… не нравится такое говорить. Но ничего не поделаешь.

Макс посмотрел, как он одевается, проводил взглядом стройную фигуру, закрыл глаза, услышав щелчок замка.

Арин выбрался на улицу, взглянул на датчик, ускорил шаг, третий поворот налево, знакомый люк, только вокруг, как назло, много людей, придется подождать.

Арин прислонился к стене, сполз вниз, закурил. Макс, Макс, что же ты наделал…

Я не просил о помощи, я ничего не хотел от тебя… Мне было достаточно, что ты есть, что к тебе можно зайти в любой момент, провести несколько часов, глядя в знакомые зеленые глаза. Ты был для меня необходимым, как воздух. Часто ли мы вспоминаем о том, что нам необходим воздух? Только, когда тонем. И я приходил к тебе тогда, когда "тонул", когда задыхался. Я думал, ты останешься моим другом, не будешь мешать мне жить, не попытаешься навязать свои правила. Я был уверен в этом, ведь кому, если не тебе, не знать, что я хотел и хочу со всем разобраться сам!

Любишь меня… Макс, ты меня не любишь, не обманывай себя. Ты любишь Тейсо.

Того, твоего, разумного, улыбчивого. Ведь, по сути, я тогда просто сменил Хозяина, только ты был другим Хозяином. Просто ты учил меня другому, брал меня нежнее, а, по сути, в душе так же хотел меня целиком и полностью и не хотел давать мне права отказаться от этого.

Тебе нужно было, чтобы я стал таким, как ты хочешь, чтобы я стал твоим, остался с тобой. Я вовремя понял, что ты создаешь мне иллюзию свободы, и думал, что вовремя ушел.

Я не смог порвать отношения полностью, я ценил тебя… Я верил тебе.

Больно. Мне больно.

Лия.

Макс.

Мне больно…

Арин разжал пальцы, уронил окурок, поднялся, на секунду согнувшись пополам от боли. Боль резанула по только начинавшим срастаться ребрам и вспыхнула внизу живота, ударила хлестко, резко, растекаясь к бокам. После Ская побаливало там же. Арин переждал приступ, выпрямился.

Тори. Я хочу видеть Тори и остаться с ним, у него, там, внизу, обнимая его хрупкое тело, дыша его дыханием. Он не смог бы меня предать, и я не буду чувствовать боль от его потери — я умру раньше. У меня остался только Тори, наверху мне больше делать нечего.

Арин огляделся, приподнял тяжелую крышку люка, соскользнул в темноту.

Знакомый хруст бетона под ногами, плотная тьма. Из тьмы выплывают яркие, незабываемые образы. Лия. Смеющееся, немолодое лицо, крупные кольца черных волос. Прости меня, Лия… Я пригнулся, я не попал под пули, а лучше бы умер рядом с тобой.

Ты сказала, подарок — это когда понимаешь, что тебя кто-то любит?

Если бы я обнял тебя — это могло бы считаться подарком?

Визг ржавого железа качнувшегося под ногами старого вагона.

Макс. Пристальный взгляд, теплая ласка надежных рук. Мои ночи, мой покой.

Прости, Макс, я не могу иначе. Мне остается только делать вид, что я тебя ненавижу.

Ты сказал, что любишь меня? Тебе я не поверил так, как поверил другому человеку.

Скай. Шлюха я чертова, неисправимая? Странно, но мне хотелось бы услышать это снова.

Но только я больше не выйду на поверхность, я не хочу умирать на руках того, кто знает, что такое смерть. Я хочу умереть у Тори, он не сможет понять, что случилось, ему не будет больно.

Неяркий свет широкой площадки — бывшей залы Мертвого Метро.

Арин сразу почувствовал сладкий до тошноты, отвратительный запах, шагнул вперед, не веря своим глазам.

Весь пол был закрыт неподвижными, раздутыми фиолетово-желтыми телами.

Мученические оскалы распятых в крике ртов, выпученные мутные глаза, скользкие губчатые ямы разложения на вывернутых руках.

Объеденные крысами пальцы, выгрызенные до позвоночников животы, распухшие, в белесой пленке, языки.

И запах, удушливый, вязкий, тошнотворный запах.

Арин споткнулся о чью-то голову, пошатнулся, попав спиной во что-то огромное, пластиково-жесткое, обернулся и не смог сдержать крика, слабым эхом прокатившегося по тоннелям. Прямо перед ним возвышались застывшие, в черных крысиных норках, складки мертвого жира.

Нэнси, — проговорил Арин. — Что случилось? Что тут, твою мать, случилось?!

Ответом ему послужил тихий шорох маленьких лапок, и из

отверстия под полной рукой мертвой женщины выглянула любопытная острая мордочка.

Ах ты, черт… — пробормотал Арин, отступая назад. — Тори.

Лестницу и коридор он преодолел за полминуты, стараясь не дышать, прикрывая глаза от режущих слизистую трупных миазмов, на выходе из коридора споткнулся и покатился по полу, раня руки о колотую плитку.

Открыл глаза, приподнялся и увидел, обо что споткнулся. Снизу на него смотрело глумливое лицо с шариками залитых гнилой кровью глаз, вокруг в неестественном изгибе лежали плети восково-желтых рук.

Арин хотел было отпрянуть, но что-то остановило его. Присмотревшись, он зажал ладонью рот, с трудом справляясь с подступившей тошнотой. В памяти всплыло длинное холеное лицо и тонкие сухие пальцы.

"Тейсо… Помнишь меня, Тейсо… Я хотел, чтобы ты меня узнал, и ты наконец, меня узнал… Я твой Хозяин, Тейсо… Когда умрешь, приходи ко мне, мы славно поиграемся… Ты же тоже скоро умрешь, Тейсо? Я подожду… Поиграем…" Арину на мгновение показалось, что глаз мертвеца игриво подмигнул. Этого он вынести не смог и прокусив ладонь до крови, тихо застонал, ощущая животный ужас и вкус теплой крови.

Не надо… — севшим голосом проговорил он. — Я так не хочу… Не хочу я так умирать! Я не хочу к вам…

Обернувшись, Арину видел, что тяжелая дверь бывшего полицейского опорного пункта открыта. Тусклый желтый свет мигал еле-еле, готовый вот-вот угаснуть:

Тори.

Знакомая комната была пуста. Кровать заправлена, на столе аккуратной стопкой сложены рисунки, рядом несколько закрытых бутылок виски.

Свет мигнул еще раз и сменил цвет на бледно-зеленый, мертвенный, как свет датчика.

Арин понял, что не может больше дышать, тяжелый свинцовый обруч лег на шею плотным кольцом, в глазах поплыли сине-желтые круги, зашумело в ушах.

Подобравшись к столу, он дотянулся до ближайшей бутылки, ударил ее горлышком о край стола и приложил к губам, не заботясь о том, что стекла впились в губы, и вкус виски смешался со вкусом крови и стеклянного крошева.

Жуткий водоворот видений затянул его с головой.

Макс.

Лия.

Тори.

Нэнси.

Скай.

Скай. Вкус виски.

Вкус его губ и сдержанная ласка, спокойные, серые глаза, прокатившаяся по серебристому изображению скорпиона легкая капелька пота.

Хозяин.

Арин откинул опустевшую бутылку, дрожащими руками взялся за следующую.

Макс.

"Арин сам виноват. Я предлагал ему кеторазамин. Интересно было бы узнать, где он умер" Только не здесь, я не хочу умирать здесь.

Лия.

"Невоспитанный ребенок, если бы не ты, я могла бы жить дальше. Думаешь, ты хорошо поступил?" Лия… Лия… Зачем я тогда пригнулся? Зачем?

Тори.

"Ты никогда не давал мне ничего взамен. Зачем ты приходил?" Я… Я думал, так правильнее…

Нэнси.

"Мертвая я стала стройней. Возьмешь меня, миленький мальчик?" Я схожу с ума…

Хозяин.

"Приходи быстрее, Тейсо, поиграем. Помнишь, как нам было хорошо? Поиграем…

Впереди вечность, а мы будем играть…"

Нет! Нет! Нет!

Скай.

"Идиот, прекрати бредить. Выбирайся отсюда" Арин приподнялся, цепляясь руками за стол, автоматически запихнул оставшуюся бутылку во внутренний карман куртки, потянул пальцами тонкий лист бумаги.

Небо. Солнце. Трава.

Тори, я не видел этого мира. Я видел только этот, но и от него ничего не осталось.

Даже меня почти что нет. И не надо. Меня не надо в несуществующем мире.

Арин разорвал рисунок пополам, кинул обрывки через плечо.

* * *

В баре "Ловушка" все оставалось по-прежнему. Так же плыл по

воздуху сладко-горький дым, так же звенели старые игровые автоматы и бегали крутобедрые официантки, еле успевая расставлять по столикам стаканы с синтетическим алкоголем.

Кашель, смех и хриплые голоса наполняли небольшое помещение целиком, на потолке мигали тусклые зеленые и синие осветительные шары.

У стойки хохотали шлюхи, звеня стаканами и каблучками, им вторил жирный бармен, опытным взглядом присматривая себе девочку на ночь.

Арин некоторое время постоял на пороге, не двигаясь, до тех пор, пока его не заметили.

Малыш, — хихикнула одна из шлюх, кидая в стаканчик с коктейлем розовую таблетку.

— Давно тебя не было. Подзаработать пришел? Сегодня богатые дяди сюда не заезжают, неудачный день.

Арин повернул голову, посмотрел ей в глаза, подошел ближе, сел рядом:

У тебя есть деньги?

Некультурный вопрос, — надула губки шлюха. — Тебе-то какое дело? Нужны деньги — работай.

Арин опустил руку вниз, провел пальцами по бедру, в полумраке сверкнул сталью тонкий клинок, и шлюха отчаянно завизжала, дергая прибитую к столу стилетом ладонь.

Ты охренел? — заревел подошедший бармен. — Малолетка чертова!

Арин поднял на него спокойные глаза, свободной рукой подтянул к себе стакан с недопитым коктейлем.

Бармен помедлил:

Сколько тебе осталось?

Я уже умер, — ответил Арин. — После полутора литров виски не живут.

Ясно. Ладно, похороним тебя за счет заведения. Что будешь?

Все, что горит. Сюда раньше приходила девчонка, Шейла. Не знаешь, где она?

Ее убили, — вмешалась в разговор сидящая по другую сторону от него бритая наголо девушка со сверкающей мешаниной легких колечек пирсинга по всей коже головы. — Какая-то сука пристрелила ее. Жаль. Хорошая была девчонка и всегда знала, где взять "колес".

Арин то ли всхлипнул, то ли засмеялся, прикусил зубами край поданного ему стакана:

Я не буду спрашивать, как тебя зовут. Все, чьи имена я знаю, умирают. Смерть ходит за мной и составляет списки. А я на закуску.

Бармен жестом показал девушке, что разговаривать с Арином сейчас бесполезно, но та все же спросила:

Что собираешься делать? Если тебе так нужны деньги, то я знаю человека, который может их тебе дать. Ты очень красивый мальчик, ты ему понравишься. Хочешь?

"Шлюха ты чертова, неисправимая" Мне однажды было просто хорошо. Без денег, — сказал Арин задумчиво.

Девушка засмеялась:

Ну, это редкость, считай, что тебе повезло. Просто помни об этом, и все. С мужчиной или женщиной?

С ним, — ответил Арин. — Но теперь все мертво. И он, наверное, тоже. Пойдем к этому твоему человеку, надеюсь, ему будет по хер, что я пьяный настолько, что забываю, как меня зовут, и он не сбросит цену. Мне нужно денег на две недели бессознательного состояния. И больше ничего.

Пойдем, — кивнула девушка и поднялась. — Вроде бы он не извращенец, можно не бояться.

Арин отставил стакан, сжал руками виски.

"Шлюха ты чертова, неисправимая. Если бы ты знал, что ты творишь…" "Но я тебя люблю" "От тебя пахнет небом" "После твоих операций…" К черту все это, — сказал Арин, поднимаясь. — Только не говори мне своего имени.

Это как мертвая метка на коре мертвого дерева.

Хорошо. А тебя как зовут, можно узнать?

Тейсо, — помедлив, ответил Арин.

Часть 17

Серые, запутанные улицы сменялись одна за другой, в этом районе не было реклам, не было магазинов, клубов и баров.

Мертвые районы Тупиков, старые, нежилые дома. Бетонные коробки, аккуратные прорези узких окон, стальные двери — все сохранилось в полном порядке, но люди здесь не жили и даже бродяги обходили этот район стороной и не пытались остановиться на ночлег в пустынных гулких комнатах. Но никого это не удивляло — таких мест в городе было много, они отторгали от себя человеческое тепло так уверенно, что никто не решался нарушить их покой.

Поговаривали, что в таких районах процесс самоликвидации ускоряется, но это было всего лишь слухом.

Арин таким слухам не верил, но раньше тоже никогда сюда не забирался — лабиринты узких улиц казались призрачными изгибами судеб мертвых, безмолвный пластик и бетон излучали угрозу.

Девушка тоже шла не очень уверенно, видно было, что ей не по себе. Она часто оглядывалась по сторонам и нервно покусывала тонкие губы.

А на одном повороте и вовсе остановилась в нерешительности, словно раздумывая, куда идти дальше.

Арин прислонился к стене дома, вытащил из кармана пачку сигарет, закурил, задумчиво глядя, как растаяли в сером тумане взметнувшиеся от кислого ветра оранжевые искорки.

Тейсо.

Чего тебе?

Здесь иногда бывает опасно. У тебя есть оружие?

Арин помедлил, откинул окурок:

Есть.

Это хорошо, — улыбнулась девушка, и настороженный огонек в ее глазах пропал. — Пойдем, осталось несколько кварталов.

Гулкие шаги по растрескавшемуся асфальту, пыльные обрывки каких-то газет, над головой осточертевший кусок треснувшего, задымленного купола. Арин на секунду вывалился из реальности, поплыли перед глазами стены, и перед глазами появились костлявые тонкие дрожащие пальцы.

Твою мать, — дернулся он. — Подожди…

Девушка остановилась, в недоумении глядя, как он закрыл глаза руками и замер, тяжело дыша.

Ты чего?

Заткнись, — глухо ответил Арин.

Под ладонями вспыхивали яркие зелено-алые блики, резали глаза, а сквозь них пробивались все те же сухие белые пальцы. Арин почувствовал легкое касание к своей коже и закусил губу, поняв, что не чувствует руки — онемение разлилось от локтя и ниже, тугим болезненным кольцом охватив запястье.

Ты или перепил или умираешь, — тихо сказала девушка. — Никогда такого не видела.

Мне так тебя жаль… Такой красивый мальчик, такая ранняя смерть.

Его еще рано жалеть, — раздался рядом спокойный, приятный голос. — Пока что он себя чувствует неплохо, и у него еще есть время, время на то, чтобы исправить ошибки. Долго, Харона, очень долго. За опоздание получишь только половину дозы.

Арин не сразу отнял ладони от лица, внезапно вспыхнувшая догадка заставила замереть, выкроить время на то, чтобы обдумать случившееся. Нескольких секунд хватило для того, чтобы прояснилась голова, исчезли разноцветные вспышки, и даже мертвые пальцы перестали гладить заледеневшую кожу руки.

Потом, подняв голову, Арин увидел человека, черты которого отпечатались в его памяти два года назад и навсегда. С тех пор он почти не изменился, то же красивое, правильное лицо, которое портила только жесткая складка губ и неприятное выражение внимательных синих глаз. Так же аккуратно лежат черные гладкие волосы, так же идеально сидит на сухощавом, сильном теле безупречно аккуратная одежда.

Так же небрежно держит в руках винтовку, прислонив ее к плечу.

Арин проследил глазами за тем, как Мэд встряхнул небольшую коробочку, высыпая на подставленные чашечкой ладошки Хароны разноцветные таблетки, потом проводил взглядом девушку. Та, улыбнувшись извиняющееся, быстро пробормотала: "оружие есть", сунула таблетки под пластиковую стоечку еле прикрытого сетчатой майкой, бюстгальтера и, развернувшись, побежала по улице прочь, стуча каблучками.

Мэд тоже посмотрел ей вслед, лениво перекинул оружие в другую руку, наклонил голову, прицеливаясь:

Даже не знаю, как будет лучше. Пристрелить ее сейчас или пусть сдохнет потом от передозировки? Концентрация кислоты в этих таблетках в двадцать раз превышает норму.

Пристрели, — коротко ответил Арин, вспомнив, как однажды в баре "Ловушка" от передозировки кислоты умирал мальчишка лет одиннадцати — медленно ползущие через рот отравленные

вспухшие внутренности, липкие ленты кишков, дымящиеся на залитом кровью столе.

Мэд посмотрел на Арина, снял пальцы с курка, улыбнулся:

За ошибки нужно платить. Пусть платит сполна. Тебе тоже придется оплатить свои ошибки. Не боишься?

Арин опять почувствовал неприятную, тянущую боль в запястье, поморщился, потер руку:

А ты за свои платить не собираешься? Насколько я помню, твои замашки тоже далеки от идеалов.

У каждого есть слабости, — отозвался Мэд. — Главное — уметь избавляться от последствий.

Тогда ты от меня не избавился.

Правильно, — согласился Мэд, — Свою роль сыграла моя интуиция. Я так и знал, что за тебя можно будет что-то получить, и просто решил подождать. В этот раз я тебя тоже убивать не собираюсь. Через три часа тебя заберут отсюда, попадешь в свою привычную среду обитания, к хозяину. Будем считать, что этим я покрою свою слабость, воспользовавшись твоей. Пойдешь сам или тебя нужно вести под прицелом?

Я пойду, — сказал Арин. — Об этом можешь не беспокоиться.

Мэд кивнул, еле заметная улыбка скользнула по его губам.

Арин провел рукой по глазам, тронул пальцами виски — голова болела так, будто кто-то насаживал ее на раскаленный прут.

Мэд заметил это движение:

Я ожидал, что ты будешь орать, кидаться на меня или попытаешься сбежать, но, видимо, тебе не до этого. Совсем плохо, да? Кстати, я могу извиниться перед тобой за несколько смертей. Люди же должны прощать друг друга? Так что, прости меня за смерть этой твари-медика. За смерть юной шлюхи. За смерть поисковика-неудачника. Думаю, мы замнем эти недоразумения и помиримся. Трех часов на это хватит.

Говоря это, Мэд внимательно наблюдал за реакцией Арина, ненасытная жажда обладания чужой болью грызла его изнутри, и только боль этого мальчишки могла ее сейчас утолить.

Арин отвел глаза, опустив пушистые лиловые ресницы, но потом поднял голову, и Мэд увидел, что в искристой глубине его взгляда ничего не изменилось, лишь проступило отчетливо-насмешливое выражение:

Да мне все равно, — тихо сказал Арин. — Хватит уже трепаться, три часа так три часа. Пошли. Надо же тебе удовлетворить свои потребности, ты сейчас похож на мудака со спермотоксикозом, который пытается передо мной оправдаться. Смотреть тошно.

Хорошо, — медленно ответил Мэд. — Тогда, чтобы тебе не было тошно, будешь смотреть на меня глазами Тейсо.

И снова ему не удалось увидеть в глазах Арина боль, тот только пожал плечами, ответил коротко:

Обойдешься.

Ты еще сам меня попросишь затянуть на тебе ошейник.

Посмотрим. Посмотрим, мне терять нечего, кроме самого себя, и я бы согласился на это, но не перед тобой.

Мэд развернулся, пропустил Арина вперед, и пошел по улице, сжав зубы.

Непреодолимая тяга, выматывающее чувство пустоты — его можно погасить только чужой болью, только чужими страданиями, но парень, видимо, совсем сдвинулся и не понимает, что ему грозит, и что произошло, поэтому вытянуть из него желанные слезы или раненую ненависть невозможно. Но он глубоко ошибается, если думает, что сможет остаться непокоренным, в конце концов, его можно будет потом вышвырнуть, как мусор, кинуть в руки псам КетоМира, которым все равно, в каком состоянии он будет, лишь бы был жив и смог рассказать то, что они хотят узнать.

Мэд остановился возле стальной тяжелой двери одного из домов, прежде чем открыть ее, взялся руками за плечи Арина, провел ладонями по груди, расстегивая многочисленные замки ремней, по бедрам, разжимая стальные клепки, удерживающие блоки-носители клинков на кожаных штанах:

Тебе это не нужно.

Убедившись, что оружия у Арина не осталось, он провел пластиковой картой по горящему мутно-зеленому огоньку индикатора и распахнул дверь.

Вперед.

Арин прошел внутрь, окинул взглядом помещение. Невысокий потолок, серые стены.

Холодное мигающее освещение, затянутая предохранительной пленкой кровать, гладкий пластиковый пол. На столике в центре комнаты выключенный компьютер, жирная чернота ствола "береты", россыпь таблеток и боевой нож с тускло мерцающим широким лезвием. Рядом с ножом серебристая фляга.

Арин подошел ближе, зная, что каждое его неверное движение может привести к пуле в спину — он сомневался, что для Мэда так важно обещание людям из КетоМира, и знал, что договор с ними не повлияет на его решение об убийстве, поэтому просто снял со столика фляжку и сразу отошел.

Без кислоты? — спросил он, откручивая крышку.

Просто коньяк.

Арин глотнул едкую на вкус жидкость, закрыл фляжку, отложил в сторону.

Поднял голову, и Мэду наконец, удалось увидеть темную, застывшую тоску в его глазах.

Мне больше ничего не остается, кроме как узнать смысл одного подарка, — сказал Арин. — Поэтому ошейник на себя я тебе одеть не позволю. Что бы ты ни делал. Все остальное — пожалуйста, мне все равно.

Мэд не стал вникать в смысл этих слов. Его моментально возбудила тень той боли, которую он так стремился впитать, поэтому, не раздумывая, он шагнул вперед, взяв со стола боевой клинок, и, заставив Арина откинуться назад, сначала коснулся губами мягкой кожи, под которой бился лихорадочный пульс, а потом сжал зубы, прокусывая эту кожу.

Арин безразлично повернул голову, закрыв глаза, раскинул руки, демонстрируя незащищенность.

Открой глаза и смотри на меня, — приказал Мэд.

Арин улыбнулся снисходительно, чуть дрогнули лиловые ресницы, но глаз он не открыл.

Тогда Мэд рванул плотную ткань его водолазки, обнажив грудь и живот со следами от свежих швов, посмотрел на припухшие, незажившие еще до конца, аккуратно стянутые шрамы.

Семь швов, — сказал он. — У тебя семь шансов на то, чтобы остановить меня, попросив себе ошейник. После седьмого шансов выжить у тебя уже не будет.

Холодный клинок скользнул под ремень штанов Арина, и Мэд, поставив нож ребром, рванул лезвие на себя, разрезая плотную ткань.

Раздвигай ноги.

Ага, — лениво отозвался Арин, разводя колени, открывая глаза. — Слюнями не захлебнись, извращенец. Борец за идеалы, мать твою… Как там было сказано в прошлый раз? "Мне приходится потакать своим слабостям, иначе я бы сошел с ума и не смог бы очищать этот мир"?

У тебя хорошая память, — ответил Мэд, проталкивая пальцы в тугое колечко мышц. — И тело шлюхи. Тебя даже это возбуждает.

Арин поморщился:

Рефлексы.

Животные рефлексы, — Мэд свободной рукой взялся за нож, приложил лезвие к шву под ребрами Арина, точно к тонкой розовой полосе шрама. — Считаю до семи. Раз.

Лезвие хищно впилось в дрогнувшую плоть, распластывая

недавно зажившую рану, разрывая сросшуюся нежную кожу. Одновременно Мэд нажал пальцами на знакомую ему точку внутри и ощутил дикий, неконтролируемый прилив желания. Боль, которая заставила Арина выгнуться и застонать, боль, которая обесцветила его губы и стерла выражение осмысленности с его глаз, эта боль оживляющей волной полилась в душу наемника, заполняя гулкую пустоту. Любимое ощущение, самое нужное ощущение, то, без которого жизнь становилась проклятием.

Арин попытался оттолкнуть лезвие, взявшись руками за режущую кромку, но Мэд дернул клинок обратно, полосуя его пальцы до кости:

Тебя спасет ошейник.

Нет, — еле слышно проговорил Арин, зажимая руками открывшуюся рану.

Два.

Второй шов поддался еще легче, брызнули, поднимаясь из глубины, тонкие струйки крови, затопляя разрез.

Боль. Сладкая обволакивающая истома, пьянящий запах крови, будоражащий вид вывернутого мяса. Без этого жить невозможно. Так уж получилось, что без этого жить невозможно. Тебе, Арин, помогут крик, стон, и просьба. Попроси меня сделать тебя животным и останешься жив. А пока спасибо за твою боль, за твою судорогу, за твою кровь, за твою муку. За твой страх.

За то, что сопротивляешься, за то, что я могу видеть, как льется кровь из глубоких ран, стекая по обнаженным бедрам. За глаза, в которых плескается невыразимое страдание, за твое упорство. Твоей боли мне хватит надолго.

Мэд приподнял Арина за плечи, встряхнул, не давая ему потерять сознание:

С тебя всего одна маленькая просьба. Попроси меня сделать тебя животным. Попроси тебя трахнуть.

Арин отрицательно мотнул головой и попытался закрыть живот руками.

Три.

Больно… Боль крошит сознание на куски, раздирает хищными костлявыми пальцами мягкую плоть, жрет мышцы, прожевывая тупыми беззубыми челюстями кровоточащее мясо, смакует каждый нерв, каждую клетку.

Не видно ничего, что-то плавает перед глазами, какие-то слизистые плети, среди которых задыхаешься, а они лезут внутрь живота и путаются во внутренностях, раздвигая их, устраиваясь там поудобнее, словно змеи.

Вкус коньяка на губах, нужно проглотить, иначе…

Четыре.

Больно! Я видел чужую руку на своей руке. Кто-то мертвый трогал мою руку. Зачем она ему? Больно… Змеи обрастают шипами, разевают пасти и принимаются кусок за куском медленно заглатывать меня, цепляясь ядовитыми иголками зубов за незажившие еще разрезы.

Жгучий вкус… Опять коньяк. Захлебнусь же…

Пять.

Муть на мгновение проясняется. Перед глазами красивое лицо с безумными, широко раскрытыми синими глазами, в глубине которых плавает желеобразная масса животного желания. Больно… Я не выдержу… Попросить… ошейник. Странно, кто-то за меня уже ответил — "нет", а значит…

Шесть.

Больно, черт возьми… Я не могу… Я не могу больше… У меня только один выход, другого не дано, иначе боль сожрет меня целиком, переваривая, разъедая кислотой, меня, еще живого… Я же не могу… Я же… Живой.

Лия, я живой…

"Зачем тебе быть тем, кем ты не являешься? Зачем тебе быть ненастоящим, невоспитанный мальчишка? Арин, не надо. Не умирай. Подожди немного, не умирай" Что же мне делать? Что мне делать, скажите кто-нибудь, иначе я не выдержу…

"Выдержишь, придурок. Питомец из тебя никакой. Решай сам. Я тебе не советчик" Пить… Я хочу просто воды. Коньяк, жгучий, мерзкий вкус.

Семь.

Мэд, одурманенный гонкой за чужой болью, возбужденный до предела, уже не осознавая, что делает, услышав сдавленное "нет", перехватил запястье Арина, прижал его руку к кровати, сжал пальцами, легко и умело ломая кость.

Наградой ему был обезумевший от боли взгляд карих глаз и отчаянный крик.

Мало, — сказал Мэд, всаживая клинок ножа между прорвавших кожу белоснежных осколков.

Арин услышал вязкий, мокрый хруст, такой, будто кто-то грызет сахар полным густой крови ртом, увидел, как судорожно сжимаются пальцы наполовину оторванной кисти руки. Увидел и понял, что произойдет дальше. Вспомнил легкие могильные прикосновения неведомого существа к своей руке, вспомнил и все понял.

Все! — закричал он. — Все, я буду твоим животным, трахни меня, затяни ты этот ошейник, я хочу ошейник, все, я прошу! Я тебя прошу!

Мэд не сразу услышал его, возбуждение достигло той точки, когда уже невозможно мыслить ни о чем, кроме как о том, что тело перед ним — бесконечный источник наслаждения, что тело это можно резать, мять, ломать, уродовать, и жить этой невероятно прекрасной болью, пропитанной запахом крови.

Он не сразу услышал эти слова, но, даже если бы услышал, остановиться бы уже не смог. И он не остановился.

Лишь спустя несколько секунд, сняв безумное напряжение движениями ладони на своем ноющем от желания члене, он отбросил нож и устало закрыл глаза.

Пресыщение болью вызвало физическую тошноту, баланс был нарушен, но, раз Арин рядом и еще жив, можно отблагодарить его за доставленное удовольствие и привести ощущения в гармонию. Мальчика надо пожалеть, он неплохо справился со своей задачей, ему пришлось несладко.

Услышав судорожные всхлипывания, Мэд открыл глаза и увидел, что Арин, сжавшись в комок, держится ладонью за залитый кровью локоть. Увидел слезы на красивом лице, отчаяние в блестящих карих глазах. Мягкая нежность пробилась сквозь колыхающуюся жижу чужой боли, наполнившей душу.

Мэд наклонился, обнял Арина:

Не плачь, ты хороший мальчик, ты молодец, все, больше больно не будет. Если хочешь, я исполню твою просьбу за то, что ты для меня сделал. Ты же хотел ошейник?

Мягкими движениями Мэд стер с лица Арина слезы, оставляя на его коже кровавые следы:

Не плачь, все хорошо… Ты мне нравишься, я помогу тебе разрядиться. Хочешь ошейник?

Арин сполз с кровати, упал на колени, опираясь на одну руку, добрался до центра комнаты, согнулся, опустив голову на предплечья. Следом за ним протянулся широкий кровавый след, острый запах снова всколыхнул желание, но уже другое — теплое, нежное.

Мэд поднялся, подошел ближе, взялся руками за его бедра, провел ладонью по гладкой коже. Откровенная поза Арина, подтеки крови на светлой коже, болезненная дрожь его тела — можно начинать заново. С того, что, расстегнув ремень, накинуть петлю на его шею, затянув накрепко, а потом лечь грудью на его спину, намотав широкую кожаную полосу на руку, и пальцами другой руки снова начать ласкать горячую дырочку между его ягодиц, податливую, хорошо смазанную теплой кровью.

Тебе все нравится? — спросил Мэд, прикусывая кожу его шеи под яркими сиреневыми волосами.

Тейсо нравится, — тихо откликнулся Арин.

Мэд всем телом чувствовал его дрожь, но знал, что добавленный в коньяк стимулятор не даст ему потерять сознание, этому способствовал и болевой шок, держащий его организм на последних резервах.

Поэтому он не сомневался, что и в этот раз можно будет довести дело до конца, только теперь можно действовать нежно, в благодарность ему за все произошедшее.

Перевернись.

Арин послушно перекатился сначала на бок, потом на спину, поднял руки, ударившись ими о край столика.

Мэд посмотрел в его глаза, отрешенные, ожидающие, мягкие:

Если я скажу, что лучше тебя никого нет, ты будешь рад?

Да, — просто ответил Арин. — Тейсо будет рад.

Мэд кивнул, сжал пальцами его сосок, провел рукой по мешанине кровоточащих разрезов на животе, цепляя мягкие вывернутые мышцы.

Я тебе скажу, что ты самый хороший мальчик, что я опять тебя хочу, и трахну тебя, если ты попросишь. Тебе приятно?

Тейсо приятно.

Мэд увидел, как дрогнули в смущенной улыбке губы Арина и в который раз удивился результатам дрессировок в "Меньше слов". Искалеченный парнишка радуется тому, что его вынуждают просить о сексе. Но наблюдать за этим интересно, на самом деле, хороший мальчик.

Мэд спустился ниже, облизал кровоточащие раны на его животе:

А что ты мне скажешь, если я скажу, что не только тебя трахну, но и позволю кончить?

Он услышал легкий металлический стук, поднял голову и увидел черный зрачок дула "береты", а над ним ясные, жесткие глаза.

Я скажу — спасибо, — раздельно ответил Арин. — Спасибо, сука.

* * *

Мы его живым не довезем.

Да, жестко с ним… А второй?

Мертв. С дыркой в голове еще никто не жил. Черт, как нам дотащить этого парня, чтобы он не сдох по дороге?

Довезем. Стимуляторы есть. А медики КетоМира вытянут его за день — если он так нужен, на это бросят все силы. Сам знаешь, в КетоМире врачи не для простых смертных.

Да, но такое даже им не исправить.

А какая ему разница? Посмотри на датчик. Скажет все, что нужно и можно усыплять.

Питомец же.

Ладно, ребята, поднимайте его, времени мало.

Часть 18

Скай отшвырнул куртку, закрыл за собой дверь:

Я смог договориться.

Это хорошо, — ответил Тори, не отрывая глаз от монитора. — Значит, Арин будет жить.

Через его плечо Скай увидел на экране легкие дымчатые сиреневые разводы, подкрашенные золотисто-малиновыми лепестками, светлый, жемчужно-нежный рисунок.

Но через секунду Тори, щелкнув по панели выбора цветов, залил его густой чернильной тьмой.

Так со всеми нами, — пояснил Тори. — Со мной. Интересно, как меня убьют. Я пробовал нарисовать свою смерть, но не получается, слишком много вариантов. Я дохожу до боли, а потом уже ничего не могу нарисовать. Смотри.

По новому белому листу брызнули алые пятна, узкие черные штрихи разбили их на капельки, на фоне загорелись серые, плачущие буквы.

Боль, — тихо сказал Тори.

Новый лист. Лимонный морозный узор, припорошенный легкой капелью прозрачных, радужных шаров.

Надежда.

У тебя еще остается надежда? — задумчиво спросил Скай, глядя на рисунок.

Нет. Она мне уже не нужна, я сделал все, что мог. Ты видел одиночество?

Не дожидаясь ответа, Тори сменил цвет фона на мониторе, щелкнул мышкой, отвел руку, и среди серых разводов вдруг появилось безглазое, мертвое лицо с толстыми вывернутыми губами.

Ждет.

Клик и в узком лбу появилась рваная дыра, за которой наметились густые извилины мозга.

Одиночество, — повторил Тори.

Скай вдруг снова ощутил то самое неприятное чувство, которое появилось впервые еще тогда, когда он увидел Тори впервые — тоненького белокожего мальчика с глазами цвета погибших цветов.

Найти его в Мертвом Метро оказалось делом несложным, учитывая, что Арин дал основной ориентир, упомянув залу Братства Воды. Пробраться к опорному пункту, где в одиночестве проводил дни и ночи Тори, тоже было несложным. Гротескные тени и изуродованные химическими отходами люди — сплетения

беспомощных калек, — Скаю помешать не могли. Держа пистолет наготове, он прошел сквозь залы и коридор, почему-то представляя себе, что идет след в след по пути Арина, который спускался сюда не раз.

Кодовый замок на двери пришлось взламывать, вскрыв его, Скай ожидал увидеть кого угодно и что угодно, но никак не красивого хрупкого мальчика. И он не ожидал, что придется посмотреть в такие глаза — желто-фиолетовые, внимательные, полудетские.

Ты тоже хочешь жить? — спросил тогда Тори.

Скай опустил пистолет, прислонился к холодной стене. Тогда он впервые ощутил это. Неприятный холодок страха, страха перед чем-то чуждым, неведанным. Перед тем, что смотрело на него из глубин мягких зрачков. Перед тем, что он, этот мальчик, имел власти больше, чем все люди мира вместе взятые, мог все и ничего не мог. Он не мог ничего, погребенный под толщей породы, выбравшийся из ада, потерявший разум, знающий только одно — как выглядит одиночество.

Сейчас вновь всплыли отголоски испытанного тогда страха.

Тори, словно почувствовав это, закрыл программу, и монитор привычно засветился уютным синим светом.

Скай, — тихо сказал он. — Выполни одну мою просьбу.

До следующего утра, до указанного заказчиком часа еще оставалось время, поэтому Скай, выслушав его, кивнул. Можно. Это можно сделать. Сумасшедшая прихоть сумасшедшего мальчишки, обреченного на смерть.

В машине Тори прислонился лбом к окну и сжался в комок, его губы припухли, растрескались, густые болезненные тени легли у уголков потускневших глаз, от теплого, еле различимого дыхания на стекло ложилась прозрачная дымка.

Скай старался не смотреть на него, внимательно следя за дорогой.

Тяжело. Я никогда не поддавался противоречивым чувствам, я всегда знал, что делаю и чем мне придется за это расплатиться. Как же они похожи. Питомцы. Яркий, дерзкий Арин, резкие движения, зажившие шрамы на гладкой коже. Беззащитный, белокожий Тори, открытая рана, горячий пульс рваных тканей под металлическими клепками. Разные? Нет, одно и то же. Одно и то же — жертвы самих себя, сломанные игрушки, пиратская версия жизни, списанная с лицензионных дисков, демо-версия.

Поиграй в него. Научить? Затяни на нем ошейник, вот так, правильно… Выбирай режим. Не бойся, им легко пользоваться, стоит только начать. Попробуй. Вот так.

Выбираем — "любовь". Видишь, любит. Ладно, разбирайся,

потом вернешь. Но учти, если что-то пойдет не так — можешь просто выкинуть диск, это демо-версия, всякое может случиться. Просто выброси его.

Скай, не глядя, взял с приборной доски зажигалку, закурил.

Впереди уже наметились туманные вышки аэродромов, укрытых тяжелым сырым туманом.

Тори, эксперимент, который над тобой провели — он оказался удачным?

Тори долго молчал, потом ответил вполголоса:

Нет. Ни один из этих экспериментов удачным не был, и я не исключение. Поэтому, то, о чем ты сейчас подумал — бессмысленно.

Скай остановил машину, открыл дверцу, вышел наружу. Ветер выл над бетонным крошевом взлетно-посадочных полос, вдали тускло горел единственный уцелевший маяк, кладя жирные желтые пятна на сизую мглу.

Тори стал рядом с ним:

Свобода.

Свобода. Грязная пустота проклятой ночи — свобода.

Визг проржавленных балок, гулкое эхо, хруст разбитого стекла. Тори вдруг взялся теплой ладонью за руку Ская, медленно, держась крепко, опустился на колени.

Ветер взметнул рассыпавшиеся по его щекам волосы, скрыл затуманившийся слезами обреченный взгляд.

Осторожно отпустив руку поисковика, он наклонился ниже, упершись ладонями в бетон, и Скай увидел прозрачные капельки на сером покрытии. Слезы.

Вслед за слезами на бетон полились тяжелые густые капли яркой крови, алыми звездами ложась на грязную поверхность.

Вздрагивающие согнутые плечи, уже несдерживаемый плач, громкий, в голос.

Скай отступил в машине, вытащил из кармана куртки вторую за день пачку сигарет.

Каким бы странным ни было последнее желание ребенка, оно важнее всего в этом мире, даже если он попросил лишь полежать на пустом аэродроме. Даже если он хотел всего лишь лежать так, кусая губы, задыхаясь под потоками соленых слез.

Даже если под ним расплывается лужа крови, а ветер заглушает бессвязные слова и надрывные стоны.

Кем ты был, Тори? Кто знал, чем ты жил? Кто когда-нибудь спрашивал тебя, чего бы ты хотел? Этого уже не узнать. Уже не узнать того, что творилось в твоей голове, что случилось с демо-версией игры, поверх которой на диск были записаны неработающие программы. Уже никогда не узнать, о чем ты

думал, проводя ночи в одиночестве под прессом многотонного подземелья, не узнать, плакал ли ты, когда просыпался один и брался за бумагу, пытаясь нарисовать то самое небо, но рисуя лишь одиночество и боль. Не узнать, верил ли ты Арину, и что он был для тебя?

Ясно только одно — тебе всегда приходилось его ждать, и ты ждал.

Когда перед тобой закрывается последняя страничка книги, которую сразу же после этого бросают в огонь, можно уловить лишь несколько слов, но смысла уже не понять.

И здесь уже ничего не исправить, приходят такие моменты, когда знаешь — отступать некуда. Позади смерть и боль, позади ошибка на ошибке, позади холодное тело немолодой женщины, и карие блестящие глаза еще живого человека, того, кому была обещана жизнь. И нет времени, и нельзя вырваться из этого замкнутого круга.

Есть ночь, аэродром, кровь на бетоне, Тори. Ключ к разгадке, снова лишь приспособление, снова лишь игрушка, оказавшаяся в нужном месте в нужное время.

Может, от этих слез ему легче…

Может быть. Скай вложил пачку обратно в карман, прислушался. Тори затих и уже не двигался. Подойдя ближе, Скай понял, что он без сознания. Глаза закрыты, слипшиеся мокрые ресницы, влажное лицо. Где-то высоко грохнул, лопаясь, обгорелый пластик купола, и что-то заверещало в черной мгле, протяжно, истерично. Неживой, искусственный звук сирен.

Скай приподнял Тори, прижал его к себе, не заботясь о том, что по светлой куртке тут же поплыли алые подтеки, и увидел в глубине узкого разреза мягкое биение пульсирующих тканей.

Вернуться назад удалось без происшествий, уже в машине Тори пришел в себя и до самого утра не сомкнул глаз. Его трясло, обезумевшие зрачки расширились, потеряв цвет, став белесыми провалами, цвет слинял и с радужки, оставив лишь мутноватую мглу. Скай положил его на кровать и долго сидел рядом, молча, куря сигарету одну за одной.

И только, когда утренние призраки наполнили комнату, услышал его тихий голос:

Ты тоже думаешь, что я сумасшедший?

Тебе это важно?

Важно. Я не сумасшедший. Пусть хоть кто-то об этом знает. Я очень хотел, чтобы жизнь вернулась. Но она никому не нужна. Поэтому я хочу умереть. Мне только интересно, как меня убьют, но главное — чтобы навсегда. Умирают — навсегда?

Живут — навсегда, — сказал Скай.

Я знаю. Из-за этого-то и сомневаюсь. Сколько у меня времени?

Два часа, — ответил Скай, мельком взглянув на часы.

Хорошо.

Тори вдруг приподнялся и, осторожно взявшись за плечи Ская, подтянулся ближе:

Полежи со мной. Мне очень нужно побыть с тобой рядом. Полюбить тебя.

Лежать с ним рядом, чувствуя у своей груди быстрое биение его сердца, было тяжело. Было тяжело ощущать под руками тонкие косточки его ключиц и думать почему-то только об одном — что же ты наделал, Арин? Ты заставлял его жить, ты выматывал из него эту жизнь, потому что только ради тебя он оставался в своем маленьком мире, в путанице своего болезненного сознания, в своих стенах. Ты приходил к тому, кто уже давно разочаровался в своем существовании и хотел лишь одного — умереть. Но он не мог умереть, зная, что ты придешь. Он не мог поверить в то, что был тебе нужен. Единственное, что ему оставалось, его последняя надежда — это твоя ласка, доказательство твоей любви. Ты подменил ее пьяным сексом, но и этого оказалось достаточно для того, чтобы он, наконец, понял, что должен умереть, а я оказался его спасителем, пришел вовремя. Иначе бы он не справился бы с собой и продолжал бы ждать.

Нежные, теплые губы у самых губ, быстрый шепот:

Аэродром. Не забудь. Пожалуйста, не забудь. Хоть что-то… И пусть он выберет сам, не заставляй его жить. Это так тяжело, когда тебя заставляют жить… Если он не захочет, не заставляй. От меня — только аэродром. Если хочешь, расскажи ему все, но не говори, что я не хотел жить. И не говори, что я не сумасшедший — так ему будет проще. Проще понять, что умерло что-то, не имеющее разума, такое, каким он меня считал. Это легче забыть. И еще, потом, когда отдашь меня и заберешь деньги, посмотри там, где сохранены рисунки, есть кое-что для тебя. Но не раньше. Только после того, как меня убьют. Только тогда. У меня получилось тебя полюбить. Это оказалось несложным. Потому что я полюбил тебя не ради тебя.

Тори опустил голову, прижался щекой к плечу Ская.

Время, — коротко сказал Скай.

* * *

Я любил его. Мне ничего больше не оставалось, как любить

его. Он — первое, что я отчетливо помню. Он первый, кто погладил меня по волосам. А еще один раз он разрешил мне с ним спать ночью. Я боялся спать в своей комнате, мне постоянно казалось, что я не один, и что у двери стоит черная безмолвная фигура. Я подползал к двери, проводил рукой перед собой, дрожа от ледяного ужаса, и никого не находил, но стоило мне вернуться назад, фигура появлялась снова. Кто-то стоял у дверей и смотрел на меня. Иногда я не выдерживал и начинал плакать, но пожаловаться Хозяину не мог, потому что жаловаться нельзя. Да я и не смог бы объяснить, чего боюсь. Хозяин сам понял, что мне страшно, что я не хочу отпускать его вечером, стараясь затянуть его ласку, чтобы подольше не выключали свет. Он понял и взял меня на ночь к себе. Я впервые спал не один, и не было никаких фигур, и не было страха. Мне было тепло, и я старался сделать так, чтобы эта ночь понравилась Хозяину, чтобы ему захотелось ее повторить. Потом, когда я стал постарше, мне было разрешено спать у его кровати, но тогда уже не было моих детских страхов. А ту ночь я запомнил навсегда, я тогда был благодарен до слез, я очень его любил.

Еще он был первый, с кем я вышел во двор. Там был настоящий воздух и много света, там было много людей, я знал, что я — для них, но не думал об этом, потому что вокруг не было видно стен. Было страшно, но рядом был Хозяин, и я не стал закрывать глаза, хотя мне обычно не нравилось смотреть на лица тех, кому меня отдают. Я хотел запомнить пространство без стен и боялся потерять Хозяина из виду, потому что думал — вдруг в мире, где нет стен, люди могут пропасть. Я его любил.

Я хорошо помню, как однажды кто-то увлекся, стягивая мне руки за спиной, заставил меня приподняться так, что плечевой сустав не выдержал. Было больно, конечно, но я знал, что со мной так можно, знал, что нужно перетерпеть. Хозяин сначала не обратил внимания на этот вывих, но потом, когда меня оставили в покое, привел мне врача и похвалил за терпение.

Хвалить питомца нельзя, но он меня похвалил, раньше никто никогда не говорил мне хороших слов за то, что я что-то сделал или выдержал.

Так что, я его любил. Все мои лучшие воспоминания детства связаны с ним. Каждый день я ждал его прихода, надеясь на то, что случится еще какая-нибудь невероятная вещь, может, меня возьмут во двор или еще что-нибудь.

Мне нравилось, когда кто-то из гостей Хозяина, лаская меня, возбуждался, а Хозяин не разрешал ему меня использовать. Мне нравилось это, потому что в такие моменты я понимал, что я принадлежу ему, а, раз принадлежу, значит, я ему тоже нужен.

Значит, он тоже обо мне думает. Мне нравилось, когда Хозяин оставался со мной наедине, я видел, что ему грустно и знал, что в такие дни он бывает нежен и не будет причинять мне боль. В такие дни я любил его сильнее всего и надеялся, что эта нежность неспроста, что меня… может… тоже любят?

Я любил его. Я бы никогда не узнал его в том существе из Братства Воды, если бы не увидел его мертвым. Видимо, смерть разглаживает черты лица, и мне удалось его узнать. Он умер. Я не знаю, как он попал в Мертвое Метро, но я точно знаю, что видел его мертвым и понял, почему раньше он просил меня узнать его. Наверное, ему было тяжело видеть меня. Я ведь был нормальным, живым, здоровым, а он превратился в кисель, пропитанный отходами. Но и мне было тяжело видеть его труп. Потому что я любил его.

* * *

Все.

То, что он сказал — правда?

Да. Под воздействием этого препарата он не смог бы лгать. Мне очень жаль, но ваш сын действительно, мертв. Простите, но что дальше делать с питомцем?

Выкиньте его куда-нибудь! Какая мне разница! Соберите полицейский отряд для того, чтобы найти моего сына в Мертвом Метро, а это выкиньте на помойку, это уже никому не нужно.

* * *

Сознание возвращалось обрывочно. Сначала перед глазами возник мутноватый серый свет, потом сквозь него пробились ломаные линии. Тела сначала не было, но потом, когда из мглы выплыли очертания каких-то домов, сразу же навалилась тошнота и резкая боль пробила руку от кисти до плеча, заставив скорчиться. Сдерживая крик, пришлось вцепиться пальцами в землю. Под пальцами левой руки ощущается плотная мокрая глина, а с правой стороны снова эта жуткая, острая боль.

Тошнота.

Грязь и какие-то тени. Где я?

Я жив.

Я еще где-то жив. Нужно подняться, потому что непонятно, где сейчас низ, а где верх, и поэтому так тошнит… Подняться.

Арин попытался перевернуться, но не смог, внезапно увидев

то, отчего он не смог почувствовать землю под пальцами. При умирающем свете датчика багровыми прожилками тянулись от обрубка запястья и выше залитые биопластиком бугристые швы.

Чуть выше висели грязные ленты развязавшихся бинтов.

Прояснившееся было зрение снова дало сбой, остаток руки вдруг распух до невероятных размеров и стали видны вплоть до мельчайшей детали ведущие в тупик вены под прозрачной кожей и черный подтек под округлым кусочком выступившей кости, затянутой плотной пленкой биопластика.

Арин увидел над собой чьи-то изумленные глаза, рванулся с колен, задохнувшись от боли:

Убейте меня.

В чужих глазах появился страх, и человек исчез.

Арин оперся рукой о стену, опустил голову, справляясь с мучительной тошнотой:

Убейте же меня кто-нибудь…

Правильно. Нужно найти кого-то, кто меня бы убил и побыстрее. Улица. Это улица и здесь ходят люди, нужно только найти кого-нибудь… Хоть кого-нибудь.

Собравшись с силами, Арин нашел нужное направление — в конце переулка виднелся желтоватый свет вывески какого-то бара.

Выбравшись из узкого прохода между стен, он наткнулся на высокого подростка в яркой зеленой курточке. От подростка явственно пахло спиртным и сладким дымом синтетического наркотика.

Увидев Арина, он шарахнулся в сторону, но Арин не дал ему уйти, схватившись уцелевшей рукой за его рукав.

Ты можешь меня убить? — коротко спросил он.

Ты долбанутый?

Какого черта? — сорвался на крик Арин. — Какого черта? Ты ничего обо мне не знаешь, ты меня никогда не видел, разве сложно меня убить?

Парень некоторое время постоял молча, сказал тихо:

Хочешь, денег дам? Только иди отсюда, на тебя смотреть страшно.

Пошел на хер, ублюдок.

Арин обошел его, пошатнувшись, выбрался в освещенный круг у самых дверей бара, встретил недоуменные взгляды нескольких пар глаз — проститутки, коротающие время в ожидании барыг наркоманы.

Убейте меня кто-нибудь. Убейте же меня! Вы не понимаете, что значит оказаться ненужным даже тому, кого ненавидишь! Вы не понимаете, что я такое, что от меня осталось… Да помогите

же, кто-нибудь…

Сам сдохнешь, — отозвался женский голос. — Осточертели, уроды пьяные…

Сам. Логично. Так правильней. Что-то сжало легкие изнутри и стало больно дышать, перед глазами запестрели оранжевые круги. Быстрее бы… Только бы дойти до какого-нибудь дома или скоростной дороги.

Улицы, улицы, люди, датчики, тошнота, боль.

Датчики, датчики, люди, улицы, дома. Поворот.

Арин внезапно остановился, прижав ладонь к животу, нащупал под тонкой тканью новые, вспухшие швы. Залатали, снова зашили, иначе как бы я жил?

Улицы? Зелень и туман. Дрожит какое-то гулкое марево в наполненном сладкими запахами воздухе.

Я идиот… Против чего я боролся? Мне было легче быть Тейсо, в нем я скрывался от самого себя, он терпел за меня мою боль, он брал на себя все самое сложное, что мне доставалось в жизни. Я так упорно боролся против него, что даже не понял, что, избавившись от этого, не смогу выдержать жизнь. Тейсо спасал меня, я спасался в Тейсо. Я не научился жить сам, все проблемы я решал только Тейсо. Я убил его и этим убил свою защиту, свой щит. Что я натворил? Что я сделал? И какой ценой я это сделал? От меня ничего не осталось, я предал то, что было мной долгие годы, я лишился руки и всех, кто был мне дорог. У меня еще есть время, но это слишком долго для меня. Я теперь не хочу бороться, мне не для кого и незачем. Тейсо больше нет. Цели больше нет. Убейте меня.

Арин поднял голову и обнаружил, что добрался до западных улиц Тупиков, туда, где за автомобильной свалкой можно было разглядеть вышки заброшенного аэродрома.

Вот оно. Вышки.

Аэродром, Макс…

Теперь я не нужен даже ему, меня нельзя простить… Мне бы придти к нему, спрятать голову на его груди и попросить закончить все это. Мне бы прижаться к нему, мне бы рассказать ему все, что со мной произошло, мне бы… Макс, я не могу этого сделать. Если ты увидишь, что со мной, ты возьмешь вину на себя, а ведь во всем виноват только я. Я, потому что прятался за Тейсо.

Из-за этого погибла Лия, из-за этого исчез Тори. Из-за этого я потерял тебя.

Макс.

Скаю не нравился Тейсо. А то, что осталось от меня, не понравится никому…

Кусок мяса.

Я во всем виноват, я, потому что врал самому себе, бесился и орал, отстаивая свои права на свободу, а на самом деле, в глубине души знал, что не смогу без Тейсо. Я жил за его счет, я бинтовал его раны, я отдавал его, прячась сам…

Лия сказала, что я не должен быть тем, кем не являюсь, не должен быть ненастоящим. Вот я, вот я, настоящий, Лия.

Никто. Быстрее бы умереть. Спасибо, Лия. Я не хочу быть ненастоящим, а настоящим я ничего не стою.

Холодные металлические ржавые пруты под рукой. Арин обернулся лишь раз, заметив стоящую чуть поодаль, скрытую в темноте, незнакомую машину. Вспомнилось, что рядом Тупики и наверняка какой-нибудь парочке некуда приткнуться, вот и пришлось превратить салон в арену для продажного секса.

Продажный секс. Продажная жизнь.

К черту все это. Подтянувшись, Арин выбрался на площадку первого уровня вышки.

Здесь ветер стал ощутимей, холоднее.

Первый шаг. Я бы не вынес, если бы Скай увидел меня сейчас. Я бы не вынес сейчас взгляда Лии — она медик. Я не смог бы придти к Максу.

Вторая площадка, купол ближе, рваная мутная пелена.

Холодно и больно. Если убивать себя, то целиком.

Третья площадка. Высоко. Еще немного, всего пять этажей и мое освобождение. Я так хочу умереть, что чувствую себя почти счастливым. Холодно.

Четвертая. Нет сил терпеть, можно и отсюда, так будет быстрее.

Провал под ногами, скрип стальных тросов и свист безумного ветра, где-то далеко внизу горит мутный свет включенных фар. Интересно, когда я буду лежать там мертвый, они еще будут трахаться? Проверить не удастся.

Все. Хватит.

Хватит.

Хватит.

Арин обернулся и увидел оранжевый огонек сигареты, на секунду осветивший знакомое лицо.

Не подходи, — коротко сказал Арин, пряча руки в карманы. — Скай, не подходи ко мне.

Часть 19

Скай прижал фильтр сигареты губами, поднял глаза.

В черно-серой раме из проржавевших металлических балок фигура Арина, стройная, четко очерченная плавными фиолетовыми линиями, казалась вырезанной из картона.

Скай не видел его лица, видел лишь взметнувшиеся от ветра волосы, опущенные плечи и напряженную, агрессивную позу.

Яркий, жаркий огонек обжег пальцы, и Скай разжал их, роняя окурок на пол.

Где-то далеко внизу грохнула с резким звуком оторвавшаяся пластина железа, в ответ по лестницам вышки прокатилось эхо и, вздохнув, погибло под новым порывом ветра. Это же порыв почти заглушил слова Арина:

Тебе надо уйти.

Да ладно, — ответил Скай. — Я посмотрю.

Он огляделся, сделал несколько шагов в сторону, присел у стены, облокотившись спиной об осыпающуюся бетонную стену, медленно достал из пачки новую сигарету, закурил.

Зачем останавливал? — глухо, с ненавистью спросил Арин.

Скай неопределенно пожал плечами:

Интересно было, что скажешь.

Арин поджал губы, сузил глаза, промолчал.

Развернувшись, он вновь посмотрел вниз. Под ногами ласково подмигивала бездонная сейчас тьма, осязаемая, обманчивая. Ветер ударил в лицо, лишая дыхания, выбив слезы из глаз.

С этой тьмой нужно остаться один на один, забыв о чужом присутствии за спиной.

Здравствуй, моя тьма. Я перед тобой, я твой. Ты знала меня раньше? Ты ползала за мной по пятам, ложась грязной тенью от неоновых реклам, ты касалась липкими пальцами моего лица, когда я сидел в старом авто, закинув ноги на разбитую приборную доску. Ты меня знала. Я тебя не знал, не знал твоего очищающего великолепия. Ты — мой выход…

Сам того не зная, я ждал тебя, моя тьма, ждал, когда вырывался из чужих рук и бил клинком, не жалея. Ждал, когда, облокотившись рукой на стену, пытался протрезветь, подставляя голову под синтетическую воду, льющуюся из пластиковой бутылки. Ждал, когда смотрел на свое расплывчатое отражение в мятых боках сломанного истребителя. Ты меня тоже ждала, да, тьма? Иначе почему ты так ласкова сейчас со мной? Почему твой холод греет, и я вижу в твоей глубине знакомые, ждущие глаза?

Арин вдруг почувствовал тошноту, и только что такая уютная тьма кинулась в лицо, ощерив провал бездонной пасти.

Он отшатнулся, но, собравшись с силами, вновь придвинулся к краю.

Скай опустил голову, следя за ним одними глазами, задумчиво щелкнул зажигалкой:

Непросто, да?

Арин сжал зубы, вспомнив, как искал и жаждал смерти, вспомнив черную глухую тоску, рвущую сердце на части. Ничего не изменилось, все осталось на своих местах, призраки остались призраками, боль — болью. Одиночество осталось одиночеством, датчик все так же мерно отсчитывает часы и минуты. Только теперь за спиной человек, который совсем недавно сказал несколько простых слов.

И теперь этот человек готов наблюдать за тем, как я стою на самом краю. Это не просто край открытого всем ветрам этажа, это край, к которому когда-нибудь придут все. Любой. Это край всего нашего мира, последний рубеж, та тонкая грань, на которой стоим все мы — все. За моей спиной сотни и тысячи людей, и все они, толпясь, глядя тоскливыми глазами, ждут своей очереди. А я всего лишь первый. От меня зависит все, стоит сделать шаг вперед и ласковая тьма раздастся, кроша мои кости. Тогда те, кто стоит за моей спиной, вся эта безликая масса жующих, плачущих, смеющихся, болтающих людей с тоскливыми глазами — призраков этого мира, — все они столпятся у края, жадно глядя на изломанное тело.

Интерес. Вечный интерес живого к мертвым, лихорадочная дрожь от прикосновения к величайшей тайне бытия.

Скаю интересно. Ему будет интересно спуститься потом вниз, подойти ко мне и посмотреть в застывшие, помутневшие глаза.

Интересно искать смысл в мертвых глазах.

Потому что потом кто-то будет искать смысл в твоих. Вечная череда, неразгаданные загадки.

Да хер тебе. Хватит экспериментов. Разбирайся в этом дерьме сам, я не хочу в этом участвовать. Я не хочу стать тем мясом, на котором можно будет с удовольствием рассматривать лиловое клеймо, проставленное фабрикой "Посмотри-Ты-Будешь-Таким-Же", самой пропиаренной фабрикой в мире смерти, которая приходит точно по времени.

Да пошел ты…

Скай, услышав эти короткие слова, поднял голову, увидел, наконец, негодующий, злобный блеск в карих глазах и красивое, искаженное болью лицо. Полный жизни, юной, отчаявшейся, истерзанной, но истинной жизни взгляд. Жизнь — она такая. Ей

тоже тяжело, она тоже иногда рвется к краю, она тоже умеет ненавидеть.

Жизнь не абстрактна, она имеет свой характер и свою душу. Ее не бывает много, она умеет увлечь своим тихим, но настойчивым шепотом. И, как бы ей ни было больно, победить ее зов сложно.

В тебе, гибком, семнадцатилетнем парнишке, жизни настолько много, что даже на грани отчаяния ты не можешь преодолеть ее запреты. В тебе много жизни, Арин, чтобы ты там не думал. Иначе бы ты не вырывался раз за разом из лап смерти, иначе бы ты не смог бы выдержать лечение биопластиком, не смог бы остаться жив после операции.

Чертов мир, проклятый мир. Подойдите, суки, посмотрите в глаза мальчику, которому всего семнадцать лет. Подойдите и скажите каждый — "тебя убивал я".

Признайтесь. Признайтесь, наконец, что убивали его с самого его рождения, с самых ранних лет, по очереди, спокойно, наслаждаясь. Признайтесь и посмотрите в его глаза, кроме ненависти, вы ничего не увидите, но эта ваша ненависть, ваш яд, жрите его, суки и сдохните вслед за ним.

Это и мой яд. Это и моя ненависть. Я тебя тоже убивал. Глупости все это…

Никому не нужные слова.

Слова, ветер и кеторазамин.

Его мысли прервал визг рвущегося металла, на этаж выше, не выдержав порывов ветра, лопнула проржавевшая до язв железная пластина. Скай поднялся, подошел к Арину ближе, стал за его спиной:

Пошли отсюда, хреновое местечко.

Арин медленно повернулся, и Скай понял, что осознавать его слова тот сейчас не в силах — осмысленность исчезла, расширились зрачки, а по коже поползли лихорадочные, красные пятна.

Ладно тебе, — сказал Скай, привлекая его к себе за плечи. — Ты так просто отключишься здесь и свалишься вниз. Самоубийца, Арин, это тот, кто надеется отомстить миру, и не понимает, что миру на него по хер. И это нормально, что миру на нас по хер. Он нам ничего не должен.

Скай почувствовал, как под его ладонями дрогнули округлые плечи и успел подхватить расслабившееся, ставшее безвольным, тело.

Я всегда говорил, что нервы у тебя ни к черту, — отметил Скай, приподнимая потерявшего сознание Арина.

В машине вновь пахло озоном и терпкой хвоей, этот запах

привел Арина в себя.

Приоткрыв глаза, он увидел легкие лучи фар, летящие впереди, освещающие сплошное полотно укатанной дороги. В салоне тоже горел свет, карамельный, рассыпающийся, под пальцами ощущался приятный холодок пластиковых сидений.

Привычная обстановка, привычный гул мотора, что-то вязкое и отвратительное позади, равнодушная пустота внутри.

Скай искоса взглянул на него, снял ладонь с руля, подтолкнул ближе распечатанную пачку сигарет. Пачка скользнула по панели, и Арин рефлекторно протянул руку, но остановился, услышав голос Ская:

Левой, придурок.

Арин поморщился, послушался, зубами вытащил сигарету из открытой пачки, отложил в сторону, поискал глазами зажигалку, не нашел и просто прикусил зубами фильтр.

Приехали.

За окном виднелась знакомая стоянка, крытая грязноватым полупрозрачным пластиком, за ней возвышалась громада многоэтажного дома-улья.

Это же твой дом, — неуверенно сказал Арин, приподнимаясь, чтобы протиснуть руку в узкий карман джинсов. — Разве все кончилось?

Твоими стараниями — да. Выходи.

Под треснувшей рваниной купола на этот раз виднелись оранжево-дымные всплески, томящиеся над южной частью города. Откуда-то веяло горелым, дымным, горьким.

Что там? — тихо спросил Арин, найдя, наконец, зажигалку, закуривая на ходу. — Не молчи, я себя и так идиотом после всего этого чувствую.

Да так и есть, — откликнулся Скай, открывая тяжелую подъездную дверь. — Потом расскажу. Только без истерик. Будешь пытаться сброситься с балкона моей квартиры — сам выкину на хер и жалеть не буду.

Не буду я… — хмуро ответил Арин. — Обойдешься без такого удовольствия.

Скай ответил не сразу, только в лифте, скользнув взглядом по склоненной устало лохматой голове, подрагивающей руке, которой Арин уперся в стенку, проговорил:

Просто опять пошел наперекор?

Нет.

А сейчас?

Сейчас — да.

В огромной квартире все осталось по-прежнему, так же тускло, раздвигая пространство, светились ртутно-серебристые

зеркала, те же прямые линии, неглубокие ниши с встроенными полками и одна, побольше, полукруглая. В ней стоял стол, на котором горел мягким синим светом работающий монитор.

Первым делом Скай снял с одной из полок аптечку, кинул на кровать упаковку бинтов и несколько инъекторов. Следом легли маленькие серые коробочки.

Иди сюда. Если ты еще не понял, в тебе наркоты сейчас больше, чем во всех твоих подружках вместе взятых. Отпустит — будешь выть от боли.

Арин приподнял руку, посмотрел на розовые бугристые шрамы, стянувшие обрубок запястья, подумал немного, но все же лег, повинуясь указующему кивку Ская.

Я так понял, ты его убил, — сказал Скай, закатывая рукав его водолазки выше.

Да, — помолчав, ответил Арин.

Первая твоя заслуга. Об остальном потом.

Арин почувствовал его пальцы на своем предплечье, и в глубине души шевельнулась тревога. Странное ощущение — страх, отвратительный, практически паника.

Тихо, — сказал Скай, проталкивая иглу инъектора под гладкую кожу. — Я тебе ничего не сделаю.

Вслед за короткой болью по руке разлился приятный холодок, и жгучие стальные веревки боли, опутавшие запястье, ослабли.

Скай провел рукой по его плечу:

Снимай.

Арин приподнял край водолазки, неловко потянул плотную ткань вверх, изогнувшись, пытаясь высвободиться из одежды. Удалось это не сразу, мешал высокий и узкий воротник, а левая рука слушалась плохо. Лишь через полторы минуты, разозлившись, Арин дернул сильнее и откинул водолазку в сторону. Под неярким светом вмонтированных в потолок и стены ламп легким серебристым светом засияла гладкая кожа, испещренная неровными, свежими шрамами.

Скай скользнул взглядом по его животу, протянул маленькую круглую коробочку:

Бесконтактный биопластик. Больно не будет.

Отдав коробку Арину, он поднялся, пересек комнату и остановился перед компьютером, наклонился, упершись руками в стол, тронул пальцами мышку.

Арин проводил его взглядом, посмотрел на коробочку. Завинчивающаяся крышка.

Пришлось приложить коробочку к сгибу локтя и попытаться открыть другой рукой.

Удалось не сразу — прижатая к груди, плотно закрытая крышка не хотела проворачиваться. Повозившись с полминуты, Арин нашел другой выход и, с силой прижав крышку боком к плечу, нажимая, провел коробочкой ниже. На кровать высыпались тугие пластиковые шарики, наполненные бесконтактным биопластиком.

Давай быстрее, — сказал Скай, не отрываясь от монитора.

Арин приподнялся, прижал к животу хрупкие шарики. Те, лопнув, моментально растворились в рваных линиях швов. Перетерпев колючую, обжигающую боль, он встал, прошел по комнате, остановился за плечом Ская.

Смотри, — сказал поисковик, открывая запароленную папку на рабочем столе.

По монитору сначала побежали кривые полосы, но потом, дрогнув, установилась четкая картинка.

"КетоМир — за что они платят" Знакомый двор, накрытые столы, тяжелая изумрудная зелень бутылок с элитным спиртным. В центре двора, в окружении дорого одетых людей, в тонкой стальной сети детское обнаженное тело в росчерках тонких ран.

Картинка снова сменилась яркой надписью.

"КетоМир — цена за жизнь" Вывернутые хрупкие запястья, светлые слезы на искаженном страданием лице ребенка лет четырех, кровь, льющаяся по белой нежной коже бедер.

"КетоМир — монополист-убийца" Машины, заполненные восковыми изломанными телами. Крупный план — посиневшие пухлые пальчики. Резкий окрик. Крупный план — открытые зеленые глаза. Крупный план — обрубленные по колено ноги с лохмотьями обескровленного мяса.

"КетоМир — взгляд изнутри" Улыбающееся холеное лицо, поставленный, звучный голос:

Большинство доходов от продажи кеторазамина идет на содержание детских домов и спонсирование инъекций для так называемых детей-отбраковок. Наша компания находится в тесном содействии с государством, и мы считаем своим долгом сохранять жизни будущих работников и просто граждан страны.

Холодные комнаты, железные прутья, непонимающие глаза, бессвязная речь. Питомцы.

"КетоМир — источник основного дохода" Операционные, сосредоточенные лица хирургов, хруст под мелкозубчатыми пилами.

Контейнеры, наполненные отрезанными конечностями. Робко улыбающаяся из-под прозрачного окошка подарочной коробки девочка — ярко накрашенная кукла, изуродованное тельце.

"КетоМир — безграничные услуги" Картинка пропала, из

колонок донеслось шипение, через которое можно было различить слова:

Пятерых сегодня на поезд. К заказчикам они попадут через четыре часа, рассчитайте дозу правильно, чтобы сдохли не по дороге, а на месте назначения.

Сопровождающие должны указать точное время. Отследите все внимательно. Если что — давайте противоядие и делайте поправку. Исполнение заказа снимайте на камеру, мы должны убедиться в том, что мальчишки умерли во время секса. Иначе нас могут попытаться обмануть и предъявить претензии.

"КетоМир" Тонкое личико серьезной девушки-корреспондентки:

Данные материалы были получены в результате спасательных работ, проводимых после террористического акта, направленного на правящую верхушку всемирно известной компании по производству кеторазамина. "КетоМир" долго время являлся монополистом в данной области, перекупив фабрики и заводы у государства в период инфляции, вызванной нестабильным положением после поражения в Пятой Войне.

"Кеторазамин" На данный момент решается вопрос о возвращении производственных линий в руки правительства. Юристы утверждают, что это всего лишь дело времени. К сожалению, цена препарата снижена не будет, это обусловлено сложностью процесса его изготовления.

"Конец КетоМира" Горящие завалы, оранжевые пляшущие искры в воздухе, резкие крики, вой сирен.

Оглушительный треск рушащихся стен, суетливые фигурки среди раскаленного ада.

Знакомые очертания разрушенной резиденции КетоМира, обгорелые скрюченные пальцы.

Рыжие отблески, лежащие на закопченных боках догорающего истребителя.

Скай услышал, как дыхание Арина прервалось, развернулся, закрывая спиной монитор:

Дальше лучше не смотри.

Он молча взялся руками за плечи Арина, притянул к себе.

Арин не стал сопротивляться, склонил голову на его грудь, задышал тяжело, через силу.

Конечно, факты подтасованы, — проговорил Скай. — На "КетоМир" навешали все, что могли. Питомники им не принадлежали, например. Просто не смогли удержаться, не использовать такой компромат в свою пользу.

Арин отстранился, отвел его рукой в сторону, дотронулся пальцами до мышки, перематывая видео чуть назад.

Личность террориста пока не установлена, результаты генетического анализа будут готовы через несколько часов, высказывается предположение, что искать нужно среди жертв преступной деятельности организации.

Выгнувшееся в агонии тело, голова — обгорелый черный комочек с провалами глазниц, раскинуты руки, обнажившиеся дуги ребер.

Арин долго смотрел на экран, видя не жалкие останки, а человека, живого, того, что был с ним рядом долгое время.

"Останься со мной. Мне без тебя жить невыносимо" "Мне не нужна помощь таких, как ты" Макс, — беспомощно сказал Арин. — Я…

Он не договорил, бессильно опустился на колени, прижавшись лбом к срезу столешницы, поднял руки, положив их на стол.

Скай посмотрел на него, нажал на кнопку выключения монитора.

Дальше пришлось поднять Арина на руки и перенести на кровать. Он не сопротивлялся, вытянулся, тихонько всхлипнув, глядя прямо перед собой широко раскрытыми, заблестевшими глазами.

Сможешь заснуть? — спросил Скай, но не дождался ответа.

Развернулся, взял со стола пульт, выключил неяркий свет, стянул через голову плотную, стального цвета футболку. В наступившей тишине отчетливо было слышно глубокое, прерывистое дыхание Арина. Но он не шевелился. Не двинулся он и тогда, когда Скай лег рядом, сомкнув руки вокруг прохладных плеч.

Скай был уверен, что введенные препараты сломят нервное напряжение парнишки, и он сможет все-таки заснуть, но ошибся. Спустя полтора часа Арин повернулся набок, прижался головой к его груди, и Скай почувствовал частые, теплые капельки слез на своей коже. Он приподнял руку и успокаивающе провел пальцами по спине Арина, по выступающим, словно округлые камешки на поверхности горного ручья, позвонкам:

Это того стоило.

Я теперь не смогу сказать ему, что мне тоже было тяжело.

Если бы ты сегодня спрыгнул, то не смог бы услышать то, что я хочу сказать тебе.

И не увидел бы того, что я могу тебе показать.

Я понял… Я теперь все понял.

Скай прижал его крепче, думая о том, во что вылился обычный, на первый взгляд, заказ на поиск сбежавшего питомца. О том, что таилось за красивой оболочкой дерзкого мальчишки, о

той силе, что поставила его на перекрестье судеб стольких людей. О том, что будет дальше. О том, что он теперь выберет. О том, что новостей на сегодня ему хватит.

Арин вдруг проговорил шепотом:

Что ты хотел мне сказать?

Скай чуть улыбнулся, опустил глаза и встретил настороженный взгляд искристых, карих глаз.

Я тебе уже говорил, но можно повторить. Я тебя люблю.

Некоторое время Арин молчал, потом, неловко поднявшись, прижав к груди искалеченную руку, поднял голову и провел губами по лицу Ская, ища его губы.

Впервые Скай не ощутил в его поцелуе желания вызвать возбуждение. Это была ласка, осознанная, искренняя. Часть тепла обнаженной в своем страдании души.

Тщательно сдерживаемое дыхание, вкус слез и томительные минуты откровенной нежности.

Через некоторое время Арин проговорил тихо:

Вкатай мне что-нибудь, чтобы я вырубился и ни о чем не думал. Я устал.

* * *

Скай вышел из подъезда позже Арина, задержавшись у компьютера, по привычке меняя пароли, и теперь остановился у дверей, глядя на подростка.

Арин стоял, прислонившись к бамперу машины, сунув руки в карманы короткой куртки, и смотрел вверх, туда, где все еще догорало ало-желтое зарево.

Четкий, красивый профиль, разметавшиеся по шее яркие пряди сиреневых волос.

Небрежно-уверенная поза, туго обтянувшие линию бедра черные джинсы, перехваченные над коленом латексными ремнями. Округлые изгибы стройного тела.

Арин почувствовал его взгляд, повернул голову, улыбнулся:

Я начинаю понимать наркоманов. Все чувства вымывает напрочь.

Лучше пей, — посоветовал Скай, подходя ближе, открывая ключом дверцу машины. — Наркотиками я тебя снабжать не намерен.

Да ладно, — ответил Арин, забираясь в салон. — За восемь дней ты особо на них не растратишься.

Скай не стал отвечать, но потом, когда автомобиль набрал скорость и понесся по прямым, как стрелы, улицам, забитым

рекламными щитами, сказал спокойно:

Прежде чем орать и возникать, подумай хорошенько. У тебя есть шанс. У тебя есть кеторазамин.

Опять? — рассмеялся Арин. — Откуда вы его берете?

Не твое дело, — резко сказал Скай. — Думай своей башкой, время еще есть.

Подумаю, — легко согласился Арин. — Дай хоть посмотреть.

Скай отвел рукой стенку выдвижной панели, кинул на колени Арину плотно запаянную ампулу с белесой жидкостью.

Дрянь какая-то, — проговорил Арин, рассматривая ампулу на свет. — Я бы сказал, на что это похоже…

Заткнись, а? — не выдержал Скай. — У тебя с головой все в порядке?

Не знаю, — честно признался Арин, пряча ампулу в карман. — Вряд ли. Мы… на аэродромы?

Да.

Арин прикусил губу, откинулся назад, закрыл глаза:

С них все началось.

Скай вспомнил первую их встречу, рефлекторно тронул ладонью когда-то пробитое стальным стилетом колено.

"Пежо" вывернул на бескрайние взлетно-посадочные полосы, пронесся по шуршащему под колесами бетону. Скай помедлил, прежде чем остановить машину, сдал чуть назад и заглушил мотор.

Выходи.

Он вышел первый, остановился, кивнул в сторону:

Смотри.

Арин обвел взглядом пыльный бетон, задержался глазами на ярком, зеленеющем пятне на серой поверхности.

Медленными шагами прошел вперед, присел на корточки.

Левой, — коротко сказал Скай, наблюдая за ним.

Арин поменял руку и коснулся пальцами тугих, ярких травинок. Нежная зелень чуть качнулась и снова распрямилась, расправив яркие непокорные стрелочки.

Сквозь душный, грязный воздух вдруг пробился тонкий, весенний аромат. Повеяло легкой, едва уловимой свежестью.

Арин повернул голову, и Скай увидел в его глазах что-то такое, что заставило сердце биться сильнее — что-то, чему нет названия. Не благодарность, не осознание, а то, от чего в голове всплыла только одна ассоциация — освобождение.

Вот так вот, Арин. Трава всегда пробьется сквозь бетон, сколько бы времени на это не понадобилось, чтобы не случилось в мире над ледяной могильной толщей. Она всегда пробьется. Пусть пока и хрупкая, пусть она и обречена, но тот, кто увидит ее

раз и коснется пальцами, впитав ее нежность, уколовшись сначала об острые лучики, но не сдавшись, слизнув кровь, тот запомнит ее навсегда.

Пусть тот, кто почувствует ее запах, обречен сам, пусть тот, кто прольет слезы над ее хрупкими, но такими сильными стебельками, сможет лишь оставить в памяти ее образ. Пусть будет так. Просто трава всегда пробьется сквозь бетон. Для этого нужно немного любви, кровь и надежда.

Даже под проклятым лопнувшим куполом, даже в удушливом смоге умирающего города есть места, где можно найти жизнь. Настоящую жизнь, упорную, ту, от которой кружится голова, ту, с которой хочется быть рядом.

Арин выпрямился, опустил голову:

Настоящая.

Настоящей некуда.

Арин вдруг повернул голову, улыбнулся:

Как думаешь, кеторазамин действует на все живое?

Не знаю. Думаю, да, — ответил Скай, не успев понять, к чему был задан этот вопрос.

А, поняв, осознал, что пытаться его остановить бесполезно. Жалобный хруст разгрызаемого тугого пластика, легкие капельки, стекающие на яркие нарядные травинки, прокатившиеся росяными блестками и тут же впитавшиеся под лаковую зеленую поверхность.

Арин стряхнул остатки кеторазамина с пальцев:

Я, конечно, идиот, но одну вещь я понял — ничего в этом мире не делается просто так. Людей много, мне на смену придут другие, а это… Этому замены нет.

Часть 20

Скай.

Скай оторвал взгляд от монитора, посмотрел на Арина.

Тот повернулся на бок, подложил под голову искалеченную руку, проговорил:

Знаешь, что мне это напоминает? Я где-то читал про праздники, какие-то детские праздники. Там надо было ждать определенного времени, и появлялась какая-то хрень, которая приносила подарки. Детям нравилось. Когда я прочитал, я не понял, что в этом хорошего. А теперь понимаю — дело не в том, чего ждать, а в том, что ожидание в любом случае интригует, если даже ждешь смерти. Кажется, что начнется новая точка отсчета. Ожидания делят время на куски. До и после.

Скай наклонил голову:

Интересные у тебя сравнения.

Арин улыбнулся, потянул пальцами тяжелую металлическую цепочку, приподнял датчик. Мертвенный зеленый отсвет лег на его лицо, красивое, чуть асимметричное, с тонкими чертами. За последние дни он изменился — стал непробиваемо спокоен, практически ко всему равнодушен, у уголков глаз залегли мягкие тревожные тени, и сами глаза смягчились. Если раньше в них горела режущая, как лезвие стилета, дерзость, то сейчас они наполнились гибельным ядом.

Только один раз Скай видел, как он потерял самообладание, когда, выйдя на балкон, нашел его скорчившимся у перил, задыхающимся, побледневшим до синевы.

Но это состояние быстро прошло, Арин после еще и посмеялся над собой и пояснил:

"Просто вспомнил, как любил ходить по краю…" Неожиданно он заинтересовался собранными еще сестрой Ская, книгами, давным-давно запертыми в дальнем шкафу, и выволок их наружу. Подолгу лежал на полу, читая, подперев здоровой рукой подбородок, изредка перекатываясь набок, чтобы дотянуться до сигарет или стакана с виски.

Скай ему не мешал — спиртное не давало никакого отрицательного эффекта, только разгорался в его глазах опасный, будоражащий огонек, но дальше дело не заходило.

Удивляло другое — выбранные им книги были обычными школьными учебниками, и внезапный такой к ним интерес можно было объяснить только желанием напоследок забить мозги чем попало, лишь бы ни о чем не думать.

В один из вечеров Арин, отложив книгу, прикусив зубами

край стаканчика, вдруг сказал:

Времени почти не осталось, а я, как целка какая-то…

Шлюха ты чертова, неисправимая, — откликнулся Скай. — Я бы на твоем месте об этом не думал.

Он знал, о чем говорит Арин — любая, даже самая условная близость стала для него мучительнейшим испытанием, даже случайное прикосновение вызывало у него практически физическую боль, не говоря уже о той панике, которая моментально разрасталась в глазах и лишала дара речи. Желания его не изменились, часто Скай ловил на себе его взгляды, такие же, как и раньше — с нескрываемым, манящим огоньком в глубине зрачков, но окончательно сломленная психика сопротивлялась любому проявлению этих желаний.

Сам Скай иногда, наблюдая за ним, за плавно-сильными движениями тела, за тем, как он, задумавшись, прикусывает губу или проводит рукой по ярким отросшим волосам, понимал, что хочет его невыносимо, до боли.

Избавиться от этого можно было только одним способом — прижать его к стенке и, не дав успеть испугаться, сломать выстроенный подсознанием заслон, дать возможность желаниям пересилить страх, но претила даже сама мысль о таком выходе из ситуации. Арин досадливо морщился, укладываясь спать один, подолгу ворочался, словно пытаясь что-то решить про себя, но так ни разу и не сделал первого шага, не справляясь с мучающим комплексом.

Сегодня вечером, в его последний день, он, видимо, все же решил что-то изменить, потому что, закончив рассуждать об ожидании, встал с кровати, подошел ближе.

Скай почувствовал на своей шее теплое дыхание и шелковистое, мягкое прикосновение его волос к обнаженной коже. Пытаться ответить на это прикосновение было рискованным, Скай понимал, как сложно Арину далась даже эта ласка, чувствуя спиной лихорадочное, тяжелое сердцебиение и ощущая с трудом сдерживаемую дрожь его тела.

Он знал, что на преодоление себя Арина толкает лишь врожденный дух противоречия, даже перед лицом добровольно выбранной смерти он не может смириться с условиями, даже диктуемыми ему собственной психикой, поэтому не стал идти навстречу, отдав ему право решать самому.

Около получаса бездумно раскладывая скопившиеся документы по папкам, Скай молчал, не обращая внимания на то, что сумерки уже сгустились, и раздражающий мятный свет датчика — единственный источник света после холодной белизны монитора.

Двадцать один двадцать девять.

Осталось тридцать одна минута.

Тридцать.

Арин вздохнул еле слышно, разомкнул руки, вернулся обратно на кровать и лег на спину, прикрыв глаза.

Скай кинул на него взгляд, но ничего не сказал.

Он открыл запароленную папку на рабочем столе, внимательно, в десятый раз перечел текст, закурил, задумавшись, и только потом снова посмотрел на часы.

Семь минут.

Скай, — вдруг позвал Арин, — иди сюда.

Боишься?

Нет. Холодно. Я замерз.

Скай аккуратно, не торопясь, затушил в пепельнице окурок, поднялся и подошел к кровати.

Зыбкий туман окутал похудевшее тело Арина, положил медлительные вязкие тени на его кожу, лицо побледнело, но глаза смотрели спокойно.

Я же сам так решил, — проговорил Арин, пытаясь улыбнуться. — Я все всегда хотел решать сам… И решил же.

Молодец, — язвительно ответил Скай, ложась рядом. — Давай тогда сам делай, что тебе надо.

Арин помедлил и осторожно, несмело коснулся дрогнувшими пальцами его волос, провел невесомую дорожку по скуле, тронул кожу шеи, остановился.

Четыре минуты.

Темные, пытливые глаза, загадка и тайна, неугасимый лихорадочный огонь и добровольно выбранная смерть. И последнее желание — снова вызов, снова вызов самому себе, искалеченному пережитым, снова загнанному в рамки, загнанному собственным страхом.

Последняя черта. Что же это такое? К какой из последних черт он должен был придти?

Полторы минуты.

На хрен все это, — севшим голосом, жестко и злобно сказал Арин, приподнялся резким движением, и Скай увидел решимость и знакомый дерзкий огонек в сверкающих глазах. — На хрен. Выбрал так выбрал. Решил так решил. Скай. Я скажу, мне уже все равно. Я тебя люблю.

Скай притянул его к себе, закрыл глаза, дыша теплым горьковатым запахом шелковистых волос. Услышал, как он задыхается, услышал, как в последний раз сильно и отчетливо стукнуло его сердце и замерло.

Года: завершены. Месяцы: завершены. Часов: 0. Минут: 0.

Секунд: 0.

Я тебя тоже.

Следующая секунда навалилась на Ская оглушительным потоком ледяной, забитой тяжелыми камнями неизвестности, шумящей волны. Она раскромсала душу в кровь, ударила прицельно, ломая привычный лед, заставив пожалеть о своей жестокости, заставив наклонить голову и прижаться губами к еле теплым губам Арина.

Сколько приходилось мысленно извиняться перед ним и придется сделать это еще раз. Прости, Арин. Прости, иначе было нельзя, ведь я мог ошибаться… И было бы хуже. Прости.

Знаешь, — сказал он, — у меня есть все, что тебе нужно. Секс, алкоголь и сигареты. Как тебе?

Твою мать… — ответил Арин, поднимая голову. — Твою мать.

* * *

Щелчок автоматически открывающейся двери и слабый писк сканера оповестили о том, что Арин вернулся. Легкий шорох — о том, что он по привычке сбросил куртку на пол, а крепко сжавшиеся вокруг плеч Ская руки и горьковатый запах сигарет и пыли — о том, что он цел и не влип в очередные неприятности.

Пятая Черта, — проговорил Арин, нетерпеливо покусывая мочку уха Ская. — Я сделал это. Смотри.

На стол легла тяжелая заламинированная папка. Сквозь грязный пластик виднелись густо исписанные листы.

Скай, мне нужно еще оружие, автоматику желательно… И взрывчатку из армейских "бесшумок". За Шестую черту нужно идти уже серьезным составом, там просто редкостные уроды обитают. Меня и в этот раз чуть не пристрелили, но дело того стоило. Жалко, что там фонит безбожно, долго не продержишься, иначе бы я вышел за Шестую еще позавчера. Скай, Пятая! Я три года пытался ее пройти, я задолбался просто… Не выдержал, уже на обратном пути просмотрел все, что удалось достать.

Арин забрался на стол, сел, положив лодыжку одной ноги на колено другой, наклонился, жадно и нежно приник губами к губам Ская, улыбаясь:

Зря ты не хочешь со мной ходить. Мне тебя там не хватает Это твоя последняя черта, — коротко возразил Скай. — У меня свои дела. Тем более, одиночеством ты не страдаешь.

Арин сполз со стола, сел на колени Ская лицом к нему, крепко сжав коленями его бедра, потерся коротко стриженой

головой о светлую синтетику его футболки:

Это мне не совсем подходит. Сам знаешь, в таких связях я всегда сверху, но мне больше нравится использовать твою привилегию на то, чтобы…

Шлюха, — отозвался Скай, не выдерживая, обнимая его за плечи, привлекая к себе, теплого, повзрослевшего, любимого.

Не без этого, — согласился Арин. — Потом обсудим… Моя последняя черта. Их десять. Потом испытательные полигоны… Потом… Потом я разберусь во всем этом и поставлю мир раком.

Скай невольно улыбнулся:

Ты — мир, я — тебя?

Арин подумал немного, кивнул:

Что-то вроде того. Не вижу в этом ничего плохого. Я без тебя устаю.

Скай привычно потянул пальцами широкий ремень, пристегнутый одним концом к широкому ошейнику, другим к металлическим клепкам на черных запыленных джинсах.

За эти семь лет Арин сильно изменился, но некоторые привычки остались при нем, и одной из них была привычка затягивать свое тело в ремни.

Характер его превратился в дикую смесь неуправляемости и железной воли. Сбить его с толку стало невозможным, противоречить ему было бесполезно, указывать на ошибки — опасно. Да, впрочем, вряд ли кто мог упрекнуть его в совершении ошибок.

С того момента как пять лет назад он вышел за Первую Черту и нашел там документы и данные, сведения о которых сначала тщательно собирал в Сети, его жизнь обрела смысл, и он явно не собирался отступать.

Скаю на первых порах было сложно его поддерживать, сложно было налаживать связи с теми людьми, кто бы согласился на такую авантюру, а еще сложнее было заставить их понять, что они должны беспрекословно подчиняться девятнадцатилетнему пацану.

Не обходилось без драк, пару раз информация была слита полиции, и дело заходило в тупик — все границы с Чертами перекрывались на долгие месяцы.

Пару раз попав в перестрелки, Арин научился сдерживать нетерпение и такое время пересиживал дома или шляясь по улицам и барам. Иногда он устраивал показательные выступления, сцепляясь с теми, кого обходили стороной даже признанные авторитеты Тупиков.

Скай знал, что этим он старался избавиться от чувства неполноценности, вызванного увечьем, и заставить других

воспринимать его всерьез.

Поэтому никогда не вмешивался, просто следя за развитием событий и, только при крайней необходимости звонил "оппонентам" напрямую и парой слов давал понять, что на следующей разборке неверное движение будет стоить им жизни.

Период становления прошел быстро — Арин всему учился легко, умел принимать вещи такими, какие они есть и не питал никаких иллюзий. Отчасти эта черта его характера и убедила Ская в том, что его мечта дойти до испытательных полигонов и найти разгадку всему, что творилось в этом мире, была исполнима.

Скай участвовал во всем этом косвенно, занимаясь своими делами и лишь снабжая Арина необходимым ему оружием, медикаментами и прочими вещами, которые было сложно достать.

О прошлом Арин вспоминал редко и вскользь, лишь иногда дотрагиваясь пальцами уцелевшей руки до широкого сероватого шрама на шее, но Скай знал, что он ничего не забыл. Ночами Арин, потушив последнюю сигарету, поворачивался на бок и подолгу смотрел в лицо Ская, потом тянулся к нему, обнимал и шептал что-то неразборчивое. Потом улыбался и засыпал, спрятав голову у него на груди, так, как привык засыпать еще подростком.

Часто Скай заставал его за тем, что он, свернув многочисленные окна открытых файлов на мониторе, складывал руки на столе и опускал голову, но потом вновь приходил в себя и снова принимался за работу, разбирая и рассортировывая полученную за Чертами информацию.

Он изменился. Изменился и остался тем же. Тем, кто не умел жить, не борясь, но теперь нашедшим реального противника.

Я найду этих сук, — пообещал он как-то. — Я их найду и заставлю вернуть все на свои места. Я теперь понял, в чем загвоздка — людям, которые следят за датчиками, некогда думать о причинах. У меня времени полно, теперь никто не сможет сказать, когда я умру… — он остановился, словно что-то вспомнив, прикусил губу. — Уроды.

За эти семь лет Скай только один раз видел его слезы — на Третьей Черте он потерял около пяти человек и, вернувшись, не выдержал, скинув куртку, прижался к Скаю и долго задыхался от боли и ненависти.

Успокоить его можно было так же, как и в детстве — дав пинка под зад, что Скай и сделал, предварительно влив в него порядочную порцию спиртного.

Нервы у тебя ни к черту. Сам знаешь, за что взялся.

Больше Арин не срывался, и научился планировать вылазки

так, чтобы нести минимальные потери, успев урвать нужную информацию.

Настоящей его победой стала Четвертая Черта, именно после ее прохождения он, просидев над разобранным датчиком Ская около шести часов, легко изменил показатели, увеличив сроки жизни на несколько лет. Эффект оказался возвратным, но Арин надеялся на Пятую Черту, поэтому особо не расстроился.

Тогда он отчетливо понял, что идет к своей цели не просто так, осознал и смог доказать, что во взаимодействии организм-датчик-чип механизм самоликвидации является следствием симбиоза составляющих, а не врожденной настроенностью организма.

И тогда же он впервые встретил упоминания о том, что на самом деле представляли из себя излучатели на орбите.

Скай хорошо помнил его потемневшие, ожесточившиеся глаза, плотно поджатые губы.

И за это… И за это платят…

Он поднял голову:

Скай, я понял, как с нами это сделали. Значит, я все исправлю.

Сейчас, сжимая его в руках, лаская губами податливые губы, гладя гладкую кожу его плеч, Скай вспоминал легкие прозрачные вечера, которые Арин проводил над белым пустым листком текстового редактора.

Вспоминал его кровь на своей коже, вспоминал тени у уголков сверкающих карих глаз, короткое "люблю", тугой пластик, рассыпавшийся на осколки в судорожно сжатой ладони и капельки кеторазамина на стрелках молодой травы. Травы, пробившейся сквозь бетон.

* * *

"… Только так, только этими строками я могу сейчас возродить в твоей памяти звук моего голоса. Ведь, если ты читаешь это, значит, я мертв. Я раньше не думал о том, что буду говорить после смерти так, сквозь микросхемы и электричество, да и вообще не думал, что захочу это кому-нибудь сказать. Сейчас я еще жив, сейчас я трогаю пальцами клавиши и чувствую их теплый пластик, смотрю на свои руки.

Сейчас я слышу свои мысли, я думаю, чувствую холодок из-под неплотно прикрытой двери. А когда ты будешь это читать, меня не будет. Это странно себе представлять.

Я не хочу, чтобы мои мысли, некогда бывшие живыми,

запутались навек в паутинах проводов компьютера, так что, прочтя, сотри этот текст.

За окном серая мгла. В комнате полумрак и редкие вспышки неисправной лампы. Я один, но это уже не пугает. Раньше было тяжело, сейчас уже нет.

Чтобы давать жизнь, нужно хотеть это делать. Иначе не получится, как не получится ничего из того, что ты делаешь не по своей воле. Желание и любовь — неразлучны, вечно рядом, вечно вместе. Любишь — желаешь, желаешь — любишь.

Чтобы я пожелал стать тем, кем являюсь, мне разрешили полюбить мир. Это оказалось несложным — наш мир достоин любви. Каким бы он ни был. Даже сейчас, смотря на туманы смога за стеклом, я понимаю, что его есть за что любить, а тогда, завороженный фильмами о прошлом, о траве, солнце и небе, я захотел что-то изменить. Как только ты чего-то хочешь из-за любви — ты попадаешь в ловушку. И я попался.

Люди, говорили они, лучшая часть мира… Когда-нибудь мир очистится, вернется небо, но некому будет на него смотреть. Помоги людям увидеть небо, дай им жизнь, пожелай дать им жизнь.

Когда-нибудь вырастет трава, но некому будет коснуться ее рукой. Стоит тебе лишь пожелать давать жизнь, и ты сможешь это исправить.

Когда мне это говорили, я явственно видел, как кто-то касается пальцами упругих травинок, стряхивая с них капельки росы. Мне казалось, что, пусть пройдет не одна сотня лет, но если останутся люди и воскреснет мир, то я каким-то образом смогу это увидеть. Мне казалось, я вернусь с того света только из-за желания постоять за спиной человека, коснувшегося первой травы. Я думал о том, что обязательно это увижу, призраком ли, ветром ли…

Когда стало понятно, что я согласен и моей любви и желания хватает, меня начали резать. Раскрывать ткани и часами вставлять в нервы ниточки-проводники. В каждый. Сеть проводников должна была быть замкнутой и опутать все тело.

Забитые проволоками и растяжками открытые раны, пучки проводов и кусочки отмерших тканей на подносах. Это все, что я помню. Дело в том, что я только тогда понял, как бывает больно. Но об этом не стоит говорить — никто из живущих на земле не способен по-настоящему почувствовать боль другого. Скажу лишь одно — страшно узнать потом, что ты пережил это лишь для того, чтобы однажды к тебе пришли и сказали, что ты теперь обязан отдать то, что хранишь в себе, всего двум людям.

Арин знает этих людей — те, кто продает жизнь, не могут

добиться от нее взаимности.

Поэтому им нужен был я. На этом бы можно было закончить. Я не смог простить предательства, я не смог справиться с собой и полюбить тех, кто через мою душу обманул целый мир. Возможно, я был неправ, но я не смог.

Эксперимент провалился. Всех, кто принимал в нем участие, убили, лаборатория была разрушена — само существование этого проекта поставило под угрозу налаженную систему по продаже кеторазамина.

Я потом много думал о том, почему я выжил. Зачем я выжил. Для кого?

Я не нашел ответа. Я стал сумасшедшим, погребенным под слоем породы. Жизнь людей из Братства Воды — побочный эффект моего существования, я не любил их, я тогда вообще никого не любил. Моя жизнь стала адом. Бог — это тот, кто дает нам жизнь.

Я был богом, заваленным изуродованными существами, втиснутым в каменную клетку, живущий одной лишь болью. То есть, таким же, как настоящий.

Твое появление стало моим избавлением, убить себя мне не хватало духу — я слишком хорошо знал цену жизни, и мне было чего ждать. Пусть редко, но в моем подвале появлялся человек, который говорил понятные и простые вещи, который должен был все знать, и я был уверен, что он все знает, но он ничего не требовал.

Я только потом понял, что ошибся — он ничего не знал, потому что, хоть и был разумным питомцем, но очень многого тогда не понимал… Я вообще во многом ошибался.

Но это уже неважно — мои слова теперь память проводов, мои мысли лишь импульс.

Уже неживой.

Конечно, кому-то захотелось вернуть эту технологию, а я всего лишь неудачный экземпляр — мне опрометчиво оставили чувства. Экспериментальный экземпляр нужно разобрать, чтобы по его образцу создать других, но уже безошибочно, предварительно отсоединив душу. Я не буду сопротивляться этому, хотя знаю точно, что такая идея обречена на провал.

Теперь, оставшись только импульсом в памяти твоего компьютера, я могу, не боясь, сказать все, что думаю.

Мы умираем не потому, что зависимы от механизма самоликвидации, а потому, что смирились с этим. А главное — мы больше не умеем любить. Кеторазамин. Энергетик для трупов. Жизни он не дает, он дает иллюзию движения, иллюзию чьих-то взглядов и слов. Но движения и слова бессмысленны, если ты не

совершаешь их и не говоришь их ради кого-то. Как бессмысленны все мы — пустые оболочки, заряженные механизмы.

Поэтому-то я и не хотел никому отдавать то, что имел — картон не оживишь. Так было до тех пор, пока не появился Арин. Он был лучшей болью в моей жизни. Я решил дать ему за это право самому все решать, единственному, тому, кто никогда ничего не просил… не требовал.

Итог моей жизни короток. Как любой бог, я был жесток, как любой бог, я был никчемен, как любой бог, я был обречен. Судьбу мира решают не боги, а люди, и я уступаю. Пусть все останется в руках того, кто больше никогда не увидит дату своей смерти.

За окном ночь, ночь слепого мира. Сотри все это, Скай, сотри, я хочу свободы.

Лучшая свобода — это та, когда ты сам решаешь, жить тебе или нет, оставить ли что-то после себя или нет. Так вот, я не хочу ничего оставлять после себя, я хочу исчезнуть навсегда, навек, раствориться, умереть.

Я… я сумасшедший, который поверил небу.

Не более.

Жизнь — это не ты один, не ты сам, отчаявшееся животное, жизнь — это те, кто когда-либо смотрели в твои глаза.

Смерть… Это не то, что отнимает у нас право двигаться и мыслить, смерть — это то, что навсегда закрывает твои глаза от других.

Так что… Просто посмотри в его глаза.

Он должен перейти за Последнюю Черту"